

ISSN 2619-1636

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ЭТНОЛОГИЯ

Historical
Ethnology
2026

Том 11. № 1

Vol. 11. No. 1

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ. 2026. Том 11. № 1

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

«Историческая этнология» – рецензируемый научный журнал, в котором освещаются новые методы и результаты исследований, стимулирующие дальнейшее становление в России и в сопредельных странах исторической этнологии как самостоятельного научного направления, тесно связанного со смежными историческими, этнографическими, культурологическими, антропологическими, социологическими дисциплинами.

Миссия журнала – содействие формированию новых стандартов историко-этнологических исследований на евразийском пространстве и укрепление международного сотрудничества в области исторической этнологии как объединительного механизма различных историко-социальных направлений гуманитарной науки.

В журнале публикуются работы по следующим темам: теория этнического, этническая реальность: синхронный и диахронный анализ, идентичность в теории и прикладных исследованиях, микроистория и культура повседневности, национальное образование.

Журнал принимает к публикации: оригинальные статьи, обзоры, переводы зарубежных материалов, мнения экспертов, дискуссионные, методические и информационные статьи, эссе, комментарии.

Год основания: 2016 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Государственное научное бюджетное учреждение «Академия наук Республики Татарстан»
(420111, ул. Баумана, 20, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация)

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77-86148 от 19 октября 2023 г.

Выходит 4 раз в год

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420111, ул. Батурина, 7, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация
Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
Тел./факс +7(843)292-84-82 (приемная)

© Академия наук Республики Татарстан, 2026

© «Историческая этнология», 2026

<https://historicaethnology.org>

E-mail: his.ethnology@gmail.com

HISTORICAL ETHNOLOGY. 2026. Vol. 11. No. 1

ONLINE SCIENTIFIC JOURNAL

“Historical Ethnology” is a peer-reviewed scientific journal which highlights new methods and research results that stimulate the further development of historical ethnology in Russia and neighboring countries as an independent scientific field, closely related to allied historical, ethnographic, cultural, anthropological, and sociological disciplines.

The mission of the journal is to promote the formation of new standards of historical and ethnological research in the Eurasian space and to strengthen international cooperation in the field of historical ethnology as a unifying mechanism for various historical and social areas of the humanities.

The journal publishes works on the following topics: ethnic theory, ethnic reality: synchronous and diachronic analysis, identity in theory and applied research, microhistory and the culture of everyday life, national education.

The journal accepts for publication: original articles, reviews, translations of foreign materials, opinions of experts; discussion article, methodological and informational articles, essays, commentaries.

Year of establishment: 2016

FOUNDER AND PUBLISHER:

State Institution “Tatarstan Academy of Sciences”
(420111, Bauman St., 20, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation)

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)

ЭЛ № ФС 77-86148 on October 19, 2023

Published 4 times a year

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE:

420111, Baturin St., 7, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Tel./Fax +7(843)292-84-82 (reception)

© Tatarstan Academy of Sciences, 2026

© “Historical Ethnology”, 2026

<https://historicaethnology.org>

E-mail: his.ethnology@gmail.com

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: Габдрахманова Гульнара Фаатовна, доктор социологических наук, доцент, заведующий отделом этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Составитель и ответственный редактор выпуска: Макарова Гузель Ильясовна (Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань, Российская Федерация)

Редактор английских текстов: Шарифуллина Диляра Рашитовна (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация)

Ответственный секретарь: Сагдиева Эльвина Азадовна (Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань, Российская Федерация)

EDITORIAL OFFICE

Editor-in-Chief: Gulnara F. Gabdrakhmanova, Doctor Sc. (Sociology), Associate Professor, Head of the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Compiler and Managing Editor of the issue: Guzel I. Makarova (Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

English Editor: Dilyara R. Sharifullina (Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation)

Managing Secretary: Elvina A. Sagdieva (Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ажигали Серик Ескендирулы – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии архитектуры стран Востока, почетный академик Национальной Академии наук Республики Казахстан, главный научный сотрудник отдела этнологии и антропологии Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (Алматы, Республика Казахстан)

Бари Донна – Ph.D. (политология), профессор политических наук, директор программы Патерно Феллоус, Университет штата Пенсильвании (Юниверсити-Парк, США)

Габдрафикова Лилия Рамилевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Гарипова Розалия Равилевна – Ph.D., доцент кафедры истории, философии и религиоведения Школы естественных, социальных и гуманитарных наук, Назарбаев Университет (Астана, Республика Казахстан)

Гибатдинов Марат Мингалиевич – кандидат педагогических наук, заместитель директора по научной работе, руководитель Центра истории и теории национального образования, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Головнев Андрей Владимирович – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Забирова Айгуль Тлеубаевна – доктор социологических наук, доцент кафедры социологии колледжа гуманитарных и социальных наук, Университет Зайед (Аль-Айне, ОАЭ)

Загребин Алексей Егорович – доктор исторических наук, профессор Российской академии наук, и.о. директора Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук; профессор кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Удмуртского государственного университета, научный руководитель научно-образовательного центра «Современные этнополитические исследования» (Москва, Ижевск, Российская Федерация)

Иноуэ Ацуси – заведующий кафедрой Корнелиуса Вандербильта и профессор экономики факультета экономики, Университет Вандербильта (Нашвилл, Теннесси, США)

Канлыдере Ахмет – доктор наук, профессор кафедры истории, кафедры всеобщей истории Турции, Факультет гуманитарных и социальных наук, Университет Мармара (Стамбул, Турция)

Квилинкова Елизавета Николаевна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы, Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси (Минск, Республика Беларусь)

Курбанова Земфира Ибрагимовна – доктор исторических наук, заведующий отделом этнографии Каракалпакского научно-исследовательского института гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан (Нукус, Республика Узбекистан)

Лентон Адам – Ph.D., факультет политических исследований, Университет Джорджа Вашингтона (Вашингтон, США)

Минниханов Рифкат Нургалиевич – доктор технических наук, президент Академии наук Республики Татарстан, академик Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Петров Юрий Александрович – доктор исторических наук, директор Института российской истории Российской академии наук (Москва, Российская Федерация)

Полунов Александр Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)

Расулов Абдулла Нуритдинович – доктор исторических наук, профессор Наманганского государственного университета (Наманган, Республика Узбекистан)

Резван Ефим Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, руководитель лаборатории «Международный центр исламских исследований» Музея антропологии и этнографии Петра Великого (Кунсткамеры) Российской академии наук, директор Санкт-Петербургского музея исламоведения (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Салихов Радик Римович – доктор исторических наук, директор Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан, академик Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Сейдаметов Эльдар Халилович – кандидат исторических наук, заведующий Крымским научным центром (КНЦ), Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан; доцент кафедры истории, Крымский инженерно-педагогический университет (Симферополь, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «Всемирная история, историография и источниковедение», Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Хотопп-Рике Миесте – доктор тюркологии, директор Института Кавказских, Татарских и Туркестанских исследований (ICATAT) (Магдебург, Германия)

Чичек Хусейн – Dr. habil., старший научный сотрудник кафедры религиоведения Венского университета; научный сотрудник Эрлангенского центра ислама и права в Европе, Университета Эрланген – Нюрнберг; Центр перспективных исследований безопасности, стратегических и интеграционных исследований Боннского университета (Эрланген, Германия)

Ягафова Екатерина Андреевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии, истории и теории мировой культуры, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Российская Федерация)

EDITORIAL BOARD

Serik E. Azhigali – Doctor of Science (History), Professor, Corresponding Member of the International Academy of Architecture of Oriental Countries, Honorary Academician of the Republic of Kazakhstan National Academy of Sciences, Chief Researcher of the Department of Ethnology and Anthropology, Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology of the Science Committee of the Ministry of the Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Donna Bahry – Ph.D. in Political Science, Professor in Political Science, Director of the Paterno Fellows Program, Pennsylvania State University (University Park, USA)

Liliya R. Gabdrifikova – Doctor of Science (History), Chief Research Fellow at the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Rozaliya R. Garipova – Ph.D., Assistant Professor of the Department of History, Philosophy and Religious Studies of the School of Sciences and Humanities, Nazarbayev University (Astana, Republic of Kazakhstan)

Marat M. Gibatdinov – Candidate of Science (Pedagogy), Deputy Director for Research, Chief of the Center for History and Theory of National Education, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Andrey V. Golovnev – Doctor of Science (History), Professor, Corresponding Member at the Russian Academy of Sciences, Director of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)

Aygul T. Zabirova – Doctor of Science (Sociology), Associate Professor at the Department of Sociology, College of Humanities and Social Sciences, Zayed University (Al-Ain, United Arab Emirates)

Aleksei E. Zagrebin – Doctor of Science (History), Professor at the Russian Academy of Sciences, Acting Director of the Institution of the Russian Academy of Sciences N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology; Professor at the Department of the History of Udmurtia, Archeology and Ethnology, Udmurt State University, Academic supervisor of the Research and Education Center “Modern Ethnopolitical Research” (Moscow, Izhevsk, Russian Federation)

Atsushi Inoue – Cornelius Vanderbilt Chair and Professor of Economics, Department of Economics, Vanderbilt University (Nashville, Tennessee, United States)

Ahmet Kanlidere – Dr., Professor, Department of History, Department of General Turkish History, Faculty of Humanities and Social Sciences, Marmara University (Istanbul, Turkey)

Elizaveta N. Kvilinkova – Doctor of Science (History), Associate Professor, Leading Research Fellow, K. Krapiva Institute of Art History, Ethnography and Folklore, Center for Research on Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk, Republic of Belarus)

Zemfira I. Kurbanova – Doctor of Science (History), Head of the Department of Ethnography, Karakalpak Research Institute for the Humanities, Karakalpak Branch of the Uzbekistan Academy of Sciences (Nukus, Republic of Uzbekistan)

Adam Lenton – Ph.D., Department of Political Science, The George Washington University (Washington, USA)

Rifkat N. Minnikhanov – Doctor of Science (Technical Sciences), President of the Tatarstan Academy of Sciences, Academy Fellow of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Yuriy A. Petrov – Doctor of Science (History), Director of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Alexander Yu. Polunov – Doctor of Science (History), Professor, Head of the Inter-ethnic and Interfaith Relations Management Department of the Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

Abdulla N. Rasulov – Doctor of Science (History), Professor of the Namangan State University (Namangan, Republic of Uzbekistan)

Efim A. Rezvan – Doctor of Science (History), Professor, Head of the International Center for Islamic Studies, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, Director of St. Petersburg Museum of Islamic Studies (St. Petersburg, Russian Federation)

Radik R. Salikhov – Doctor of Science (History), Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academy Fellow at the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Eldar Kh. Seydametov – Candidate of Science (History), Chief of the Crimea Research Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences; Associate Professor of the Department of History, Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of Science (History), Professor, Chief of the Department “World History, Historiography and Source Studies”, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Mieste Hotopp-Riecke – Doctor of Turkology, Director of the Institute for Caucasian, Tatar and Turkestan Studies (ICATAT) (Magdeburg, Germany)

Hüseyin Çiçek – Dr. habil., Senior Research Fellow at the Department of Religious Studies, University of Vienna; Erlangen Centre for Islam and Law in Europe, Researcher, University of Erlangen – Nuremberg; Center for Advanced Security, Strategic and Integration Studies, University of Bonn (Erlangen, Germany)

Yekaterina A. Yagafova – Doctor of Science (History), Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of World Culture, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Специальная тема выпуска: Личность Л.М. Дробижевой и ее научное наследие (современная рефлексия)

(сост. и отв. ред. Г.И. Макарова)

Введение к выпуску

РЕДАКЦИОННАЯ СТАТЬЯ

**От идей Л.М. Дробижевой к осмыслению современной
этносоциальной действительности**

Макарова Г.И., Габдрахманова Г.Ф. 13

Научный мир

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Этносоциология в Татарстане. Посвящение Л.М. Дробижевой

Мусина Р.М. 27

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Леокадия Михайловна: Личность, ученый, публичный деятель

Мукомель В.И. 44

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**Этносоциология в современных контекстах:
о личности и актуальности идей Л.М. Дробижевой**

Попков Ю.В. 54

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**Наследие Леокадии Михайловны Дробижевой
в контексте дискуссии о природе этничности**

Ерохина Е.А. 69

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**Язык описания этнического феномена:
поворот от эмпирики к переосмыслению онтологии**

Васильева О.В. 83

Идентичность в теории и прикладных исследованиях

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**О национальной и цивилизационной идентификации:
полемиические заметки о концепции Р. Брубейкера
с опорой на идеи Л.М. Дробижевой**

Паин Э.А. 101

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**Региональная и этническая идентичность в контексте
формирования общероссийской гражданской идентичности:
классический подход и актуальные исследования**

Черникова В.В. 116

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**Этнокультурные практики и межэтнические установки татар
Костанайской области Республики Казахстан**

Махматов З.А. 131

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**Модели межэтнических семей в трансляции культуры,
языка и воспитании детей**

Галиева Г.И., Ибрагимова А.А. 152

Научный дебют

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**От городского ритма к личной тишине:
эволюция эмоциональной архитектуры
на примере проектов в Казани**

Давлетьянова К.Р., Давлетшин Г.Н. 164

Хроника научной жизни

КРАТКОЕ СООБЩЕНИЕ

**II Дробижевские чтения, или как отечественные этносоциологи
включаются в изучение новой повестки этнического поля России**

Габдрахманова Г.Ф., Макарова Г.И. 180

CONTENTS

Special topic of the issue: The personality of L.M. Drobizheva and her scientific legacy (contemporary reflection)

(compiled and edited by *G.I. Makarova*)

Preface to the special issue

EDITORIAL

From L.M. Drobizheva's ideas to understanding modern ethnosocial reality

Makarova G.I., Gabdrakhmanova G.F. 13

Scientific world

ORIGINAL PAPER

Ethnosociology in Tatarstan. Dedicated to L.M. Drobizheva

Musina R.N. 27

ORIGINAL PAPER

Leokadia Drobizheva: personality, scholar, public figure

Mukomel V.I. 44

ORIGINAL PAPER

Ethnosociology in modern contexts: on the personality of L.M. Drobizheva and relevance of her ideas

Popkov Yu.V. 54

ORIGINAL PAPER

Leokadia Mikhailovna Drobizheva's legacy in the context of the discussion about the nature of ethnicity

Erokhina E.A. 69

ORIGINAL PAPER

The descriptive language for the ethnic phenomenon: the turn from empiricism to the reconsideration of ontology

Vasileva O.V. 83

Identity in Theory and Applied Research

ORIGINAL PAPER

**On national and civilizational identification:
polemical notes on R. Brubaker's concept,
drawing on the ideas of L.M. Drobizheva**

Pain E.A. 101

ORIGINAL PAPER

**Regional and ethnic identity in the context of the formation
of all-Russian civic identity: the classical approach
and current research**

Chernikova V.V. 116

ORIGINAL PAPER

**Ethnocultural practices and interethnic attitudes
of the Kostanay region Tatars in the Republic of Kazakhstan**

Makhmutov Z.A. 131

ORIGINAL PAPER

**Models of interethnic families in the transmission
of culture, language and child-rearing**

Galieva G.I., Ibragimova A.A. 152

Scientific debut

ORIGINAL PAPER

**From urban rhythm to personal silence:
the evolution of emotional architecture
(the case of projects in Kazan)**

Davletyanova K.R., Davletshin G.N. 164

Chronicle of scientific life

BRIEF MESSAGE

**2nd Drobizheva Readings, or Russian ethnosociologists' involvement
in the study of the new agenda of Russia's ethnic field**

Gabdrakhmanova G.F., Makarova G.I. 180

Специальная тема выпуска: Личность Л.М. Дробижевой и ее научное наследие (современная рефлексия)

Special topic of the issue: The personality of L.M. Drobizheva and her scientific legacy (contemporary reflection)

(сост. и отв. ред. *Г.И. Макарова* /
compiled and edited by *G.I. Makarova*)

Введение к выпуску Preface to the special issue

Редакционная статья / Editorial
<https://doi.org/10.22378/he.2026-11-1.13-26>

EDN: BMA5YKR

От идей Л.М. Дробижевой к осмыслению современной этносоциальной действительности

Г.И. Макарова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
makarova_guzel@mail.ru*

Г.Ф. Габдрахманова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
medi54375@mail.ru*

Резюме. Статья открывает специальный выпуск журнала «Историческая этнология», посвященный творчеству, идеям и подходам выдающегося ученого, ставшего одним из основоположников советской и российской этносоциологии – Л.М. Дробижевой. Ее исследования, отличавшиеся глубиной концептуализации и безупречностью методов, заложили основу для понимания истории народов бывшего СССР и современных этносоциальных процессов в ракурсе этносоциологической науки.

Номер начинается серией работ-воспоминаний, освещающих различные этапы и аспекты ее научной и личной биографии, ее подход к делу и человеческие качества. В нем собраны статьи исследователей из разных регионов страны, отражающие представление о ее личности и наследии теми, кто с ней работал, кто у нее учился и взаимодействовал на разных дискуссиях.

© Макарова Г.И., Габдрахманова Г.Ф., 2026

онных площадках. Авторами отмечается искренняя преданность Леокадии Михайловны этносоциологической науке, заряженность идеями ее развития во благо страны, честность, принципиальность в отстаивании научной позиции, умение сплотить вокруг себя команду исследователей-единомышленников.

Ряд работ посвящен важности развития теоретических основ этносоциологии, дальнейшего осмысления ее предмета и методов, уточнения понятийного аппарата. Их авторы высказываются против одностороннего противопоставления примордиализма и конструктивизма/инструментализма, ратуют за особое внимание к специфике употребления терминов в различных социально-политических и историко-культурных контекстах, за важность осмысления новой повестки этнического поля России. В части статей изложены результаты эмпирических исследований, в которых теоретические, методологические подходы и методические наработки Л.М. Дробижевой используются для анализа современной этносоциальной ситуации и межэтнических установок.

Представленный материал подтвердил актуальность подходов Л.М. Дробижевой, для которой высшей ценностью было познание социальной реальности с целью совершенствования российского общества. Её честность, умение обобщать ключевые аспекты действительности и поддерживать наиболее талантливые начинания ученых заложили традиции, которые и сегодня плодотворно стимулируют поиск адекватных ответов на новые вызовы времени.

Ключевые слова: Л.М. Дробижева; этносоциология; научная школа; этнические идентичности; государственно-гражданская идентичность; этнокультурные практики; межнациональные отношения

Для цитирования: Макарова Г.И., Габдрахманова Г.Ф. От идей Л.М. Дробижевой к осмыслению современной этносоциальной действительности. *Историческая этнология*. 2026. Т. 11. № 1. С. 13–26. <https://doi.org/10.22378/he.2026-11-1.13-26> EDN: BMA YKR

From L.M. Drobizheva's ideas to understanding modern ethnosocial reality

G.I. Makarova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
makarova_guzel@mail.ru*

G.F. Gabdrakhmanova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
medi54375@mail.ru*

Abstract. The article opens a special issue of the *Historical Ethnology* journal, dedicated to the work, ideas and approaches of L.M. Drobizheva, an outstanding scholar who is considered one of the founders of Soviet and Russian ethnosociology. Her research, distinguished by the depth of its conceptualization and the impeccability of its methods, laid the foundation for understanding the history of the peoples of the former USSR and contemporary ethnosocial processes from the perspective of ethno-sociological science.

The issue begins with a series of memoir papers which highlight various stages and aspects of her academic curriculum vitae and personal biography, her work ethics and humane qualities. It con-

tains articles written by researchers from different regions of the country, which reflect the idea of her personality and legacy by those who worked and studied with her and interacted on various discussion platforms. The authors point out Leokadia Mikhailovna's sincere dedication to ethno-sociological science, as she was charged with ideas for its development for the benefit of the country, honesty, integrity in upholding a scholarly point of view, and the ability to line-up a team of like-minded researchers behind her.

A number of papers are devoted to the importance of developing the theoretical foundations of ethnosociology, further understanding of its subject and methods, and clarifying the conceptual framework. Their authors speak out against the one-sided opposition of primordialism and constructivism/instrumentalism, advocate for special attention to the specifics of using terms in various socio-political, historical and cultural contexts, and the importance of understanding the new agenda of the ethnic field of Russia. Some of the articles present the results of empirical research, in which L.M. Drobizheva's theoretical, methodological approaches and methodological developments are used to analyze the modern ethnosocial situation and interethnic attitudes.

The presented material proves the relevance of the approaches developed by L.M. Drobizheva, for whom the highest value was acquiring the knowledge of social reality with the purpose to improve Russian society. Her honesty, ability to summarize the key aspects of reality and support scholars' most talented initiatives laid down the traditions that today fruitfully stimulate the search for adequate responses to the new challenges of the time.

Keywords: L.M. Drobizheva; ethnosociology; academic school; ethnic identities; civil-state identity; ethnocultural practices; interethnic relations

For citation: Makarova G.I., Gabdrakhmanova G.F. (2026) From L.M. Drobizheva's ideas to understanding modern ethnosocial reality. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 11. No. 1: 13–26. <https://doi.org/10.22378/he.2026-11-1.13-26> (In Russ.)

Это очень ответственно и одновременно трепетно открывать специальный выпуск журнала, посвященный деятельности и наследию основоположника российской этносоциологии, создателя научной школы, великого Учителя и Наставника Леокадии Михайловны Дробижевой (13.01.1933 – 11.04.2021).

Л.М. Дробижева во время поездки на теплоходе в г. Свияжск участников Всероссийской научно-практической конференции «Этносоциология в России: научный потенциал в процессе интеграции полиэтнического общества». 28 июня 2008 г. Фото из архива отдела этнологических исследований Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан.

Вклад Леокадии Михайловны в российскую и мировую науку огромен. Именно она была инициатором, организатором и участником первых в СССР этносоциологических исследований. Пожалуй, во многом благодаря ей был задан особый тренд в мировой науке при изучении национальной сферы и этнического феномена, сформировался уникальный, характерный только для отечественной социологии подход к анализу этнической проблематики. Полученные при участии Л.М. Дробижевой в 1960–1980-х годах конкретные данные об этнических группах советских социалистических и автономных республик СССР – это основа для осмысления истории народов страны и актуальных этносоциальных процессов.

Во время конференции, 1970-е годы. Слева направо: А.А. Сусоколов Л.М. Дробижева, Н.Р. Маликова. Источник: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук. 80 лет / под ред. В.А. Тишкова. М.: «ИНДРИК», 2013. С. 52.

Л.М. Дробижева среди участников Всесоюзной научной сессии по итогам полевых этнографических и антропологических исследований в 1984–1985 гг. 1986 г., г. Йошкар-Ола. Слева направо: Е.П. Бусыгин, С.М. Червонная, И.С. Гурвич, (?), Ю.В. Бромлей, Л.С. Христюлова, Л.М. Дробижева, В.П. Иванов, Н.В. Зорин. Фото Р.Н. Мусиной.

С именем Л.М. Дробижевой связаны самые знаковые этносоциологические обследования многонациональной России постсоветского периода, «нулевых» и второго десятилетия 2000-х годов. Ее проекты стали визитной карточкой российской этносоциологии, причем их можно также рассматривать как самостоятельный источник для этнологических исследований новейшей истории России. Глубина теоретического фундирования, обстоятельность и безупречность методов сбора эмпирических данных командой Леокадии Михайловны обеспечивали объективность получаемых показателей, отражающих этносоциальную реальность. По многим изучавшимся ею вопросам в российской науке нет исследований-аналогов ни по масштабу, ни по уровню концептуализации.

За рабочим столом. 2005–2010 годы (?). Фото Р.Н. Мусиной.

Значимость творческого наследия Л.М. Дробижевой побудила редакционную коллегию журнала «Историческая этнология» инициировать специальный номер. Его главная задача виделась в осмыслении заново прежде всего теоретических идей Леокадии Михайловны. Концептуальные основы этнического феномена составляли предмет её пристального научного внимания, и можно уверенно констатировать, что ею была сформирована оригинальная исследовательская методология. Созданный ученым подход побуждает современных исследователей к новым размышлениям, тем более что, по мнению отдельных авторов, так и нет «ответа... на вопрос, какой термин использовать в качестве предмета исследования» (О.В. Васильева). Другие солидаризируются с мнением Л.М. Дробижевой о разном значении одних и тех терминов (Э.А. Паин), подчеркивают сохраняющиеся эпистемологические трудности концептуализации этничности (Е.А. Ерохина) и предлагают собственное видение центрального для этносоциологов объекта исследования (Ю.В. Попков). Мы посчитали

важным предоставить ученым площадку для открытого обсуждения сути ставших уже привычными этносоциологических понятий, самого предмета этносоциологии, ее методов и тенденций развития в теоретическом и эмпирическом плане. В статьях данного выпуска ученые излагают свою точку зрения на эти вопросы, заочно спорят и не соглашаются друг с другом, оставаясь едиными в одном – в признании значимости наследия и традиций, заложенных Леокадией Михайловной Дробижевой, продолжаемых ее командой и многочисленными учениками из различных регионов России и бывшего СССР.

Спор. Поездка на теплоходе в г. Свияжск участников Всероссийской научно-практической конференции «Этносоциология в России: научный потенциал в процессе интеграции полиэтнического общества». 28 июня 2008 г. Слева направо: Ю.В. Арутюнян, Р.Н. Мусина, Л.М. Дробижева. Фото из архива отдела этнологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан.

Наследие Леокадии Михайловны Дробижевой невозможно рассматривать вне ее личностных качеств. Ее высочайшая интеллигентность, дружелюбный характер, отзывчивость, чуткость к людям (не только к ученым, но и ко всем, кто ее окружал) всегда отмечались теми, с кем ей приходилось работать постоянно или иногда встречаться. Она не была кабинетным ученым и всегда стремилась сама понять общество изнутри путем, как это называется в социологии, «включенного наблюдения». Для понимания данного аспекта ее жизни и деятельности в номер включены две статьи в жанре эссе и воспоминаний, в которых отражена «органика» Леокадии Михайловны – неразрывная связь в ее личности профессиональных и человеческих качеств. Первая статья написана ученицей Л.М. Дробижевой **Р.Н. Мусиной**. В ней раскрываются различные аспекты творческой биографии ученого и те индивидуальные характеристики, которые дали ей возможность создать собственную научную школу, сплотив вокруг

За гостеприимным столом. Лето 2017 г. Республика Башкортостан, Белорецкий район, село Зуяково. Фото Е.М. Арутюновой.

себя исследователей-единомышленников. Автор подчеркивает организаторские способности, позволившие Леокадии Михайловне реализовать ряд крупнейших этносоциологических проектов по изучению национализма, этнических и государственно-гражданской идентичностей, межнациональных отношений, равенства/неравенства социальных и этнических групп, результаты которых, как и научно-общественная деятельность Л.М. Дробижевой в целом, были по достоинству оценены руководством страны. Особое внимание уделяется Р.Н. Мусиной ее роли в разработке и проведении (при активном участии автора статьи) первых этносоциологических исследований в ТАССР и позже – в Татарстане. Они рассматриваются в контексте становления этносоциологии поначалу как пограничной научной дисциплины на стыке социологии и этнографии и впоследствии – ее развития как отдельной отрасли социологического знания. Данные традиции продолжают в регионе и сегодня, прежде всего, отделом этносоциологических исследований Института истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Вторая статья подготовлена соратником Леокадии Михайловны **В.И. Мукомелем**, проработавшим с ней более 20 лет. Исследователь поражается многогранностью ее Личности – талантом выдающегося ученого, организатора, общественно-политического деятеля и при этом удивительного человека, отличающегося скромностью, интеллигентностью, способностью охватить своей заботой и участием каждого, кто оказывался в поле ее внимания. Автор отмечает ее неподдельный интерес к людям и к их мнению, убеждениям, неиссякаемое

С любимым коллегой.
В.И. Мукомель, Л.М. Дробижева.
27 июня 2008 г., г. Казань.
Фото Е.М. Арутюновой.

Этносоциологическое сообщество России на Всероссийской научно-практической конференции «Этносоциология в России: научный потенциал в процессе интеграции полиэтнического общества». 28 июня 2008 г., г. Казань.
Фото из архива отдела этнологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан.

любопытство и исследовательский азарт, природную любознательность, стремление изучить мир в самых разных его проявлениях. Это и стало, по мнению автора, основой особых профессиональных качеств и способностей Л.М. Дробижевой. При этом Владимир Изявич рассматривает научную биографию ученого в контексте развития этносоциологической науки, выделяя в ней (вслед за самой Л.М. Дробижевой) три этапа: советский (с конца 1960-х годов, когда происходило ее становление в лоне этнографии и в ТАССР было проведено первое этносоциологическое исследование, обусловившее особое отношение Леокадии Михайловны к данному региону), ранний постсоветский (1990-е годы) и 2000-е годы (тогда этносоциология стала переходить в область социологического знания с сохранением особого предмета). Автором статьи (с опорой на базу данных РИНЦ) раскрывается динамика работ ученого в 2000-е годы, когда Леокадия Михайловна постепенно отходит от классических этносоциологических исследований и центральной темой ее работ становится национально-гражданская идентичность.

Статья **Ю.В. Попкова** являет собой одновременно воспоминания представителя новосибирской социологической школы о встречах, научных дискуссиях с Л.М. Дробижевой и размышления о путях дальнейшего развития этносоциологии в России. В работе отмечаются несомненные заслуги Леокадии Михайловны (наряду с Ю.В. Бромлеем, Ю.В. Арутюняном, М.Н. Губогло) в продуцировании фундаментальных идей, методологических подходов этносоциологического направления в российской науке и одновременно в формировании методического инструментария. Ю.В. Попков также справедливо подчеркивает, что отличительной характеристикой Леокадии Михайловны как ученого было глубокое владение реальной ситуацией в регионах, что давало ей возможность активно участвовать в разработке государственной национальной политики и ее доктринальных документов. Вместе с тем, анализируя изменения, ставшие характерными для исследований этнического поля в постсоветский период – с их уходом в антропологизм и конструктивизм, автор призывает вернуться к изучению этносов, а не этнической идентичности и этничности и утвердить в качестве предмета этносоциологии этносоциальные процессы «в их комплексности, субъектности и рефлексивности». При этом он видит основы такого возвращения к истокам в отечественных традициях народоведения.

Теоретическую дискуссию продолжает **Е.А. Ерохина**, обращаясь к рассмотрению позиций сторонников и противников «антропологического переворота» в российской науке, или, иначе, «деонтологизации этничности». Она подвергает критике отказ от характерного для основоположников этносоциологии (Ю.В. Арутюняна, Л.М. Дробижевой, М.Н. Губогло) обсуждения ее фундаментальных методологических вопросов и, прежде всего, от осмысления каузальных механизмов становления этнического феномена. Также автор ратует за уважительное отношение к этнологическому отечественному наследию, не отвергая значимость переосмысления традиций с учетом изменившейся социальной реальности и подчеркивая перспективность продвигавшейся Л.М. Дробижевой

«полипарадигмальной концепции этничности». Отталкиваясь от высказываний Л.М. Дробижевой, она, как и Ю.В. Попков, отстаивает идею о том, что предмет этносоциологии составляют социальные процессы, происходящие в пространстве, структурированном этничностью, или, иначе, процессы, обусловленные, с одной стороны, внутренней сетевой самоорганизацией этнических групп, а с другой – их местом в системе социальной стратификации общества.

К поиску нового языка осмысления этничности, анализируя его сквозь призму философских теорий, призывает **О.В. Васильева**. Исследовательница отмечает те трудности, с которыми приходится сталкиваться сегодня ученым при выборе категориального аппарата описания этнического феномена, и обращает внимание на дискуссию вокруг понятий «этнос», «этническая группа», «этничность». Отталкиваясь от современного спора сторонников примордиализма и конструктивизма/инструментализма, автор подчеркивает, что утверждение в науке конструктивистских подходов привело к сложности выделения этнического среди других социальных явлений. В качестве выхода из «теоретического тупика» О.В. Васильева предлагает новое обращение к метатеории. Она считает, что нынешняя полемика в этнологии является лишь частным проявлением дискуссии о природе универсалий, а именно – характерного для европейской схоластики спора об отношении понятий к индивидуальным вещам. Взамен автор, опираясь на философские изыскания М. Хайдеггера, В.С. Соловьева, С.Л. Франка и различные варианты нового реализма, призывает выйти за пределы непродуктивной дискуссии. Апеллируя к Л.М. Дробижевой, она подчеркивает «процессуальный характер проявления этнического», а также отстаивает важность выделения культурно-исторического слоя бытия, в рамках которого этнос может пониматься как «объективное явление в реальности культуры».

Отдельный раздел номера посвящен вопросам идентичности. И это не случайно. Для Л.М. Дробижевой идентичности – общероссийская, региональная и этническая – были объектом особого научного интереса. Об их соотношении и развитии ею лично и под ее руководством написан целый ряд фундаментальных трудов, ставших настольными книгами для российских этносоциологов и политиков. **Э.А. Паин**, чья статья открывает указанную тематику, опирается на выводы Леокадии Михайловны и размышляет о специфике государственной и гражданской идентичности в России, подчеркивая, что государственная идентичность, базирующаяся на устойчивых представлениях о высшей цели/миссии государства (связанной с обеспечением единства страны, сплочением населяющих ее народов), формируется проще. Автор рассматривает соотношение национальной и цивилизационной идентификаций в политических стратегиях правых популистов Европы и в цивилизационных идеях российских правых сил. Он полемизирует с Р. Брубейкером в оценке современных тенденций развития дискурса правых партий в странах Запада, отмечая их новый поворот от идей глобализации к идеям национализма, на котором сегодня выстраивают свои программы движения популистского толка. В то же время правые силы в РФ фокусируют внимание на концепции государства-цивилизации, призванной объединить пред-

ставителей всех народов, проживающих на территории страны, вокруг русских как государствообразующей нации и интегрировать их культуры.

Следующие статьи номера посвящены результатам конкретных эмпирических социологических исследований этнической, государственно-гражданской, региональной идентичностей, этнокультурных практик и межэтнического взаимодействия. Так **В.В. Черникова**, отталкиваясь от высказанных Леокадией Михайловной идей и концептуальных разработок (касающихся самой сути понятия «идентичность», ее структуры и динамики региональной, этнической, гражданской, цивилизационной идентичностей), анализирует, как эти идентичности проявляют себя сегодня на фоне трансформации социально-политической ситуации в стране и в мире. На примере опроса и фокус-групп, проведенных в Воронеже и Воронежской области, она рассматривает, каким образом меняются выделяемые Л.М. Дробижевой значимые для россиян консолидирующие факторы и их соотношение, отмечая, в том числе, особую важность формирования образа будущего как некоего проекта, способного стать «позитивным выходом из совместных переживаний». В.В. Черникова ставит вопрос о тех возможных рисках, которые связаны с последней актуализацией мобилизационной российской идентичности при возвращении к ситуации «нормальности». Интересным представляется и использование автором методологических разработок П. Бэра, выделявшего факторы сплоченности на примере ситуации пандемии коронавируса. Они оказались вполне применимыми к анализу новой социальной реальности, сложившейся в связи с проведением СВО; то есть выделенные факторы вполне работают и в контексте внешней угрозы стабильности и безопасности общества.

Об этнокультурных практиках татар Костанайской области Казахстана пишет **З.А. Махмутов**. Начиная работу с экскурса в историю появления там представителей данной этнической группы, автор выделяет в качестве важных факторов сохранения их этнокультурной самобытности в дореволюционный период – духовную инфраструктуру в виде мечетей и медресе, в раннее советское время – татарские школы (в 1930-е - начале 1940-х годов они были закрыты), библиотеки и коллективы художественной самодеятельности. Он отмечает, что несмотря на активную антирелигиозную пропаганду и закрытие храмов, татары продолжали проводить национально-религиозные обряды и праздники (*Курбан* и *Ураза гает*) на дому у верующих. Сохраняли свое значение и некоторые нерелигиозные торжества (*каз өмәсе* и др.). В период религиозно-культурного возрождения конца 1980-х – начала 1990-х годов в регионе появляется ряд татарских художественных коллективов, начинает выходить музыкально-информационная программа на татарском языке; активистам удается организовать национально-культурный центр, проведение дней татарской культуры. Вместе с тем, опираясь на данные этносоциологических исследований 2010–2019 гг., З.А. Махмутов характеризует этнокультурную стратегию татар области скорее как ассимиляционную, ведущую к постепенной утере ими своих отличительных этнокультурных черт.

Г.И. Галиевой и **А.А. Ибрагимовой** раскрывается специфика трансляции культуры, языка, традиций в современных межэтнических семьях в Республике Татарстан. Опираясь на работы отечественных ученых и разработанные ими типологизации таких семей, с одной стороны, и данные проведенных количественных и качественных исследований, с другой, авторы приходят к выводу о целесообразности расширения существующих типологий (в плане стратегий усвоения в них ценностей различных культур). Они выделяют ассимилятивную, синкретическую, материнскую доминантную, смешанную сбалансированную, этнически индифферентную, межкультурную творческую и конфликтную модели межэтнических семей. Изучая факторы, воздействующие на данный процесс, Г.И. Галиева и А.А. Ибрагимова отмечают, прежде всего, ключевое значение среды проживания и социального окружения, а также влияние старших родственников, личностных стратегий самих членов семьи (которые могут меняться в связи с субъективной переоценкой значения этнокультурного наследия на основе накопленного жизненного опыта); подчеркивается сложный характер взаимодействия всех обозначенных факторов. В ходе анализа авторами была выявлена специфика молодых семей (в которых имеет место более высокая степень гибкости) и семей со стажем – в их ориентации на интеграцию либо доминирование одной культуры, традиции.

В рубрике «Научный дебют» номера представлена статья **К.Р. Давлетьяновой** и **Г.Н. Давлетшина**. На примере проектов, реализуемых архитектурным бюро «ZARF» в Казани, они раскрывают становление в своем творчестве феноменологически ориентированного метода, направленного не столько на работу с визуальными формами, сколько на создание определенной атмосферы, включающей время, движение, звук, свет, тактильность. Данные поиски восходят к феноменологической традиции мировой архитектурной мысли, а также созвучны пониманию пространства выдающимися представителями отечественной гуманитаристики. В контексте проблематики журнала и данного выпуска особенно интересна эволюция подхода авторов к передаче специфики локальной и этнической идентичностей. И если в ранних проектах они больше ориентировались на прямые цитаты, визуальные коды (орнамент, *хаситэ*, «Голубая шаль» – в конкурсной концепции нового здания театра Камала), то при благоустройстве жилого комплекса «Фриссон» – искали и находили новые инструменты передачи чувств, связанных с эмоциональной памятью места: посредством активных практик взаимодействия с живой природой, использования определенных материалов, воспроизведения в звуковом ландшафте ритмов и интонаций татарской музыки и т.д. Тем самым их фокус постепенно смещался с внешней демонстрации идентичности на передачу ее внутренней сути и переживания.

Завершает номер статья «II Дробижевские чтения, или как отечественные этносоциологи включаются в изучение новой повестки этничности в России», посвященная одному из самых примечательных в стране этносоциологических форумов. **Г.Ф. Габдрахманова** и **Г.И. Макарова** (опираясь на анализ тематики

заседаний и содержания докладов) проблематизируют ряд вопросов, связанных с дальнейшим развитием данной отрасли социологической науки. Прежде всего, они поднимают проблему совершенствования теоретических основ, обновления понятийного аппарата этносоциологии, обогащения его новыми смыслами, связанными с происходящими в мире процессами переопределения центров силы и значимости понимания таких идеологических конструктов, как демократия, цивилизация, национализм и т.д. И в этом плане направленность их статьи перекликается с работами О.В. Васильевой, Е.А. Ерохиной, Э.А. Паина, Ю.В. Попкова. Кроме того, в ней обращается внимание на важность дальнейшего изучения специфики государственно-гражданской интеграции российского общества в изменившихся социально-политических условиях, адаптации к ним этнических общностей и социальных изменений в них, взаимоотношений между представителями различных этнических групп.

Резюмируя, отметим вновь обнаружившуюся в ходе подготовки данного выпуска актуальность подходов Л.М. Дробижевой, всегда внимательно всматривавшейся в самую социальную реальность и стремившейся обобщить происходящие в ней процессы. Любые концепты и теоретические схемы были значимы для нее в той мере, в какой они способствовали познанию и объяснению этой реальности. Не случайно, авторы практически всех представленных в нем статей сходятся в том, что Леокадия Михайловна сочетала в себе следующие профессиональные качества: умение определить и обобщить ключевые тренды современного этносоциального развития и осмыслить их сквозь призму задач совершенствования российского общества; а также честность и принципиальность, готовность поддержать наиболее интересные и талантливые начинания ученых. Выдвигаемые ею идеи и заложенные научные традиции продолжают оставаться плодотворными, обретая новое звучание и стимулируя дальнейший поиск с учетом новых реалий, требующих адекватного осмысления.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no relevant conflict of interests.

Сведения об авторах:

Макарова Гузель Ильясовна, доктор социологических наук, главный научный сотрудник отдела этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-3912-0961>; e-mail: makarova_guzel@mail.ru

Габдрахманова Гульнара Фаатовна, доктор социологических наук, заведующая отделом этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-1796-5234>; e-mail: medi54375@mail.ru

About the authors:

Guzel I. Makarova, Doctor Sc. (Sociology), Chief Researcher at the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-3912-0961>; e-mail: makarova_guzel@mail.ru

Gulnara F. Gabdrakhmanova, Doctor Sc. (Sociology), Head of the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-1796-5234>; e-mail: medi54375@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 13.01.2026

Доработана после рецензирования / Revised 27.01.2026

Принята к публикации / Accepted 02.02.2026

Научный мир

Scientific world

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2026-11-1.27-43>

EDN: EJIFZK

Этносоциология в Татарстане. Посвящение Л.М. Дробижевой

Р.Н. Мусина

независимый исследователь

Казань, Российская Федерация

rnm23572@mail.ru

Резюме. Статья посвящена становлению и развитию этносоциологии в Татарстане, тесно связанному с именем одного из ее основоположников – Леокадии Михайловны Дробижевой. Этносоциология, как направление, возникшее на стыке этнологии и социологии, фокусируется на изучении особенностей развития народов России. Зародившись в середине 1960-х годов как отклик на изменение политической и социально-экономической ситуации в СССР, она всегда выражала требования времени. В статье раскрываются области и основная проблематика исследований, в которых принимали участие этносоциологи Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан.

Автор раскрывает профессиональные и личные качества Л.М. Дробижевой как инициатора и организатора ряда этносоциологических проектов в стране, которые были направлены на изучение актуальнейших проблем современности. В этих исследованиях изучались вопросы государственной и этнической идентичности, национализма, проблемы равенства/неравенства социальных и этнических групп, этнической и социальной дистанций, межэтнических отношений. Их результаты находили выход в многочисленных публикациях, лекциях, консультациях, помогали в выработке политических решений. Значителен вклад Л.М. Дробижевой в совершенствование федеративных основ российского государства, который был по праву оценён высшим руководством РФ и научным сообществом.

Итогом 60-летнего развития стала многочисленная Школа этносоциологии, к которой можно причислить коллег-этносоциологов Москвы, Петербурга, столичных городов республик РФ и бывшего Советского Союза, крупных российских вузовских городов, где существуют центры этносоциологии, проводятся исследования, читаются лекции по этносоциологии для студентов различных направлений: исторических, социологических, культурологических, политологических и других.

Ключевые слова: этносоциология; этнология; этническая группа; этносоциологические исследования; социальная структура; идентичность; межнациональные отношения; национальное самосознание; социальная и культурная дистанция

Для цитирования: Мусина Р.Н. Этносоциология в Татарстане. Посвящение Л.М. Дробижевой. *Историческая этнология*. 2026. Т. 11. № 1. С. 27–43. <https://doi.org/10.22378/he.2026-11-1.27-43> EDN: EJIFZK

Ethnosociology in Tatarstan. Dedicated to L.M. Drobizheva

R.N. Musina

Independent researcher

Kazan, Russian Federation

rnm23572@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the formation and development of ethnosociology in Tatarstan, which is closely associated with the name of one of its founders, Leokadia Mikhailovna Drobizheva.

Ethnosociology, as a field that arose at the junction of ethnology and sociology, focuses on studying the development features of the peoples of Russia. Originated in the mid-1960s as a response to the changing political and socio-economic situation in the USSR, it has always expressed the demands of the times. The article reveals the areas and main issues of research in which ethnosociologists from the Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences were involved.

The author reveals the professional and personal qualities of L.M. Drobizheva as the initiator and organizer of a number of ethnosocial projects in the country, which were aimed at studying the most relevant problems of our time. Those studies examined issues of state identity and ethnic identity, nationalism, problems of equality/inequality of social and ethnic groups, ethnic and social distances, interethnic relations. The results were presented in numerous publications, lectures, consultations, and helped in working out political decisions. L.M. Drobizheva made a significant contribution to the improvement of the federal foundations of the Russian state, which was rightfully appreciated by the leadership of the Russian Federation and the academic community.

60 years of development resulted in the formation of a large School of ethnosociology, which includes fellow ethnosociologists from Moscow, St. Petersburg, the national republics of the Russian Federation and the former Soviet Union. It also unites large Russian university cities with ethnosociology centers, where research is conducted, lectures on ethnosociology are given to students of various disciplines, such as history, sociology, cultural and political studies, etc.

Keywords: ethnosociology; ethnology; ethnic group; ethnosociological research; social structure; identity; interethnic relations; national identity; social and cultural distance

For citation: Musina R.N. (2026) Ethnosociology in Tatarstan. Dedicated to L.M. Drobizheva. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 11. No. 1: 27–43. <https://doi.org/10.22378/he.2026-11-1.27-43> (In Russ.)

Встреча с Леокадией Михайловной Дробижевой – воля случая, для меня счастливого, предопределившего многое в моей судьбе. В конце 1970-х годов на волне подъема интереса к современным процессам в общественной жизни руководство московского Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР (ИЭ) выделило для Казани одно целевое место в аспирантуре по современной проблематике. Направляя меня в аспирантуру Института, дирекция

Института языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР (ИЯЛИ) рассчитывала получить специалиста по современным этносоциальным проблемам, ибо в ИЯЛИ были сильные профессионалы-этнографы, исследовавшие традиционную этнографию татар, а жизнь диктовала необходимость изучения и современных процессов.

В ИЭ проблемами современного состояния этносов занимались, в основном, два сектора. Сектор конкретных социологических исследований народов СССР возник в 1966 г., когда директор ИЭ Ю.В. Бромлей пригласил в организацию известных уже тогда социологов Ю.В. Арутюняна, занимающегося социальными проблемами села, и О.И. Шкаратана, специализировавшегося на социологии города. Тогда же из Института истории Академии наук СССР по приглашению Ю.В. Бромлея пришла во вновь образованный сектор и Л.М. Дробижева, защитившая в 1963 г. кандидатскую диссертацию по теме «Местный опыт хозяйственного строительства в начале 20-х годов XX столетия в СССР».

В секторе собрались, в основном, молодые специалисты разных направлений: этнографы, историки, экономисты, психологи, математики, увлеченные новым направлением в науке. Первые небольшие опросы, которые можно было бы, наверное, назвать пробными, были проведены в Подмосковье. Здесь отрабатывались методика исследования, принципы выборки.

Уже в 1967 г. сотрудники сектора под руководством Ю.В. Арутюняна провели первое в СССР крупномасштабное этносоциологическое исследование в Татарской АССР. Авторами проекта выступили Ю.В. Арутюнян и О.И. Шкаратан. Эта республика была выбрана не случайно. По многим показателям она приближалась к общесоюзным, в значительной мере отражая в целом социальную структуру и социальные процессы в стране.

Исследование было направлено на изучение проблем социальной структуры и социальных перемещений, культуры и семейного быта, языковых процессов и национальных отношений основных этнических групп ТАССР – татар и русских. Было опрошено 10 тыс. человек взрослого населения в городах и селах республики, отобранных по многоступенчатой репрезентативной выборке. Результатом опроса стала монография «Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР» (Социальное и национальное..., 1973). Леокадия Михайловна в исследовании вела блок, связанный с проблемами этнического самосознания и межнациональных отношений.

Не единожды и Ю.В. Бромлей, и Ю.В. Арутюнян называли Татарскую республику «колыбелью этносоциологии». Это исследование положило начало новому научному направлению на стыке конкретной социологии и этнографии / этнологии, позже получившее название этносоциологии.

Этносоциология была определена как пограничная научная дисциплина, изучающая социальные процессы в разных этнических средах и этнические процессы в социальных группах (Этносоциология..., 1998: 11). Главным методологическим требованием в этносоциологических исследованиях был признан

тогда и остается до сих пор «системный подход ко всей совокупности взаимосвязанных социальных и этнических явлений с целью выявления меры их взаимодействия и взаимообусловленности» (Губогло, 2004: 8).

В 1970–1980 годах во время реализации проекта «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР» под руководством Ю.В. Арутюняна сотрудниками сектора были проведены масштабные этносоциологические исследования русского и коренного населения союзных республик – Эстонии, Молдавии, Грузии, Узбекистана и ряда областей РСФСР. В выбранных по типическим характеристикам городах и селах было опрошено свыше 40 тыс. человек. Опросы осуществлялись по разработанным опросным листам, содержащим более 100 вопросов. Они проводились по единой программе, обеспечивающей строгую сопоставимость полученных данных. По их результатам сотрудниками сектора были опубликованы монографии (Опыт этносоциологического исследования..., 1980; Социологические исследования..., 1979; Социально-культурный облик..., 1986) и множество статей. На основе этих исследований Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева и М.Н. Губогло подготовили разделы коллективной монографии «Современные этнические процессы в СССР» (Современные этнические процессы..., 1977), которая была удостоена Государственной премии СССР.

Развитие этносоциологических исследований сопровождалось внедрением сходных исследовательских приемов в области собственно этнологии (Пименов, 2005: 180). В ИЭ одновременно и в определенной степени во взаимодействии с этносоциологией формировалось направление статистической этнографии, которое возглавил руководитель сектора народов Поволжья и Европейского Севера В.В. Пименов. В 1960-1980 годы под его руководством сотрудники сектора, состоявшего главным образом из профессиональных этнографов, совместно со специалистами из регионов провели ряд крупных этностатистических опросов в республиках Поволжья и Приуралья. Этностатистические исследования с обширной репрезентативной выборкой и многоаспектной тематикой были осуществлены в Удмуртской АССР (1968, 1979), Мордовской АССР (1973), Чувашской АССР (1981), Марийской АССР (1984-1985), Калмыцкой АССР (1985) и Башкирской АССР (1986).

Оба эти направления развивались как междисциплинарные, включавшие и этнографию / этнологию, и социологию, и социальную психологию, и демографию, и социальную лингвистику. Но при этом, если в этносоциологии первенствовала социологическая составляющая, то в статистической этнографии главное внимание было направлено на изучение этнических особенностей и их изменений в современных условиях. В анкету, подготовленную для опроса в республиках Волго-Уралья, были включены и вопросы сугубо этнографического характера, направленные на выявление содержания и степени бытования тех или иных аспектов духовной и материальной культуры этнических групп.

Первоначально предполагалось, что в аспирантуре я буду учиться в секторе народов Поволжья, Приуралья и Европейского севера ИЭ, курировавшем ка-

занских этнографов. Но, поскольку В.В. Пименов находился в длительной многомесячной командировке на Кубе, заместитель директора института Л.Н. Терентьева обратилась к Леокадии Михайловне, тогда еще кандидату исторических наук, стать моим научным руководителем по теме современной татарской семьи. К этому времени у Леокадии Михайловны уже были аспирантки, разрабатывающие проблемы современной семьи – Л.И. Семенова (по удмуртской) и С.И. Каракеева (по киргизской). В 1970–1980 годы историко-этнографические и этносоциологические исследования семьи, которые давали возможность многоаспектного изучения этнических особенностей образа жизни, культурно-бытовых, социально-демографических процессов у народов СССР, были востребованы и проводились достаточно широко (Семейный быт народов..., 1999).

Довольно часто случайности определяют судьбу человека, и я таким образом оказалась в этом секторе, где приобрела не только профессию, но и близких людей, учителей, коллег, друзей. Поразил, особенно в первое время, демократизм отношений, царивший как в ИЭ, в целом, так и в секторе. Не ощущалось жесткой иерархии взаимодействия между руководством и рядовыми сотрудниками, между старшими по возрасту и более молодыми, между остепененными учеными и делавшими первые шаги в науке.

Остались в памяти интереснейшие семинары, которые проводили в институте аксакалы этнографии/этнологии, встречи с известными отечественными и зарубежными учеными, а также заседания Диссертационного совета и Ученого совета, на которые в обязательном порядке приглашались аспиранты для того, чтобы они были в курсе дел в институте и в науке.

Вспоминаю свою первую, после короткого знакомства в институте, встречу с Леокадией Михайловной у нее дома на ул. Горького (ныне ул. Тверская) в далеком 1978 г. Наш разговор – обсуждение темы будущей диссертационной работы – прерывался бесчисленным количеством звонков: кто-то звонил с просьбой прочитать подготовленную им работу, кто-то просил об отзыве на книгу, статью или диссертацию, кто-то договаривался об очередной деловой встрече. Я поняла, что постоянный дефицит свободного времени у Леокадии Михайловны был не только в институте, где она была предельно занята (будучи тогда также секретарем парторганизации ИЭ и учёным секретарем Совета по национальным отношениям Президиума Академии наук СССР), но и дома. Тем не менее она неизменно соглашалась и дать рецензию, и прочитать статью, и быть на встрече. Эта ее отзывчивость, готовность прийти на помощь людям в том или ином деле – одна из главных черт ее характера. Свидетельств этому бесчисленное множество. Меня всегда поражали, с одной стороны, широта ее натуры, готовность всем помочь, с другой – количество людей, обращающихся к ней за помощью. Это было так естественно для нее – а как же иначе? И так было всегда.

Вспоминается теплая, доброжелательно-сердечная атмосфера их дома, когда я приходила обсудить вопросы, связанные с написанием диссертационной работы. Владимир Зиновьевич Дробижев, профессор кафедры истории СССР

Московского государственного университета (МГУ), был также человеком весьма занятым. И все же он всегда с интересом расспрашивал меня и о ходе работы, и о жизни, и о моем отношении к каким-то событиям. По воспоминаниям многих выпускников истфака МГУ он славился необыкновенным вниманием к студентам и аспирантам и помогал с трудоустройством, причем не только своим ученикам, но и многим выпускникам других кафедр. Именно он рекомендовал Ю.В. Арутюняну в новый сектор М.Н. Губогло и В.Н. Шамшурава. Позже, после ухода Владимира Зиновьевича из жизни, появления у их сына семьи и рождения внука, Леокадия Михайловна переехала из центра Москвы в квартиру на улице 26 Бакинских комиссаров. Ее дом был всегда открыт для учеников, коллег из разных регионов России, некоторые из которых останавливались у нее на какое-то время. Удивительно, как при ее занятости, сверхзагруженности научной и общественной работой она с душевной теплотой всех принимала, помогала, консультировала, обсуждала разные проблемы. Хочется сказать еще об одной черте ее характера. Когда она переехала в эту обычную двухкомнатную квартиру в типовой девятиэтажке, некоторые из ее знакомых посчитали это жилье слишком скромным для директора академического института, предлагая помощь в приобретении «более достойной» квартиры. Но она отказалась, сказав, что вполне довольна и квартирой, и районом, и соседями – рядовыми москвичами.

На протяжении всех моих аспирантских лет и позже я постоянно ощущала доброжелательность, поддержку и со стороны сектора. Это были настоящие профессионалы, умные, активные, доброжелательные, отзывчивые, готовые прийти на помощь. Почти каждый из них в той или иной мере принял участие в моем профессиональном становлении советами, специальной литературой, разбором первых научных работ и вопросников. С благодарностью вспоминаю каждого из них. И.А. Гришаев и В.Н. Шамшурава поражали мудростью и деликатностью, умением общения с людьми, в том числе во время опросов. В.С. Кондратьев, не жалея своего времени, скрупулезно учил азам расчета и составления выборки. А.А. Сусоколов, И.М. Кузнецов, В.К. Малькова и Л.В. Остапенко своим оптимизмом и советами поддерживали в минуты каких-то трудностей. М.Н. Губогло удивлял многогранностью научных интересов, творческой плодовитостью и поразительным знанием поэзии. И.А. Субботина, готовая всегда подставить свое дружеское плечо, стала близкой подругой на всю жизнь. Вспоминаются заседания сектора с разбором научных работ сотрудников и аспирантов, обсуждения актуальных научных работ, новинок художественной литературы, событий в стране и в мире, секторальные посиделки по разным поводам с песнями и без.

Поражала широта интересов сотрудников: обсуждения касались не только рабочих моментов, поисков подходов к той или иной научной проблеме, но и книжных новинок, театральных постановок, новых экспозиций в музеях Москвы. Мужская часть сектора дружно посещала стадионы, занимаясь большим теннисом, и баню. А как хорошо почти каждый из них знал поэзию, едва ли не

часами могли вспоминать строки любимых поэтов. Начинал обычно Михаил Николаевич Губогло, а затем один за другим подхватывали этот поэтический марафон И.А. Гришаев, В.А. Большаков, И.А. Субботина, С.С. Савоскул. Леокадия Михайловна любила стихи и песни Булата Окуджавы и часто цитировала строки: «Каждый пишет, как он слышит, каждый слышит, как он дышит...», переводя их в практическую плоскость при обсуждении чьих-то работ. В целом, в секторе царил очень доброжелательная атмосфера, но при необходимости звучала и деловая критика. Безоговорочным авторитетом пользовался Ю.В. Арутюнян. Очень ценила его и Леокадия Михайловна: мне запомнилось, как она говорила о его таланте предвидения тех или иных социальных явлений и процессов. У Леокадии Михайловны и Юрика Вартановича сложился удивительно долголетний, начиная с первых лет совместной работы в новом секторе и вплоть до их ухода, дружеский и творческий тандем. Помимо индивидуальных и общесекторальных работ ими был подготовлен и издан широкий ряд совместных монографий (Арутюнян, Дробижева, 1972; Арутюнян, Дробижева, 1981; Арутюнян, Дробижева, 1987) и множество статей.

Вспоминаются совместные экспедиции, во время которых мы проводили опросы, познакомились с национальными традициями, особенностями быта разных народов. Так, в Таллине во время нашего исследования в 1978 г. эстонские коллеги поразили нас приглашением на прием в сауну. В Узбекистане мы встретились с сохранившимися там примерами многоженства в сельских узбекских семьях. Незабываемы многочисленные научные конференции, конгрессы в разных уголках нашей тогда единой Родины – СССР: Ташкент и Черновцы, Омск и Бишкек (тогда еще г. Фрунзе), Нальчик и Уфа, Львов и Оренбург. Мы узнавали новые места своей необъятной страны, познакомились со коллегами из республик и областей, с зарубежными учеными. В этих поездках еще глубже раскрывались деловые и человеческие качества наших коллег-друзей. Воспоминания о них и благодарность к ним я храню всю жизнь.

Леокадия Михайловна всегда считала и не раз говорила в отделе во время отчетов аспирантов, что аспирантура – это не всеобщее среднее образование, и задачей научного руководителя не является натаскивание и плотный контроль. Главное – это желание работать и сама работа. Желание работать было, и я на три года почти поселилась в читальном зале Ленинской библиотеки, осваивая и этнографическую, и социологическую, и другую научную литературу по близким к своей специализации темам. В первый же месяц аспирантуры Леокадия Михайловна предложила мне поехать с группой сотрудников из отдела на опрос в Эстонию. Я с благодарностью вспоминаю эти поездки в 1978 г. в Эстонию, в 1979 г. в Узбекистан, где я на практике осваивала все этапы этносоциологического исследования: сбор статматериалов для выборки, процесс выборки, составление опросного листа, сам опрос в качестве интервьюера, проверка анкет, кодировка и шифровка ответов и др. Все это пригодились, когда я начала готовить диссертационное исследование по теме «Общее и этнически особенное в современной семье сельских татар» (Мусина, 1984). Это исследование

было направлено на выявление общенациональных татарских и этнически особенных параметров семьи с выделением группы татар-кряшен.

Исследование проводилось на методической и методологической основе, разработанной группой Ю.В. Арутюняна, с использованием некоторых вопросов исследования 1967 г. в расширенном формате за счет усиления его этнографической части. Опросный лист, после его апробации в селах Татарской АССР в 1979 г., включал в себя 230 вопросов, часть из которых была открытыми. Летом и осенью 1980 г. мной было опрошено 760 человек в двух сельских районах Татарии. Опрашивались оба супруга в полных семьях, что усложняло математическую обработку данных, выполненную А.Д. Коростелевым. Я бесконечно благодарна своим информантам, выдерживавшим более чем двухчасовые опросы, которые почти неизменно переходили в обсуждение тех или иных семейных или общественных проблем, и А.Д. Коростелеву, проводившему обработку данных исследования на огромных ЭВМ машинах, занимавших целые комнаты в Статуправлении г. Москвы.

Неоценима роль Леокадии Михайловны в осуществлении этносоциологического проекта по изучению современных национальных процессов в Татарстане в 1989–1990 гг. (рук.: Л.М. Дробижева, Д.М. Исхаков, Р.Н. Мусина). Это был первое в регионе после опроса 1967–1968 гг. масштабное комплексное исследование, которое по ряду параметров явилось повторным и которое позволило выявить динамику этносоциальных, этнокультурных процессов, межэтнических отношений в 1970–1980-е годы. Кроме того, начавшиеся в республиках в конце 1980-х гг. на волне демократизации национальные движения стимулировали исследовательский интерес к этнополитическим проблемам, к теме национального самосознания. В опросный лист были включены вопросы, касающиеся экономической самостоятельности региона, отношения к национальным организациям, этнического самосознания.

Объектом исследования явились представители двух контактирующих этносов ТАССР – татары и русские. В основу многоступенчатой стратифицированной выборки (выборка осуществлена Р.Н. Мусиной при участии В.С. Кондратьева) легли материалы Всесоюзных переписей населения СССР 1979 и 1989 гг., текущие материалы Госкомстата ТАССР, Историко-этнографическое и экономическое районирование ТАССР (авторы: Д.М. Исхаков, Р.М. Ахметов), планы городов и карты сельских районов, списки избирателей в городах и похозяйственные книги сельских советов. В итоге из 18 городов и 22 поселков городского типа в выборку вошли 12 населенных пунктов, население которых отражало генеральную совокупность городского населения республики. Из 37 сельских районов было отобрано 6 районов и 63 сельских населенных пункта. Объем выборочной совокупности составил 4000 человек. Математическую обработку каждой совокупности (по 1000 человек городских татар, городских русских, сельских татар, сельских русских) осуществил А.Д. Коростелев.

Летом 1989 г. был проведен опрос сельского населения, в осуществлении которого большую помощь оказали студенты истфака Казанского государст-

венного университета им. В.И. Ульянова-Ленина. ИЯЛИ обеспечил все экспедиционные расходы – проживание, питание и транспорт. Было выделено два автобуса, что давало возможность за один месяц (время студенческой практики) двумя большими отрядами охватить все населенные пункты, вошедшие в выборку. Исследование среди городского населения было реализовано в 1990 г. сотрудниками ИЯЛИ и подготовленными интервьюерами. Во время опросов мы помнили наказ Леокадии Михайловны об «особой тонкости» психологических вопросов, важности при инструктировании интервьюеров обращать внимание на необходимость ненавязчивого, деликатного хода беседы, право интервьюируемого отказаться от ответов (Дробижева, 1981: 20).

В 1991 г. исследование было дополнено опросом творческой интеллигенции республики – научной (рук.: Д.М. Исхаков, Я.З. Гарипов) и художественно-творческой (рук.: Д.М. Исхаков, Р.Н. Мусина). На основе проекта подготовлено шесть тематических сборников, из которых три были опубликованы (Современные межнациональные процессы..., 1981; Современные национальные процессы..., 1982; Современные национальные процессы..., 1984).

Достаточно сложным и длительным этапом данного проекта стал этап технической подготовки материалов вопросников к математической обработке. Основной вопросник состоял из 190 вопросов, из которых каждый десятый – открытый. Необходимо было вначале проработать открытые вопросы, их кодировку, перенести все коды ответов на шифровальные листы, которые затем отправлялись поездом (до нас тогда еще не дошли ни Интернет, ни персональный компьютер) в Москву, в ИЭ для математической обработки.

Это исследование объединило специалистов разных направлений – этнографов, этносоциологов, языковедов, культурологов, научные интересы которых в той или иной степени были близки целям проекта. В команду его исполнителей помимо Д.М. Исхакова и Р.Н. Мусиной вошли недавно принятые в отдел этнографии молодые сотрудники Л.В. Сагитова и Р.М. Ахметов. Кроме того, на разных этапах работы привлекались сотрудники других отделов ИЯЛИ – Г.К. Вайда и З.А. Исхакова, преподаватели вузов Казани – Г.Р. Столярова, Р.С. Хакимов, Я.З. Гарипов.

В осуществлении этого проекта, инициированного молодыми учеными ТАССР, не имеющими опыта масштабных этносоциологических исследований (не считая участия Р.Н. Мусиной в опросах в Эстонии и Узбекистане, а также участия Д.М. Исхакова и Р.Н. Мусиной в опросах, проведенных вместе с группой В.В. Пименова в Марийской АССР и в Башкирской АССР), большую роль сыграла методическая поддержка московских специалистов. В обсуждении Программы исследования, его инструментария, состоявшемся в 1988 г. в Москве в ИЭ, приняли участие сотрудники сектора конкретно-социологических исследований и сектора народов Поволжья и Европейского севера. Весьма активно и заинтересованно выступали мэтры этносоциологии Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева и М.Н. Губогло. Их советы и рекомендации были учтены авторами при доработке Программы. Большую помощь в разработке выборки

массового опроса оказал В.С. Кондратьев. Бесконечная благодарность Леокадии Михайловне, ставшей соруководителем проекта; ее поддержка молодых коллег ощущалась на всех этапах работы.

В эти годы Л.М. Дробижева и Ю.В. Арутюнян стали соруководителями (совместно с Д.М. Исхаковым) диссертаций молодых исследователей Л.В. Сагитовой и Р.М. Ахметова. Позднее Леокадия Михайловна оказала огромную помощь при подготовке работ на соискание ученой степени доктора социологических наук сотрудникам отдела этнологических исследований Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан Г.Ф. Габдрахмановой и Г.И. Макаровой (2011, 2012) и доктора политических наук Л.В. Сагитовой (2023).

В 1990-х – начале 2000-х годов в условиях политического кризиса в стране во многих национальных субъектах РФ актуализировался этнический фактор. Появились национальные партии и движения, обострились межэтнические отношения. С приобретением суверенитета в республиках были приняты республиканские законы, регулирующие национальную сферу. В изменяющихся условиях существенно расширилась и предметная область этносоциологии. В Татарстане, где в течение ряда лет успешно велось этносоциологическое изучение языковых, миграционных процессов, проблем религии, семейно-брачных отношений, более пристально обратились к этнополитическим, социально-экономическим проблемам, вопросам межнациональных отношений (Мусина, 2008; Габдрахманова, Мусина, 2012). В эти годы татарстанские ученые стали участвовать и в первых межреспубликанских исследованиях под руководством Л.М. Дробижевой, которые позже приобрели мониторинговый характер. В ходе их проведения Леокадия Михайловна, обладая незаурядным организаторским талантом, собрала команду специалистов из разных регионов. Здесь были представлены Татарстан, Тува, Саха (Якутия), Северная Осетия – Алания, Башкортостан. В 1990-е годы были осуществлены проекты, направленные на изучение проблем национализма, этнического и социального неравенства, административных и культурных границ: «Этническая граница, национализм и разрешение конфликтов в Российской Федерации» (1993–1996); «Этнические и административные границы в Российской Федерации» (1997–1998); «Социально-экономическое неравенство этнических групп и проблемы интеграции в РФ» (1990–2000). Их результаты были отражены в коллективных изданиях (Социальная и культурная дистанции..., 1998; Социальное неравенство..., 2002) и в авторской монографии Л.М. Дробижевой «Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России» (Дробижева, 2003).

В 2000-ые годы, будучи избранным директором Института социологии Российской академии наук и руководителем Центра межнациональных отношений этого учреждения, Л.М. Дробижева инициирует проект по изучению национально-гражданской консолидации, этнической толерантности и межэтнического согласия, основ формирования полиэтнической российской нации, гражданской, этнической, региональной идентичностей – «Гражданская, регио-

нальная и этническая идентичность и проблемы интеграции российского общества» (2011–2012). Последние по времени проекты, посвященные выявлению потенциала межэтнического согласия как ресурса консолидации российского общества, расширили географию исследований, включив в себя как национальные республики, так и другие российские регионы (Межэтническое согласие..., 2016; Межэтническое согласие..., 2018). Татарстанские этносоциологи выполняли в них аналитическую часть.

Исследования, проведенные под руководством Л.М. Дробижевой, заложили основу для системного изучения в России политических и социокультурных аспектов национального самосознания, мобилизующих свойств этнической и национально-гражданской идентичности, этнических конфликтов, роли элит в этнической мобилизации, гражданского и этнического национализмов. Рассмотрение этой проблематики было тогда в стране пионерским. В каждой республике опрашивалось по 1000 человек, а вопросники составлялись на русском и государственном языках соответствующей республики. Во время реализации проектов проводились регулярные рабочие совещания, конференции, в том числе и зарубежные, организовывались семинары и встречи с коллегами из-за рубежа, обсуждения хода исследований и их результатов. В творческом процессе ощущался рост профессионализма их участников, развивался командный дух, чувство ответственности. Леокадия Михайловна при всей ее доброжелательности всегда требовала профессионального подхода, добросовестности, точности, обязательности и сама всегда подавала пример. В силу своей ответственности, неиссякаемой энергии, стремления быть в гуще тех или иных республиканских событий она совершала регулярные поездки (чаще перелеты из-за постоянного дефицита времени) в разные российские регионы, чтобы помочь коллегам в организации исследований, выступить с лекциями в университетах или на встрече с государственными служащими, провести интервью с национальными элитами.

В российских республиках с началом процессов демократизации и «национального возрождения» повысилась роль национальных элит. Леокадия Михайловна относилась к элите «те слои и группы, которые в силу статуса в официальных институтах принимают стратегические решения или в силу своего неформального авторитета непосредственно влияют на принятие этих решений, управляют функционированием этого общества» (Говорит элита республик..., 1996: 3). Во время реализации проекта «Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов в Российской Федерации» она провела ряд интервью с политиками, бизнесменами, учеными, деятелями культуры, религии, лидерами оппозиционных движений в республиках Татарстан, Саха (Якутия), Северная Осетия – Алания, Тува. В Татарстане я была свидетелем некоторых из них, например, с первым Президентом Республики Татарстан М.Ш. Шаймиевым, к которому Леокадия Михайловна относилась с большой симпатией и уважением. Во время интервью особенно ярко раскрывались такие ее качества, как умение найти нужные слова и интонации, «раскрыть собесед-

ника». Опубликованные в книге «Говорит элита республик Российской Федерации. 110 интервью Леокадии Дробижевой», они явились не только базой для проведения научного анализа, но и вызвали в то время живой интерес в разных слоях общества.

Уже с начала первых совместных проектов Леокадия Михайловна ввела в практику приглашение на рабочие семинары исследовательских групп представителей политической и гуманитарной элиты, дабы они «вживую» услышали и поняли общественные, в том числе национальные проблемы, познакомились с результатами исследований, усвоили современную научную терминологию. Помню, как нас, исследователей из республик, в 1990-х годах удивляли позиции представителей госорганов, в том числе Государственной Думы РФ, которые не понимали проблем этничности, развития национальных языков и культур, межэтнических отношений в национальных регионах. Сейчас многие понятия, введенные этносоциологами, например, такие как «идентичность», «межэтническая толерантность», «культурная дистанция» и другие, вошли в лексикон общественных и государственных деятелей, в политические документы. В этом мы видим роль Леокадии Михайловны и ее коллег, распространявших понятийный аппарат нашей науки через публикации, выступления в государственных и общественных организациях.

Леокадия Михайловна считала важнейшей задачей этносоциологов внедрение результатов исследований в практическую жизнь. Ее последняя статья «Опыт 1990-х гг. и управление культурным многообразием» как раз посвящена этой теме (Дробижева, 2021).

Лекции, встречи в общественных организациях, публикации в СМИ, выступления на радио и телевидении были неотъемлемой частью ее жизни. Она была частым гостем в Ассамблее народов России, в различных национально-культурных объединениях в российских регионах, в том числе в Татарстане, Якутии и Башкортостане. Как эксперт она сотрудничала с Администрацией Президента РФ, администрациями руководителей республик, в которых проводились исследования, со специалистами Федерального агентства по делам национальностей РФ, готовила аналитические материалы и рекомендации. Список ее активности как эксперта в государственных органах только за последнее десятилетие дает представление о ее деятельности в этом направлении. В 2016–2021 гг. она – член экспертного совета при Комитете по делам национальностей Государственной Думы РФ; в 2010–2013 гг. – член Общественного совета при Министерстве регионального развития РФ, член рабочей Комиссии по международным отношениям при Правительстве РФ; в 2012–2021 гг. – член Совета при Президенте РФ по международным отношениям; член Совета по международным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями при Совете Федерации РФ¹.

¹ Дробижева Леокадия Михайловна // Институт социологии ФНИСЦ РАН: официальный сайт. URL: https://www.isras.ru/pers_about.html?id=44&ysclid=mjcmj582yd840338829 (дата обращения: 09.09.2025).

В Татарстане поддержка этносоциологических исследований и связи их с практикой приобрела форму регулярных (один раз в два года) Всероссийских научно-практических конференций «Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации». Третья из них была посвящена 50-летию осуществления первого этносоциологического исследования в СССР (Позитивный опыт..., 2018). Проведение конференций и издание сборников материалов осуществляются в рамках Государственной Программы РТ «Реализация государственной национальной политики в Республике Татарстан на 2014–2025 годы».

В июне 2008 г. в Казани по инициативе этносоциологов из Института истории Академии наук Республики Татарстан прошла Международная научно-практическая конференция «Этносоциология в России: научный потенциал в процессе интеграции полиэтнических обществ», приуроченная к юбилейной дате – 40-летию начала массовых этносоциологических исследований. Мероприятие было проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Кабинета Министров Республики Татарстан. На нем было представлено более 80 докладов. По существу, это был первый столь представительный форум, посвященный этносоциологической науке, собравший представителей разных научных подходов, различных регионов России и государств СНГ, академической и вузовской науки. Выступивший на пленарном заседании Ю.В. Арутюнян подвел краткие итоги этносоциологических исследований и обозначил перспективы их дальнейшего развития. Л.М. Дробижева, говоря о вызовах XXI в., подчеркнула необходимость изучения интересов и ценностей, способных скреплять Российскую Федерацию. Она отметила существенное расширение исследовательского поля и то, что это ставит перед этносоциологами «задачи совершенствования профессионализма, расширения междисциплинарных связей и смелости в отстаивании гражданской позиции» (Этносоциология в России..., 2009: 25). Сегодня ее слова все также актуальны и звучат как наказ последующим поколениям этносоциологов и всем представителям пограничных наук.

Следующие две юбилейные для этносоциологии даты – 50-летие и 55-летие этносоциологии – были отмечены проведением конференций в Институте этнологии и антропологии им.Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук в 2016 и 2022 гг. (Этносоциология вчера и сегодня..., 2016; Этносоциология: поиски и свершения..., 2022). Последняя из них была посвящена памяти основоположников этносоциологии – Ю.В. Арутюняна, Л.М. Дробижевой и М.Н. Губогло.

Практика развития этносоциологической науки показала, что в России сформировалась многочисленная Школа этносоциологии и как ответвления от нее – Школа Ю.В. Арутюняна, Школа Л.М. Дробижевой, Школа М.Н. Губогло. К ней можно причислить не только учеников основоположников этносоциологии, но и учеников их учеников, а также всех коллег-этносоциологов Москвы, Петербурга, столичных городов республик России и бывшего Советского Союза, крупных российских вузовских городов, где существуют центры этносоциологии, проводятся этносоциологические исследования, читаются лекции по эт-

носоциологии для студентов различных направлений: исторических, социологических, культурологических, политологических и других. Среди этносоциологического сообщества достойное место занимают этносоциологи Академии наук Республики Татарстан, чьи профессиональные качества высоко оценивала Леокадия Михайловна.

Вклад Л.М. Дробижевой неоднократно был оценен правительством РФ. В 2013 г. она, создавая, по сути, своим трудом научный фундамент федеративных отношений многонационального народа России, была награждена Орденом дружбы народов. В 2019 г. Леокадия Михайловна стала Лауреатом премии Президента РФ за вклад в укрепление единства российской нации. Как отмечено в Указе Президента Российской Федерации, эта премия присуждается за плодотворную деятельность, направленную на упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа РФ, гармонизацию межнациональных отношений, развитие этнокультурного многообразия народов страны².

По достоинству и достаточно своеобразно оценила труд Леокадии Михайловны Республика Саха (Якутия), которая была в числе российских регионов, где проводились мониторинговые исследования под ее руководством. Ее имя было присвоено ювелирному алмазу 51,7 карат, добытому в республике в 2024 г. По этому поводу У.А. Винокурова в своем блоге писала: «Замечательно, что имя Леокадии Михайловны Дробижевой будет храниться в виде алмаза в Сокровищнице Республики Саха (Якутия). Ее доброжелательное сердце и интеллектуальное служение родной России сложилось в алмазную твердь благодарной памяти и признания ценности социологии как компаса общества»³. Верится, что благодарная память о Леокадии Михайловне, восхищение ее человеческими качествами, преклонение перед ее интеллектом и огромным вкладом в развитие этносоциологии (и шире социологии в целом) останутся в памяти ее учеников, коллег, всех, кому довелось / посчастливилось встречаться, учиться у нее, работать, дружить, обсуждать научные и общественно-политические проблемы.

Творец одарил Леокадию Михайловну редким сочетанием прекрасных качеств ученого, человека, женщины – и все это в превосходной степени. Восхищаясь масштабностью ее личности как ученого, политика, организатора, мы все еще задаемся вопросом: «Как ей удавалось объять необъятное и при этом быть душевно близким человеком для всех, знавших ее?» Я благодарна судьбе за то, что на моем жизненном пути она определила встречу с Леокадией Михайловной, которая была для меня и учителем, и старшим другом, и путеводной звездой, недостижимой, но столь манящей.

² Дробижева Л.М. стала лауреатом премии Президента РФ за вклад в укрепление единства российской нации 2019 года // Институт социологии ФНИСЦ РАН: официальный сайт. URL: https://www.isras.ru/institute_news.html?id=8322 (дата обращения: 09.09.2025).

³ Телеграмм канал Ульяны Винокуровой. 13 января 2023 г. URL: <https://t.me/UlianaVinokurova/4121> (дата обращения: 11.09.2025).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М. Духовная общность советских народов. М.: Мысль, 1981.
- Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М. Многообразие культурной жизни народов СССР. М.: Мысль, 1987.
- Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М. Социально-культурное развитие и сближение советских наций. М.: Знание, 1972.
- Говорит элита Республик Российской Федерации: сто десять интервью Леокадии Дробижевой с политиками, бизнесменами, учеными, деятелями культуры, религии, лидерами оппозиционных движений / отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: ИЭА РАН, 1996.
- Губогло М.Н. Предвестник социальных перемен (о вкладе Ю.В. Арутюняна в развитие социологии и этносоциологии) // Междисциплинарные исследования / отв. ред. М.Н. Губогло. М.: Наука, 2004.
- Дробижева Л.М. Духовная общность народов СССР. Историко-социологический очерк межнациональных отношений. М.: Мысль, 1981.
- Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: Мысль, 1996.
- Дробижева Л.М. Опыт 1990-х гг. и управление культурным многообразием // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 49–61. <https://doi.org/10.31857/S013216250015254-2>
- Конфликтная этничность и этнические конфликты / ред. Л.М. Дробижева и др. М.: ИЭА РАН, 1994.
- Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества / отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2016.
- Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты / отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: ФНИСЦ РАН, 2018.
- Мусина Р.Н. Общее и этнически особенное в современной семье сельских татар (по материалам этносоциологического исследования в Татарской АССР): Автореф. дис. ...канд. истор. наук. М., 1984.
- Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов / ред. Л.М. Дробижева и др. М.: ИЭА РАН, 1994.
- Опыт этносоциологического исследования образа жизни (по материалам Молдавской ССР). М.: Наука, 1980.
- Пименов В.В. Урало-Поволжская историко-этнографическая область // Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии / отв. ред. М.Н. Губогло. М.: Наука, 2005.
- Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации. Материалы III научно-практической конференции / под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, Л.В. Сагитовой. Казань: Институт истории АН РТ, 2018.
- Семейный быт народов СССР / отв. ред. Т.А. Жданко. М.: Наука, 1990.
- Современные межнациональные процессы в ТССР (Программа исследования и инструментарий) / отв. ред. Р.Н. Мусина. Казань: ИЯЛИ КФАН АН СССР, 1991.

Современные национальные процессы в ТССР. Вып 1 / отв. ред. Д.М. Исхаков. Казань: ИЯЛИ КФАН АН СССР, 1992.

Современные национальные процессы в ТССР. Вып 2 / отв. ред. Р.Н. Мусина. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1994.

Современные этнические процессы в СССР / под ред. Ю.В. Бромлей. М.: Наука, 1977.

Социально-культурный облик советских наций: по результатам этносоциологических исследований / отв. ред. Ю.В. Арутюнян, Ю.В. Бромлей. М.: Наука, 1986.

Социологические исследования о Советской Эстонии / под ред. Ю.Ю. Кахка. Таллин: Периодика, 1979.

Этносоциология в России: научный потенциал в процессе интеграции полиэтнических обществ / отв. ред. Р.Н. Мусина. Казань: ИИ АН РТ, 2009.

Этносоциология вчера и сегодня / отв. ред. и сост. Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. М.: ИЭА РАН, 2016.

Этносоциология: поиски и свершения / отв. ред. и сост.: Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. М.: ИЭА РАН, 2022.

Этносоциология: Учебное пособие для вузов / Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробизжева, А.А. Сусоколов. М.: Аспект Пресс, 1998.

REFERENCES

Arutyunyan Yu.V., Drobizheva L.M. (1972) *Socio-cultural development and rapprochement of the Soviet nations*. Moscow: Znaniye Publ. (In Russ.)

Arutyunyan Yu.V., Drobizheva L.M. (1981) *The spiritual community of the Soviet peoples*. Moscow: Mysl' Publ. (In Russ.)

Arutyunyan Yu.V., Drobizheva L.M. (1987) *The diversity of the cultural life of the peoples of the USSR*. Moscow: Mysl' Publ. (In Russ.)

Conflicting ethnicity and ethnic conflicts (1994). Drobizheva L.M. (ed.) Moscow: IEA RAN Publ. (In Russ.)

Drobizheva L.M. (1981) *The spiritual community of the peoples of the USSR. A historical and sociological essay on interethnic relations*. Moscow: Mysl' Publ. (In Russ.)

Drobizheva L.M. (2021) 1990s' experience and cultural diversity management. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. [Sociological Research] No. 8: 49–61. <https://doi.org/10.31857/S013216250015254-2> (In Russ.)

Drobizheva L.M., Aklaev A.R., Koroteeva V.V., Soldatova G.U. (1996) *Democratization and images of nationalism in the Russian Federation of the 90s*. Moscow: Mysl' Publ. (In Russ.)

Ethnosociology in Russia: Scientific Potential in the Process of Integration of Multiethnic Societies (2009). Musina R.N. (ed.) Kazan: Institute of History of RT Academy of Sciences Publ. (In Russ.)

Ethnosociology of yesterday and today (2016). Ostapenko L.V., Subbotina I.A. (eds.) Moscow: IEA RAN Publ. (In Russ.)

Ethnosociology: A textbook for universities (1998). Arutyunyan Yu.V., Drobizheva L.M., Susokolov A.A. (eds.) Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russ.)

Ethnosociology: searches and achievements (2022). Ostapenko L.V., Subbotina I.A. (eds.) Moscow: IEA RAN Publ. (In Russ.)

Family life of the peoples of the USSR (1990). Zhdanko T.A. (ed.) Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)

Guboglo M.N. (2004) Harbinger of social change (on the contribution of Yu.V. Arutyunyan to the development of sociology and ethnosociology) In: Guboglo M.N. (ed.) *Interdisciplinary Research*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)

Interethnic harmony as a resource for consolidating Russian society (2016). Drobizheva L.M. (ed.) Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russ.)

Interethnic harmony in the national and regional dimensions. Socio-cultural and religious contexts (2018). Drobizheva L.M. (ed.) Moscow: Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russ.)

Modern ethnic processes in the USSR (1977). Bromley Yu.V. (ed.) Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)

Modern interethnic processes in the Republic of Tatarstan (1992). Issue 1. Iskhakov D.M. (ed.) Kazan: ILLH of the Kazan branch of the USSR Academy of Sciences Publ. (In Russ.)

Modern interethnic processes in the Republic of Tatarstan (1994). Issue 2. Musina R.N. (ed.) Kazan: ILLH of the Kazan branch of the USSR Academy of Sciences Publ. (In Russ.)

Modern interethnic processes in the Republic of Tatarstan (Research program and tools). (1991). Issue 1. Musina R.N. (ed.) Kazan: ILLH of the Kazan branch of the USSR Academy of Sciences Publ. (In Russ.)

Musina R.N. (1984) *Common and ethnically special in the modern family of rural Tatars (based on the materials of ethnosociological research in the Tatar ASSR)*. Abstract of the Dis. cand. Historical sciences. Moscow. (In Russ.)

National identity and nationalism in the Russian Federation in the early 1990s (1994). L.M. Drobizheva (ed.) [et al.] Moscow: IEA RAN Publ. (In Russ.)

Pimenov V.V. (2005) Ural-Volga historical and ethnographic region. In: Guboglo M.N. (ed.) *Interdisciplinary research in the context of socio-cultural anthropology*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)

Positive experience in the regulation of ethnosocial and ethnocultural processes in the regions of the Russian Federation (2018). Proceedings of the 3rd All-Russian Scientific and Practical Conference. Gabdrakhmanova G.F., Makarova G.I., Sagitova L.V. (eds.) Kazan: Institute of History of RT Academy of Sciences Publ. (In Russ.)

Sociological research on Soviet Estonia (1979). Kakhka Yu.Yu. (ed.) Tallinn: Periodicals Publ. (In Russ.)

The Elite of the Republics of the Russian Federation Says: L. Drobizheva's 110 Interviews with Politicians, Businessmen, Scientists, Cultural and Religious Figures, Leaders of the Opposition Movements (1996). Drobizheva L.M. (ed.) Moscow: IEA RAN Publ. (In Russ.)

The experience of ethnosocial lifestyle research (based on the materials of the Moldavian SSR) (1980) Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)

The socio-cultural image of the Soviet nations: based on the results of ethnosociological research (1986). Arutyunyan Yu.V., Bromley Yu.V. (eds.) Moscow: Nauka Publ. (In Russ.).

Сведения об авторе: Мусина Розалинда Нуриевна, кандидат исторических наук, независимый исследователь (420111, ул. Островского, 15, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0009-4275-6360>; e-mail: rnm23572@mail.ru

About the author: Rozalinda N. Musina, Cand. Sc. (History), an independent researcher (15 Ostrovskiy St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0009-4275-6360>; e-mail: rnm23572@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 16.09.2025

Доработана после рецензирования / Revised 31.10.2025

Принята к публикации / Accepted 18.11.2025

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2026-11-1.44-53>

EDN: KVNIAW

**Леокадия Михайловна:
Личность,
ученый, публичный деятель**

В.И. Мукомель

*Институт социологии Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук
Москва, Российская Федерация
mukomel@mail.ru*

Резюме. В статье, посвященной Л.М. Дробижевой, одному из ключевых основоположников этносоциологии в России, раскрываются три аспекта ее жизни и профессионального пути: личные качества, оказавшие огромное влияние на формирование научных коллективов в Москве и в регионах России, ее научная и общественно-публичная деятельность. Показано, что в деятельности Леокадии Михайловны отражено развитие этносоциологии как научного направления. Центральное внимание уделяется анализу эволюции исследовательского поля Л.М. Дробижевой. Рассматриваются несколько этапов трансформации ее научных интересов: советский этап (1961–1990) – период становления этносоциологических исследований, формулировка предметов анализа, их методологии, целей и задач; 1990-е годы, когда шло интенсивное ознакомление с научными разработками на Западе и одновременно приходилось анализировать тектонические сдвиги в межнациональных отношениях и национальных политиках в новых независимых государствах; 2000-е годы, когда происходило переосмысление целей и задач национальной политики России в связи с меняющейся ситуацией, велась разработка индикаторов и инструментов реализации национальной (этнонациональной) политики. Последнему этапу уделяется особое внимание. Показано, что уже в конце первого десятилетия 2000-х годов внимание Л.М. Дробижевой переключается с традиционных этносоциологических тем на проблемы консолидации российского общества, ключевым элементом которой ей представляется общероссийская гражданская идентичность. Вопросы формирования общероссийской идентичности, ее измерения, соотнесения с иными идентификационными характеристиками, в первую очередь, с этнической, а также территориальной идентичностями, становятся основными темами ее исследований и публикаций в последующие годы, когда Л.М. Дробижева не только продвигает свои идеи в научных работах, но и активно выступает в публичном пространстве. Статья базируется как на изучении творческого наследия Леокадии Михайловны, так и на личных впечатлениях об общении с ней во время многолетней работы под ее руководством.

Ключевые слова: Л.М. Дробижева; этносоциология; этнонациональная политика; российская идентичность; этническая идентичность; межэтническая ситуация; межэтническая интеграция; консолидация

Для цитирования: Мукомель В.И. Леокадия Михайловна: Личность, ученый, публичный деятель. *Историческая этнология*. 2026. Т. 11. № 1. С. 44–53. <https://doi.org/10.22378/he.2026-11-1.44-53> EDN: KVNIAW

Leokadia Drobizheva: personality, scholar, public figure

V.I. Mukomel

*Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
mukomel@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to Leokadia M. Drobizheva, one of the key founders of ethnosociology in Russia. It reveals three aspects of her life and professional path: personal qualities that had a huge impact on the formation of research teams in Moscow and in the regions of Russia, her academic work, and public activities. The article shows that Leokadia Drobizheva's work reflects the development of ethnosociology as a scientific field. Central attention is paid to the analysis of the evolution of L.M. Drobizheva's research field. Several stages of the transformation of her scientific interests are considered. First of all, it is the Soviet stage (1961–1990) – the period of ethnosocial research formation, the formulation of subjects of analysis, their methodology, goals and objectives. Secondly, the 1990s is the period of intensive familiarization with scholarly developments in the West, while at the same time it was necessary to analyze tectonic shifts in inter-ethnic relations and national policies in the newly independent states. Finally, in the 2000s, when the goals and objectives of Russia's national policy were being reconsidered in connection with the changing situation; indicators and tools for implementing the nationality policy (ethnonational policy) were being developed. Particular attention is drawn to the last stage. It is shown that already at the end of the first decade of the 2000s, L.M. Drobizheva's focus shifted from traditional ethnosociological topics to the problems of consolidating Russian society, the key element of which she considered to be the all-Russian civic identity. The issues of the formation of national identity, its measurement, and correlation with other identification characteristics, primarily ethnic and territorial identities, became the main topics of her research and publications in subsequent years, when L.M. Drobizheva not only promoted her ideas in academic papers, but also was actively present in the public space. The paper is based both on the study of the creative legacy of Leokadia Drobizheva and on the author's personal impressions from interacting with her during many years of work under her leadership.

Keywords: L.M. Drobizheva; ethnosociology; ethnonational politics; Russian identity; ethnic identity; interethnic situation; interethnic integration; consolidation

For citation: Mukomel V.I. (2026) Leokadia Drobizheva: personality, scholar, public figure. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 11. No. 1: 44–53. <https://doi.org/10.22378/he.2026-11-1.44-53> (In Russ.)

Среди научных работников много умных, талантливых, меньше – выдающихся. Но, откровенно говоря, всегда ли можно сказать, что это Личность, человек, к которому тянет и с которым хочется общаться?

Леокадия Михайловна поражала многогранностью: редко в одном лице органично сочетаются выдающийся ученый, замечательный организатор и потрясающая личность. Сколько людей обязаны ей своим становлением в науке, сколько научных работников она сплотила в рамках этносоциологии, основоположником которой они с Юрием Варгановичем Арутюняном являлись!

Леокадия Михайловна работала очень много. При этом, зачастую, беря на себя непосильный груз. Иногда в буквальном смысле. Вспоминается эпизод, когда в начале 1990-х мы принимали участие в конференции в Голландии и когда впервые наяву – публикации ее мне были известны – я имел возможность пообщаться с Леокадией Михайловной. Я предложил взять ее чемодан, в ответ прозвучало: «Я сама». До сих пор стыдно, что не настоял...

Отмечу, что я относительно немного времени работал с Л.М. Дробижевой, чуть больше 20 лет – меньше, чем многие члены нашего коллектива. Слишком мало... Помню, когда после моего ухода из Администрации Президента, я пришел устраиваться на работу в Институт социологии РАН с подачи уже там работавшего Э.А. Паина, Леокадия Михайловна, после нашего разговора, посетовав на низкую зарплату в Институте, предложила: «Давайте, когда Ваше пособие по безработице снизится до институтской зарплаты (а вполне приличное пособие бывшему госслужащему ежемесячно уменьшалось – прим. авт.), тогда и приходите – я буду Вас ждать». Так, спустя много месяцев, я и оказался в институте. Мой приход не был случаен: на рубеже веков, когда вынужденные миграции на постсоветском пространстве сошли на нет, а трудовые миграции еще не обозначились, я потерял интерес к миграционным исследованиям. Вспоминаю посылку с коллегой, пожалуй, наиболее квалифицированным специалистом по миграциям в пост-СССР, бывшим соотечественником В. Школьниковым, работавшим в Международной организации по миграции, а позже возглавлявшим Бюро по правам человека ОБСЕ, во время которой мы пришли к единодушному мнению: миграции становятся рутинными, а будущие вызовы сопряжены с международными отношениями, в том числе, вероятно, и с новыми мигрантскими диаспорами. Поэтому мой приход в Институт социологии оказался вполне логичным и предопределил направления моих дальнейших исследований начала 2000-х годов: национальная политика, в первую очередь в регионах России, проблемы формирования новых диаспорных организаций, взаимоотношения принимающего населения и мигрантских этнических меньшинств, мигрантофобии.

Возвращаясь к деятельности Леокадии Михайловны как организатора, считаю, что многочисленные обязанности, связанные с этой ролью, вряд ли доставляли ей большое удовольствие. Но – во имя науки и во имя людей, ее окружавших и подпавших под ее обаяние – она считала это своим долгом. На меня произвело большое впечатление, что одним из ее первых дел, когда Л.М. Дробижева стала директором Института социологии, был ремонт всех туалетов. Забота о том, чтобы люди чувствовали себя комфортно, чтобы они шли на работу с удовольствием, чтобы они ощущали себя коллективом – отразилась в этом небольшом эпизоде.

Что привлекало в Леокадии Михайловне – так это потрясающая скромность. Памятуя о Толстовской дроби, она много из себя представляла и мало думала о себе. Ее обращение к сотрудникам всегда звучало как просьба. Непреклонность проявлялась в двух случаях: при научных спорах, если она считала свою позицию принципиальной, и когда Леокадия Михайловна вручала милые

презенты. (Споры, кстати, бывшие большой редкостью, проходили вполне корректно, в «кухонной» интеллигентской тональности – Леокадии Михайловне удалось создать такую обстановку, что повышение голоса воспринималось бы не комильфо. За все годы припоминаю лишь один случай, когда, как говорится, «нашла коса на камень»: по просьбе редакции «Социса» я рецензировал одну статью и дал резко отрицательный отзыв, а Л.М. Дробижева, как член редколлегии журнала, положительный).

Трудно представить человека, не подпавшего под ее обаяние, как и человека, входившего в ее каррас (вспомним «Колыбель для кошки» Курта Воннегута) и не окученного ее заботой, готовностью помочь. Эмпатия, чисто женское обаяние были заметны с первого взгляда; мой сын, мельком встретившийся с Леокадией Михайловной в институте, заметил: «Папенька, а Леокадия Михайловна выглядит намного лучше тебя».

Разностороннейший человек, ей все было интересно. Для нее было естественно включиться в пилотаж анкеты, опрашивая близких и не очень людей, разговаривать с таксистами – прекрасно зная, что они еще тот источник информации об умонастроении людей. Было поучительно наблюдать Леокадию Михайловну в поездках: ее интересовало все неизвестное, ее молодой задор вдохновлял нас с Катей Арутюновой, с ней было комфортно. (Единственное недопонимание возникало при планировании: она привыкла приезжать в аэропорт, на вокзал загодя, я же, недолюбливающий сии места – стремился появиться впритык).

Я часто подвозил Леокадию Михайловну домой. По дороге, в час пик, мы обсуждали не только и не столько рабочие моменты, это были разговоры обо всем. В последующие годы мне очень не хватало и не будет хватать впрямь этих поездок...

Леокадия Михайловна была в первую очередь Личностью и, разумеется, выдающимся ученым. Перечисление всех ее регалий – задача непростая; к некоторым из них (как, например, к премии общественного признания достижений женщин «Олимпия», полученной в 2001 г.) она сама относилась с известной иронией.

Её научная судьба неразрывно связана со становлением этносоциологии в России. Леокадия Михайловна выделяла три этапа ее развития (Дробижева, 2018). Первый, советский – с конца 1960-х годов, когда в Институте этнографии Академии наук СССР был создан сектор конкретно-социологических исследований культуры и быта народов СССР, позднее преобразованный в отдел этносоциологии. Второй – 1990-е годы, когда, как позже писала Л.М. Дробижева, возглавлявшая сектор и являвшаяся заместителем директора Института этнографии (с 1992 г. – Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук), «отечественная этносоциология... продолжала развиваться, преимущественно в направлении социологизации», чему способствовали как непосредственное знакомство с теоретическими подходами и достижениями мировой социологической науки, создававшими возможности

для контекстного изучения событий в России, так и расширение тематики исследований. Третий этап – 2000-е годы, когда Леокадия Михайловна, будучи руководителем Института социологии РАН (2000–2005), а позднее руководителем Центра исследования межнациональных отношений Института социологии Российской академии наук, концентрируется на социальных проблемах общества, рассматривая стабильность межэтнических отношений как необходимое условие его развития. (Социологическая оптика, на мой взгляд, в это время окончательно возобладала над этнологической). Примечательно, что Л.М. Дробижева, говоря о своей работе в Институте этнографии, вспоминала, что там была более свободная обстановка для работы, чем у социологов, которых сильнее контролировал ЦК КПСС, и многие ведущие учёные (Ю.В. Арутюнян, И.С. Кон, О.И. Шкаратан) перешли в Институт этнографии АН СССР¹. Причем именно в конце 1960-х годов в ТАССР разрешили провести первое репрезентативное для региона этносоциологическое исследование. Это оставило след навсегда: трепетное отношение к Татарстану – при том, что Леокадия Михайловна работала во многих регионах России и бывших союзных республиках – прослеживалось все последующие годы. И татарстанцы отвечали ей тем же: не только коллеги-друзья, но и власти республики относились к ней с любовью и с уважением прислушивались к ее словам.

Научные изыскания Л.М. Дробижевой советского времени были в русле исследовательских вопросов этапа становления этносоциологии. Вместе с другим ее основоположником, Ю.В. Арутюняном, они вспоминали, что предметное поле этносоциологических исследований 1970–1980-х годов в Эстонии, Молдавии, Грузии, Узбекистане, Российской Федерации изначально было очерчено достаточно широко: социальная структура и мобильность в этнических общностях; этномиграционные процессы; взаимодействие современной и традиционной культуры в этносоциальном развитии; социальные аспекты языковых взаимодействий; этносоциальные аспекты семейно-бытовых отношений; этническая идентичность и межэтнические отношения (Арутюнян, Дробижева, 2008: 88). Леокадия Михайловна в интервью Г.С. Батыгину в 2001 г. вспоминала: «Один год мы с Юриком Варгановичем читали курс этносоциологии на социологическом факультете МГУ, а потом уже на кафедре этнологии. Получилось, что мы внесли социологию в этнологию. А этносоциологию в социологию в полной мере тогда внести не удалось» (Дробижева, 2001: 122). (Спустя годы, по меткому замечанию С.В. Соколовского, «можно смело утверждать, что этносоциология оставила свое «этнографическое наследство», вступив в более выгодные и продуктивные альянсы с другими дисциплинами – политическими исследованиями власти, экономическими исследованиями сегментированного рынка труда, историко-политическими исследованиями национализма и социально-психологическими исследованиями ксенофобии и толерантности. Сего-

¹ Дробижева Л.М. Как и почему я пришла в социологию // ФНИСЦ РАН в публичной сфере. URL: http://piar.isras.ru/?page_id=6699 (дата обращения: 12.01.2026).

дня, на мой взгляд, она является органичной частью социологии с несколько особым предметом» (Соколовский, 2012: 134–135).

В вышеупомянутой статье с Ю.В. Арутюняном, пожалуй, впервые, декларируется важность исследований российской идентичности – хотя и в иной терминологии: «Исключительное значение... имеют интегративные процессы в многокультурном обществе. Органическая включенность в общественную среду в нашем отечественном социуме может фиксироваться множеством индикаторов, среди которых один из основных – выраженность национально-гражданского сознания» (Арутюнян, Дробижева, 2008: 93).

На мой весьма субъективный взгляд, именно в это время обозначился разворот исследовательских интересов Леокадии Михайловны, все большее внимание уделявшей проблемам сплоченности российского общества и роли в этом процессе гражданской (государственно-гражданской) идентичности². Однако, на первых порах, речь шла именно о «межэтнической интеграции»: в начале 2010-х годов сложилась ситуация, когда в Центре, возглавляемом Леокадией Михайловной, реализовывались четыре внеплановых проекта, посвященных межэтнической интеграции российского общества или представителей мигрантских меньшинств. Позднее подход трансформировался в изучение «интеграции полиэтнического пространства», «интегрирующих идентичностей», завершившись исследованиями структуры идентичностей и роли «общероссийской гражданской идентичности» в консолидации общества.

Следуя периодизации этапов развития этносоциологии, предложенной Л.М. Дробижевой, посмотрим более детально, как менялись ее интересы и исследовательские приоритеты, разделив третий этап (2000-е годы) на три примерно равные отрезка времени: 2001–2007 гг., 2008–2014 гг. и 2015–2022 гг. (рис.).

Отметим, что уже в первом десятилетии 2000-х годов на первый план выходят публикации, затрагивающие проблемы формирования российской гражданской идентичности, соотношения гражданской и этнической идентичности в контексте консолидации российского социума, при том, что исследования ситуации в сфере межэтнических отношений на всем протяжении 2000-х годов сохраняют вторую позицию.

В разные периоды число публикаций Леокадии Михайловны различалось, и не менее интересно рассмотреть, какие темы выходили на первый план, каков их удельный вес во всех публикациях данного периода (табл.).

² Ю.В. Арутюнян предпочитал термин «межэтническая интеграция» (Арутюнян, 2005; Арутюнян, 2007).

Рис. Количество публикаций Л.М. Дробижевой по соответствующей тематике в разные периоды, ед.³

Таблица

Удельный вес публикаций Л.М. Дробижевой по соответствующей тематике в разные периоды, %

Тематика	1991–2000	2001–2007	2008–2014	2015–2022
Общероссийская / гражданская / государственно-гражданская идентичность	0	6,1	37,4	40,3
Этническая идентичность	0	2,0	21,5	28,8
Региональная / локальная идентичность	0	0	11,2	12,2
Межэтническая консолидация / солидарность / согласие / сплоченность / интеграция	1,7	0	16,8	30,9
Компаративные, мониторинговые исследования межэтнических отношений/ситуации	10,3	5,1	34,6	33,8
Риски обострения межэтнических отношений / конфликты, потенциальные конфликты	1,7	0	8,4	17,3

³ Источник: РИНЦ (название, аннотация, ключевые слова публикации). Необходимо учесть, что в разные периоды удельный вес журнальных и монографических публикаций различен, в монографиях редко приводятся аннотации и ключевые слова. К сожалению, в 1990-х годах подавляющее большинство публикаций Леокадии Михайловны (свыше 80%) – это книги и коллективные монографии; столь же высок удельный вес таких публикаций и в начале 2000-х годов.

Тематика	1991– 2000	2001– 2007	2008– 2014	2015– 2022
Ценности, доверие	1,7	1,0	3,7	12,9
Национализм	13,8	1,0	3,7	0,7
Национальная политика, этнонациональная политика, этническая политика	3,4	1,0	4,7	11,5
Мигранты, миграции, миграционная политика, адаптация / интеграция мигрантов	3,4	2,0	5,6	13,7
Справочно: всего публикаций в РИНЦ, ед.	58	98	107	139

Источник: РИНЦ (название, аннотация, ключевые слова публикации).

Что примечательно, для Л.М. Дробижевой проблемы миграции и миграционной политики становятся не менее значимыми, чем проблемы национальной политики. Заметно, что анализ межнациональных отношений, ситуации в регионах уходит на второй план, вопросы российской идентичности, сопряженная с ними проблематика ценностей, доверия занимает ведущую роль в ее исследованиях. Симптоматично, что на Дробижевских чтениях 2003 г. и 2005 г. около 40% всех докладов было посвящено идентичностям.

В последние годы жизни российская гражданская идентичность становится центральной темой для Леокадии Михайловны: из 14 работ 2020–2022 гг. идентичность присутствует в названии 11 публикаций, причем в 5 – без упоминания этнического контекста. На мой субъективный взгляд, в эти годы оформляется разрыв Л.М. Дробижевой с этнологической пуповиной. В этносоциологических исследованиях ее больше интересуют социо- чем этно- проблемы консолидации российского общества, поиск ее факторов и индикаторов; межнациональные отношения становятся контекстом/ограничением/ресурсом и не более того.

Нельзя не упомянуть еще одну ипостась Леокадии Михайловны – если не как политика, то хедлайнера концепта укрепления российской гражданской идентичности, лоббиста от науки в сфере национальной политики и нациестроительства. (Причем, судя по интервью Г.С. Батыгину, этот талант проявился у Леокадии Михайловны еще в советские годы). У нее, входящей во множество советов и комиссий, было много площадок, на которых была возможность прояснить свою позицию, свои идеи и предложения. И ее слушали. Примечателен нетривиальный случай, когда Президент РФ, на заседании Совета по межнациональным отношениям, предваряя выступление Леокадии Михайловны, заранее дал ему высокую оценку: «Институт социологии Российской академии наук, Дробижева Леокадия Михайловна. У неё интересное сообщение – о консолидации российского общества в единую гражданскую нацию»⁴.

⁴ Заседание Совета по межнациональным отношениям. Астрахань, 31 октября 2016 г. Стенографический отчет. URL: https://sovetsnational.ru/netcat_files/48/57/h_893129f55581f71f20b35044d3ac267d (дата обращения: 28.10.2025).

Слово Леокадии Михайловны было столь значимо, что спустя два года после ее ухода Демоскоп-Weekly, с его сотней тысяч месячных посещений, перепечатал ее статью 2020 г. (Дробижева, 2020)⁵, а последняя ее работа была опубликована татарстанскими коллегами в 2024 г.

Ньютону принадлежат слова: «Если я видел дальше других, то потому, что стоял на плечах гигантов». Пусть мы не видим дальше других, но нам повезло пройти часть пути рядом с гигантом... С недоумением представляю Леокадию Михайловну в наши дни, с некоторыми законодательными новациями в сфере национальной политики. Боюсь, ей, душой, болеющей за дело, истинному патриоту и человеку принципиальному, было бы трудно согласиться с отдельными из них. Возможно, ей было бы некомфортно. Как и нам. Без нее...

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнян Ю.В. О потенциале межэтнической интеграции в Московском мегаполисе // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 27–40.

Арутюнян Ю.В. О симптомах межэтнической интеграции в постсоветском обществе (по материалам этносоциологического исследования Москвы) // Социологические исследования. 2007. № 7. С. 16–23.

Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М. Этносоциология перед вызовами времени // Социологические исследования. 2008. № 7. С. 85–95.

Дробижева Л.М. Межэтническое согласие в условиях новых вызовов // Социальные процессы современной России / под общей ред. проф. З.Х. Саралиевой: В 2 т. Т. 1. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2020. С. 41–45.

Дробижева Л.М. Этносоциология: от пограничной области исследований к отрасли социологии // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 17–29. <https://doi.org/10.7868/S013216251806-001X>

Дробижева Л.М. «Я всегда находилась в процессе самообучения...» // Социологический журнал. 2001. № 4. С. 115–127.

Соколовский С. Социология vs. антропология: запоздалые заметки на полях к дискуссии «физики vs. лирики» // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 130–139.

REFERENCES

Arutyunyan Yu.V. (2005) On the potential of interethnic integration in the megalopolis of Moscow. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research]. No. 1: 27–40 (In Russ.)

⁵ Дробижева Л.М. Межэтническое согласие в условиях новых вызовов // Демоскоп-Weekly. № 971–972, 17 января – 30 января 2023 г. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2023/0971/nauka02.php> (дата обращения: 13.01.2026).

Arutyunyan Yu.V. (2007) On the symptoms of interethnic integration in post-Soviet society (based on materials of a sociological survey in Moscow). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research]. No. 7: 16–23 (In Russ.)

Arutyunyan Yu.V., Drobizheva L.M. (2008). Ethnosociology facing challenges of the time. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research]. No. 7: 85–95 (In Russ.)

Drobizheva L.M. (2001) “I have always been in the process of self-learning...”. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. No. 4: 115–127 (In Russ.)

Drobizheva L.M. (2018) Ethnosociology: from the frontier research field to a branch of sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research]. No. 6: 17–29. <https://doi.org/10.7868/S013216251806-001X> (In Russ.)

Drobizheva L.M. (2020) Interethnic harmony in the face of new challenges. In: Saralieva Z.Kh. (ed.) *Social Processes of Modern Russia*: Vol. 1. Nizhny Novgorod: NISOC Publishing House: 41–45 (In Russ.)

Sokolovskiy S. (2012) Sociology vs. anthropology: belated marginal notes to the discussion “Physics vs. lyrics.” *Antropologicheskii forum* [Anthropological Forum]. No. 16: 130–139 (In Russ.)

Сведения об авторе: Мукомель Владимир Изявич, доктор социологических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра исследования межнациональных отношений, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (117218, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, Москва, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0001-7896-0261>; e-mail: mukomel@mail.ru

About the author: Vladimir I. Mukomel, Doctor Sc. (Sociology), Chief Researcher, Head of the Center for the Studies of Interethnic Relations, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (24/35, building 5 Krzhizhanovskiy St., Moscow 117218, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0001-7896-0261>; e-mail: mukomel@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 30.10.2025

Доработана после рецензирования / Revised 15.12.2025

Принята к публикации / Accepted 30.12.2025

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2026-11-1.54-68>

EDN: MNXACH

Этносоциология в современных контекстах: о личности и актуальности идей Л.М. Дробижевой

Ю.В. Попков

Институт философии и права

Сибирского отделения Российской академии наук

Новосибирск, Российская Федерация

yuripopkov54@mail.ru

Резюме. В статье рассматриваются фундаментальные и злободневные проблемы этносоциологии, во-первых, актуализированные под влиянием кардинальных трансформаций, произошедших в обществе в постсоветский период, во-вторых, ставившиеся одной из основоположников советской этносоциологии Л.М. Дробижевой. Дается личностная характеристика ученого, которая составлена на основе анализа ее творческого наследия и личных впечатлений, полученных по итогам общения с Леокадией Михайловной, участия в совместных дискуссиях, переписки. Помимо качеств личности, которые отмечают ее ученики и коллеги по совместной работе (дружелюбие, дух миротворчества и коллективизма, взаимной поддержки), автор выделяет ее особый профессиональный стиль, высокий научный и чисто человеческий стандарт, благородство и одновременно жесткость в отстаивании своих позиций по принципиальным вопросам, общественную значимость и здравую прогностичность помыслов и реальных дел. Показано, что распад СССР и внедрение нового социально-экономического строя сопровождались отрицанием отечественных традиций народоведения и утверждением заимствованного с Запада методологического и понятийного аппарата социогуманитаристики, включая этносоциологию. Доминирующими здесь стали антропологизм и конструктивизм с фокусировкой внимания на изучении этничности и идентичности. В этих условиях Л.М. Дробижева фиксировала потребность в осмыслении специфического предмета этносоциологии как важного условия ее сохранения и развития. Анализируя взгляды ученого и обозначая существующие вызовы для этносоциологической науки, автор предостерегает от опасности превращения этносоциологии в инструмент решения определенных политических задач и от абсолютизации вопросов этничности и идентичности в ее проблемном поле. Он настаивает на том, что именно этнический феномен в целом и этнос, как его носитель, являются объектом изучения этнологии, а не этничность, представляющая собой их частное проявление. Предметом этносоциологии предлагается определить этносоциальные процессы в их субъектности, комплексности и системности.

Ключевые слова: этнический феномен; этнос; этничность; идентичность; национальная политика; этносоциология; этносоциальные процессы; этносоциологическая школа Л.М. Дробижевой; новосибирская этносоциологическая школа

Для цитирования: Попков Ю.В. Этносоциология в современных контекстах: о личности и актуальности идей Л.М. Дробижевой. *Историческая этнология*. 2026. Т. 11. № 1. С. 54–68. <https://doi.org/10.22378/he.2026-11-1.54-68> EDN: MNXACH

Ethnosociology in modern contexts: on the personality of L.M. Drobizheva and relevance of her ideas

Yu.V. Popkov

*Institute of Philosophy and Law,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
yuripopkov54@mail.ru*

Abstract. The article examines fundamental and pressing issues in ethnosociology: firstly, the issues brought to light by the dramatic transformations that occurred in society in the post-Soviet period; secondly, the ones posed by one of the founders of Soviet ethnosociology, L.M. Drobizheva. The author provides the scholar's personal profile compiled from an analysis of her creative legacy and personal impressions gained from the interaction with her, participation in joint discussions, and corresponding with her. In addition to Leokadia Drobizheva's personal qualities pointed out by her students and colleagues (friendliness, a spirit of peacemaking and collectivism, and mutual support), the author highlights the following qualities: her distinctive professional style, high academic and purely human standards, nobility combined with firmness in defending her positions on fundamental issues, her social significance, and the sound prognosticity of her thoughts and actions.

The article shows that the collapse of the Soviet Union and the introduction of a new socioeconomic system were accompanied by a rejection of domestic traditions of ethnology and the assertion of a methodological and conceptual framework of social and humanistic studies, including ethnosociology, borrowed from the West. Anthropologism and constructivism with a focus on studying ethnicity and identity became dominant here. In those circumstances, L.M. Drobizheva identified the need to understand the specific subject matter of ethnosociology as an important condition for its preservation and development. Through the analysis of her views and by outlining the existing challenges for ethnosociology, the author cautions against the danger of turning ethnosociology into a tool for solving specific political problems and against absolutizing issues of ethnicity and identity within its field of study. He insists that it is the ethnic phenomenon as a whole and the ethnos as its bearer that are ethnology's object of study, not ethnicity, which is their particular manifestation. It is proposed to define ethnosocial processes in their subjectivity, complexity and systematicity as the subject of ethnosociology.

Keywords: ethnic phenomenon; ethnos; ethnicity; identity; national policy; ethnosociology; ethnosocial processes; L.M. Drobizheva's ethnosociological school; Novosibirsk ethnosociological school

For citation: Popkov Yu.V. (2026) Ethnosociology in modern contexts: on the personality of L.M. Drobizheva and relevance of her ideas. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 11. No. 1: 54–68. <https://doi.org/10.22378/he.2026-11-1.54-68> (In Russ.)

Состояние, содержание и уровень развития как науки в целом, так и ее отдельных направлений становятся результатом коллективных усилий исследователей. В то же время участие каждого из них в создании их общего потенциала не является равнозначным. Фундаментальные идеи, оправдавшие себя методологические подходы и методические инструменты, обнадеживающие перспективы любого научного направления продуцируются наиболее выдающимися

его представителями. Поэтому исследование их индивидуального вклада в развитие науки выступает весьма значимым, поскольку оно позволяет представить историю того или иного направления во всей ее полноте с учетом в том числе личностного измерения. В науке это видится не менее существенным, чем, например, в политике или других сферах общественной жизни.

Не является исключением и этносоциология как относительно самостоятельное направление в системе, с одной стороны, социологии, с другой стороны, этнологического знания, понимаемого в широком смысле как объединяющего все конкретные дисциплины, так или иначе связанные с изучением этнического феномена. Из личностей, которые изначально внесли наиболее заметный вклад в формирование этносоциологии, важно назвать директора Института этнографии Академии наук СССР, академика Ю.В. Бромлея (Карлов, 2021). Именно он реализовал идею пригласить несколько специалистов в эту организацию для того, чтобы изучать современные проблемы, связанные с этнической проблематикой, и инициировал создание сектора конкретно-социологических исследований культуры и быта народов СССР, сотрудники которого использовали социологический инструментарий для изучения национальных (в советской терминологии) процессов. Исследователи отмечают, что вдохновителем такой идеи был О.И. Шкаратан, которого считают основателем этноэкономического научного направления (Сагитова, 2025: 79).

К таким личностям принадлежат, безусловно, Ю.В. Арутюнян, ставший руководителем указанного сектора и неизменно признаваемый лидером этого нового, этносоциологического направления (прежде всего в его социокультурном измерении), а также Л.М. Дробижева, которая изначально работала вместе с ним и под его руководством, позднее являлась заместителем Ю.В. Бромлея в последние годы его директорства. В Институте социологии Российской академии наук, где Леокадия Михайловна была директором (2000–2005) и вплоть до своего ухода возглавляла Центр исследования межнациональных отношений, она стала основоположником собственной школы в этносоциологии (Рыжова, 2023).

К числу основателей этносоциологии относится и М.Н. Губогло, работавший в секторе Ю.В. Арутюняна, позднее более 20 лет возглавлявший Центр по изучению межэтнических отношений (1987–2019) и при В.А. Тишкове, став заместителем директора Института этнологии и антропологии им.Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук. Он является родоначальником исследования этноязыковых процессов, руководителем крупного проекта «Национальные движения в СССР и постсоветском пространстве» и ответственным редактором солидного издания по этой теме (110 томов).

В данной статье я остановлюсь на краткой характеристике личности и анализе актуального для современной этносоциологии наследия Л.М. Дробижевой. Хорошо понимаю, что о ней гораздо лучше меня могут сказать и уже сделали это её ученики и коллеги – те, кто с ней работал, долгие годы участвовал в совместных проектах, делил хлопоты и радости «этносоциологического поля» (Рыжова, Арутюнова, 2021; Рыжова, 2023; Сагитова, 2022; Сагитова, 2025), а

также многие из тех, кто с ней пересекался по совместной деятельности на протяжении многолетней научной и общественно значимой работе¹. Я могу судить о ней по содержанию ее публикаций, итогам наших встреч, участия в совместных дискуссиях, переписке. Это будет, по сути, внешний взгляд, но он, полагаю, может внести дополнительные краски в общий портрет выдающегося исследователя.

Хочу заметить, что я не был учеником Леокадии Михайловны, не участвовал в реализации ее проектов, не проводил с ней совместных исследований. Но мы давно лично знакомы, а еще раньше, с начала 1980-х годов, знаю ее научные работы. Нас объединяла этносоциология. Многие наши выводы по итогам исследований, проводившихся в разных регионах, часто на основе различающихся методологических оснований и конкретных методик, были во многом схожими. Но одновременно они часто дополняли друг друга, составляя общий фонд российской теоретической и прикладной этносоциологии.

Помню, как в 2011 г., увидев меня на подходе к зданию ИНИОН РАН, где проходил Международный конгресс под названием «Двадцать лет спустя (1991–2011): реорганизация пространства и идентичности» и где Леокадия Михайловна делала заглавный доклад, она воскликнула: «Вот, наш оппонент!» Как я понимаю, такую оценку она давала в основном с учетом знакомства с моими и моих коллег по новосибирской школе этносоциологии статьями в журнале «Социологические исследования». Она была там членом редколлегии и, скорее всего, являлась рецензентом некоторых наших статей. Действительно, наши взгляды на отдельные теоретические вопросы, например, о предмете этносоциологии, различались. Но я рассматриваю отношения между нами не как отношения оппонентов, а как исследователей, находящихся в состоянии творческой дискуссии.

Считаю, главное, что характеризует Леокадию Михайловну как ученого – это знание реальной ситуации и реальных проблем в стране, полученное во время этносоциологических экспедиций во многих и столь различающихся регионах. (При этом стоит заметить, что, по известным причинам, далеко не все выявляемые проблемы удавались публикации в открытой печати). Ее идеи и конкретные положения не были абстрактными и схоластичными, будь то научная сторона дела или установки, касающиеся реальной практики и доктринальных документов в сфере национальной политики.

Существенное значение имеет присущий Л.М. Дробижевой, отмечаемый ее учениками и наблюдаемый также мною, дух миротворчества, который она неизменно пропагандировала и реализовывала на практике. Эта установка находила проявление в ее многогранной деятельности в виде трансляции идей межнационального мира, ориентации на предотвращение конфликтов, обоснования необходимости выработки не поверхностных и упрощенных, а тонких и

¹ Памяти Леокадии Михайловны Дробижевой. URL: <https://drobizheva.tilda.ws> (дата обращения: 10.11.2025).

сложных механизмов регулирования сферы межнациональных отношений (Рыжова, Арутюнова, 2021: 174). Аналогичный подход был положен также в основу совместной практической этносоциологической работы, «культивируемый ею дух коллективизма и взаимной поддержки способствовали формированию команды единомышленников» (Сагитова, 2025: 83). Как известно, без такого подхода невозможно создать эффективно работающую исследовательскую ячейку в прикладной социологии. Именно благодаря этому удалось добиться важных результатов в этносоциологии, в том числе в рамках ее этносоциологической школы.

Давая обобщающую характеристику личности Леокадии Михайловны, можно констатировать наличие ее особого стержня и стиля (причем, не только внутреннего, но и внешнего), высокого персонального стандарта в многогранных профессиональных и чисто человеческих проявлениях. Важно также отметить ее благородство при одновременном жестком отстаивании собственных позиций по принципиальным вопросам, общественную значимость и здравую прогностичность помыслов и реальных дел. Она является примером подлинного служения науке и безусловного устремления к истинному процветанию нашего многонационального отечества, в том числе в сложный и неоднозначный период ее современной истории.

Переходя к анализу творческого, этносоциологического наследия Л.М. Дробижевой, важно отметить, что обобщению разных его составляющих посвящены как известные ее собственные работы (в том числе в соавторстве с Ю.В. Арутюняном, касающиеся развития этносоциологии в нашей стране), так и публикации учеников и последователей, которые упоминались выше. Мне самому также доводилось в последнее время писать об идеях Леокадии Михайловны при обсуждении положения дел в этносоциологии (Попков, 2024а; Попков, 2024б) и посвятить этому специальную статью (Попков, 2025), а также говорить на научных форумах, прежде всего, на регулярной конференции «Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации» в Казани, на Дробижевских чтениях в ФНИСЦ РАН в 2023 и 2025 гг., на нашем семинаре «Этносоциальные процессы в Сибири» (Новосибирск) и на совместных семинарах с якутскими коллегами по проблемам этносоциального и этнополитического развития.

Далее привлеку внимание к актуализации тех ее идей, которые являются принципиально значимыми для современного состояния и развития этносоциологии. Выделю далеко не все возможные вопросы, а лишь имеющие, на мой взгляд, фундаментальное значение для этносоциологического знания (этносоциология в системе постсоветских трансформационных процессов, ее статус и предмет, методологический базис, основополагающая проблематика, политические проекции). Акцент сделаю не на достижениях, о которых хорошо известно специалистам, а на существующих здесь проблемах, не всегда и не всем очевидных, представляя собственную позицию по их существу и опираясь на тео-

ретико-методологические наработки и традиции новосибирской научной этносоциологической школы.

Прежде всего, сделаю общее замечание относительно основных тенденций развития этносоциологии в последние десятилетия. Ее состояние и основополагающие тренды, включая используемый терминологический аппарат, обусловлены фундаментальными политическими сдвигами в развитии нашего общества в постсоветский период. Данную проблему фиксирует и конкретно анализирует Л.В. Сагитова в своей недавней статье (Сагитова, 2025). Она, в частности, заключает: «Эти обстоятельства обозначили новый этап развития российской этносоциологии. Широкая демократизация, научная свобода, отход от устоявшихся идеологических канонов марксизма-ленинизма на фоне его делигитимации обусловили формирование масштабной экспериментальной площадки для выработки нового фокуса исследований феномена этничности и этнической идентичности. Теперь они становятся центральными категориями большого количества этнологических и этносоциологических исследований» (Сагитова, 2025: 81).

Применительно к общей ситуации я бы сделал несколько иные оценки. Полагаю, что обозначенная тенденция была связана не столько с демократизацией и научной свободой, а, по сути, с контрреволюционным переворотом, приведшим к распаду СССР и фронтальному отрицанию принципов социализма во всех его сферах и целенаправленному втягиванию России в стихию дикого капитализма. Это сопровождалось в том числе распространением научного (точнее сказать, псевдонаучного) постмодернизма и утверждением нового категориального аппарата в социогуманитарном знании, который должен был работать на заданную политически задачу утверждения законов нового для страны социально-экономического строя. Понятия этничности и идентичности из этого ряда.

Таким образом, речь идет о фундаментальном процессе, детерминирующем произошедшие трансформации – переход страны от социалистической к капиталистической социальной системе со всеми вытекающими отсюда системными последствиями. Это требовало также иного, чем в советский период, методологического базиса и понятийного аппарата для легитимизации нового социального строя и выражения соответствующего кардинального сдвига, суть которого состояла во фронтальной либерализации и индивидуализации общественной жизни. Соответственно доминирующими стали методологический индивидуализм, инструментализм, что проявилось в отрицании объективности и закономерности развития тех явлений, которые отражаются в соответствующих научных понятиях. Европейский антропоцентризм глубоко проник в систему методологических ориентиров и теоретических построений российского обществознания. В области методологии, как отмечает Л.М. Дробижева, произошел поворот от господствовавшего марксизма к конструктивизму как доминирующей парадигме социальных наук (Дробижева, 2020: 209).

Наследие самой Леокадии Михайловны в постсоветский период не было свободно от определяющего политического тренда и заданной В.А. Тишковым

(в 1989 г. ставшим директором ведущего в стране академического института в области исследований этнического феномена) кардинальной ревизии советского наследия и внедрения здесь западных научных образцов. В частности, она приняла конструктивизм, активно использовала и разрабатывала новые для этнологии, включая этносоциологию, научные понятия – категории этничности (Дробижева, 2013), а также тесно связанной с ней идентичности, проблематике которой посвящена преобладающая часть публикаций ее и ее творческого коллектива в последние десятилетия, и по аналогии с которой названа научная этносоциологическая школа Л.М. Дробижевой (Рыжова, 2023).

В то же время ее идеи и результаты исследований нельзя оценить, как безоглядное следование заданным политическим, идеологическим и научным западным стандартам, как это произошло с некоторыми влиятельными учеными. Эти идеи опирались в том числе на отдельные отечественные традиции и прекрасное знание реальной этносоциальной ситуации в стране, в разных ее регионах.

Теперь о дополнительных, наиболее значимых для собственно этносоциологии проблемах.

Леокадию Михайловну в последнее время беспокоил вопрос о статусе этносоциологии, ее месте среди других смежных наук. В частности, она констатировала ее невысокий престиж и низкую оценку в глазах ставших доминирующими социально-культурных антропологов (Дробижева, 2020: 215). Добавим, что ныне огромное число российских исследователей, так или иначе связанных с этнической тематикой, воспринимают себя не этнографами и даже не социально-культурными антропологами, а просто антропологами (в полном соответствии с западным стандартом) или не задумываются об их различиях, допуская разные названия (как тождественные) для той науки, которой они занимаются (этнография=антропология, что на самом деле далеко не одно и то же). Но доминирующей все-таки стала здесь антропология, а этнография исключена даже из образовательного стандарта. Об этом красноречиво свидетельствуют многочисленные публикации, имеющие названия «антропология: телесности, пола, гендера, сексуальности, повседневности, движения, идентичности, детства, медицины, языка, религии, власти, города, села, права, доверия ...». Совсем экзотичные – «антропология холода», «антропология будущего». Данный ярко выраженный тренд оценивается как антропологическое нашествие (Заринов, 2023б) или антропологический переворот (Попков, 2024а).

Этносоциологи меньше, чем представители смежных дисциплин, затронуты влиянием доминирующего западного антропоцентричного тренда в ракурсе его внешнего представления, поскольку этносоциология существует все-таки в рамках не антропологии, а отечественного народоведения, которое имеет устойчивые и признанные в мировой науке традиции, отражающие этнокультурные особенности исторического развития российского государства. Но с точки зрения концептуального и категориального аппарата это влияние на этносоциологическое направление в целом оказалось существенным.

Другая проблема состоит в том, что этносоциологию стали активно использовать в политических целях, нередко для легитимизации существующих (точнее сказать, желаемых, но выдаваемых за действительные) тенденций развития, в основном связанных с проблемами идентичности и, главным образом, «доказательством» высокого уровня общероссийской, часто отождествляемой с гражданской, идентичности по сравнению с другими ее видами, прежде всего этнической. Не случайно, некоторые исследователи, на теоретическом уровне разрабатывающие этническую проблематику, считают, что этносоциология в последнее время «ушла» в политологию.

Для такого утверждения есть определенные основания. Так, критериями (которые измеряются в процентах) достижения всех обозначенных в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 г.» (далее – Стратегия) целевых показателей (во главе с «общероссийской гражданской идентичностью») являются данные по итогам массовых социологических (этносоциологических) опросов. Никакие другие дисциплины, в том числе смежные для этносоциологии – традиционная этнография или этнология, тем более антропология, не в состоянии обеспечить решение этих задач. В недавно принятой новой Стратегии, предусмотренной до 2036 гг., число целевых показателей значительно увеличилось, но их достижение (опять же в процентных соотношениях) можно отследить также только с помощью социологических опросов. Существует опасность превращения этносоциологии в инструмент решения определенных политических задач, что мы частично наблюдаем в реальности. В данной ситуации можно усмотреть «срабатывание» инструменталистской методологической установки применительно к данному научному направлению в целом.

Но суть и содержание этносоциологии далеко не сводится к ее политической функции, хотя она является общественно значимой при условии, что не ограничивается обозначенной выше узкой прагматической задачей. В этой связи возникает вопрос о предметной определенности этносоциологической отрасли знания, адекватная интерпретация которой должна дать ответ в том числе на вопрос о ее месте как в обществе в целом, так и в системе научного знания. К сожалению, эта тема принадлежит к числу редко обсуждаемых, хотя она, на мой взгляд, является фундаментальной для оценки современного состояния этносоциологии, определения перспектив развития, да и вообще для ее существования как относительно самостоятельного научного направления (Попков, 2024б).

Почему вопрос о предмете этносоциологии почти не обсуждается? Скорее всего, это связано с тем, что при ее формировании была задана известная смысловая формула, которая до последнего времени практически не подвергалась сомнению: социология изучает социальные процессы в этнических средах и этнические процессы в социальных группах (кратко: этническое в социальном и социальное в этническом или, еще более емко, – единство этнического и социального). Но в такой формуле этническое и социальное рассматриваются, по

сути, как самостоятельные, независимые сущности, что представляется не вполне корректным (можно ли представить этническое без социального?). Позднее данная формула была уточнена и изменена на: изучение этнически маркированного социального пространства и происходящих в нём процессов. Акцент на социальном пространстве, видимо, был связан с последующим признанием этносоциологии в качестве не собственно междисциплинарной науки, как это представлялось изначально, а отдельной отрасли социологии.

Леокадия Михайловна еще 20 лет назад фиксировала растущую потребность в осмыслении предметной спецификации этносоциологии с учетом кардинальных трансформаций, произошедших в реальной жизни страны и в социогуманитарной науке. Так, она писала: «...сейчас, когда идут острые споры вокруг понимания этничности, этносоциологам важно четче позиционировать себя, в том числе для определения предмета своих исследований» (Дробижева, 2005: 17). К сожалению, впоследствии московские коллеги, насколько мне известно, не обращались к целенаправленному обсуждению предмета этносоциологии, а мой призыв заняться этим, с которым я выступил на секции этносоциологии, руководимой Ю.В. Арутюняном и Л.М. Дробижевой на социологическом конгрессе 2008 г., не получил поддержки. К настоящему времени ситуация с данным вопросом еще больше обострилась, что во многом связано с засильем антропоцентризма в отечественном этнологическом дискурсе, с другими обозначенными выше тенденциями и с возникшими для этносоциологии реальными вызовами и угрозами (Попков, 2024а).

Л.М. Дробижева при разговоре о предмете этносоциологии не зря акцентировала внимание на проблеме этничности, которая признается в качестве «одной из форм коллективной идентичности» (Тишков, 2016: 5). В последнее время известные и влиятельные исследователи обозначают этничность как предмет этнологии. Об этом говорил, например, В.А. Тишков в интервью сразу после пленарного заседания Конгресса антропологов и этнологов 2023 г. в Санкт-Петербурге² (заметим одновременно: антропологи стоят теперь на первом месте в названии данного конгресса, как и соответствующей ассоциации исследователей, и это не случайно). Важно напомнить, что этничность воспринимается академиком как существующая без этноса, реальность которого и как явления, и как научного понятия им отрицается. Не парадокс ли? В действительности, как это убедительно показал Ю.И. Семенов, «этничность есть не что иное, как принадлежность к этносу. Если нет этносов, то нет и не может быть никакой этничности» (Семенов, 2006: 100; Заринов, 2023а). По моему убеждению, оба эти феномена (этнос и этничность) реально существуют, не сводятся к некоторым интеллектуальным конструктам и, что особенно важно, они взаимно дополняют, но не заменяют друг друга.

² Новости СПбГУ: 15-й Конгресс антропологов и этнологов России. URL: <https://yandex.ru/video/preview/16694096198816879365> (дата обращения: 10.11.2025).

Зафиксированная выше интерпретация характеризует абсолютизацию темы этничности в качестве предметного поля этнологической науки в широкой ее трактовке. Как представляется, многие коллеги, в том числе этносоциологи, активно использующие понятие этничности в своих публикациях, не задумываются о его сути, этимологии и морфемной структуре. Однако здесь принципиально важно об этом напомнить: в русском языке этничность (впрочем, также и идентичность) как существительное с суффиксом -ость фиксирует не что иное, как абстрактный, отвлечённый признак или состояние без обозначения их носителей. Но если применительно к идентичности ее субъекты обычно так или иначе фиксируются или предполагаются, то в отношении к этничности этого не происходит. То есть, в данном понятии задан для рассмотрения достаточно узкий и вполне определенный горизонт действительности, в том числе отсутствие социальной субъектности, что является неприемлемым, по крайней мере для этносоциологии.

Представляется, что таким образом понятая этничность не может выступать предметом этносоциологии, да и всей этнологии как комплексной науки об этническом феномене, в том числе по причине своей предельной неопределенности. Настаиваю на том, что именно этнический феномен в целом и этнос, как его носитель, являются объектом изучения этнологии, а не этничность, представляющая собой их частное проявление.

Обычно этничность не ассоциируют с предметом этносоциологии, и это происходит, видимо, потому, что коллеги не задумываются и специально не обсуждают именно такую постановку проблемы. Но существуют и исключения. Так, Б.Е. Винер принадлежит к числу немногих, кто сегодня рассуждает о ее предмете, к тому же отстаивает необходимость возрождения отечественных традиций в данной области, а также, в отличие от многих, ориентируется не на конструктивизм, а на использование реализуемого рядом исследователей на Западе критического реализма в качестве ее основного методологического ресурса³. В то же время перспективы этносоциологии он связывает с исследованием именно этничности (Винер, 2023). Важно при этом заметить, что автор еще в 1998 г. написал объемную и до сих пор востребованную статью (Винер, 1998) о неоднозначности интерпретации данного понятия в самих западных источниках, откуда оно пришло в наш научный дискурс в постсоветский период.

Не менее интересен и другой факт. В.А. Тишков в июне 2025 г. выступал на пленарном заседании II Дробижевских чтений и на мой к нему вопрос о том, насколько корректной является его настойчиво продвигаемая идея рассматривать этничность в качестве предмета этнологии, он неожиданно ответил, что этничность – просто «черная дыра». Впрочем, это не мешало ему чуть раньше вести речь о важности доработки теории этничности (Тишков, 2023). Возникает вопрос: какая теория может разрабатываться применительно к таким предельно неопределенным объектам? Видимо, только теория «черной дыры»?

³ В российской этнологической науке сторонником реалистической методологической позиции является И.Ю. Заринов (Заринов, 2023а).

Таким образом, активный сторонник распространения понятия этничности в отечественных исследованиях признал высокую степень его непроясненности, если не сказать, туманности, что не должно присутствовать в практике категоризации истинной науки, иначе речь может идти не о собственно науке, а квазинауке. Правда, В.А. Тишков сделал признание «черной дыры» этничности тогда, когда использование соответствующего понятия стало широкой повседневной практикой. Дело доходит до явных парадоксов. Сегодня даже острые критики конструктивизма, инструментализма и активные сторонники примордиализма (эссенциализма) «защитаются» на этничности, да еще с конструктивистским же оттенком. Вот что пишет тот же В.А. Тишков, критикуя и цитируя подготовленную В.М. Коровиным и С.А. Резвушкиной аналитическую справку по дисциплинам «антропология» и «этнология»⁴: «Далее «аналитики» центра им. И. Ильина делают предложения по «корректировке парадигм», по «ревизии и фундаментализации антропологического образования». По их мнению, необходимо «конструировать новую этнологическую и антропологическую парадигму, основанную на эссенциалистском прочтении феномена этничности и применении мультинатуралистского подхода» (Тишков, 2025: 42).

Примечательно также, что В.А. Тишков, инициатор антропологического переворота в России и многое сделавший для его фронтального распространения, недавно признал, выступая на общем собрании Института антропологии и этнологии РАН, что, как ему кажется, мы ушли в антропологическую крайность, и надо бы возвращаться и к этнологии⁵.

Ситуация, аналогичная той, которая существует с этничностью, имеет место также применительно к идентичности. Признавая тот факт, что российские исследователи, в том числе этносоциологи, прежде всего под руководством Л.М. Дробижевой, много важного и полезного сделали для разработки данной темы, можно констатировать чрезмерное ей увлечение, доходящее до абсолютизации. Она превратилась чуть ли не в главную проблему и этносоциологии, и всей социогуманитаристики в ущерб анализу других, не менее важных научных проблем (социальных институтов, процессов, структур, условий, состояний и проч.). По моему убеждению, идентичность не может выступать некоторым универсальным и в должной мере эвристическим понятием, хотя она в настоящее время имеет повсеместное и, я бы сказал, фронтальное применение. Подробный анализ этой проблемы был предпринят мной ранее⁶. Для краткой общей оценки

⁴ Аналитическая справка по дисциплинам: Антропология и этнология. М.: Учебно-научный центр РГГУ «Высшая политическая школа им. И. Ильина», 2023.

⁵ Видеоотчет. 13.02.2024. Общее собрание сотрудников института – ИЭА РАН. URL: <https://iea-ras.ru/?p=13440> (дата обращения: 10.11.2025).

⁶ Попков Ю.В. Идентичность в проблемном поле российской социогуманитаристики: общий контекст и этнологический ракурс // Доклад на заседании Научного совета ООИ РАН «Новые идеи в социологии и социальной практике» 10 февраля 2025 г. URL: https://www.isras.ru/files/File/Seminar/2025/Popkov_tezisy_ns_10.02.25.pdf (дата обращения: 25.11.2025).

проблемы хочу сослаться на авторитетное мнение Р. Брубейкера. Понимая в целом неоднозначность и спорность многих идей и положений этого автора⁷, я согласен с ним в диагностике рассматриваемой ситуации с идентичностью: он считает данную категорию продуктом конструктивистской методологической установки, подчеркивает ее концептуальную неопределенность и одновременно говорит о девальвации, кризисе «идентичности» в общественных науках, поскольку она утрачивает познавательную ценность и «не может полностью удовлетворять требованиям социального анализа» (Брубейкер, 2012: 64). И еще одно его жесткое выражение: «Если идентичность находится везде, то ее нет нигде» (Брубейкер, 2012: 62). Поэтому следует согласиться с его призывом о необходимости «выйти за рамки «идентичности» – не во имя воображенного универсализма, а ради концептуальной ясности, которая необходима и для социального анализа, и для понимания политического» (Брубейкер, 2012: 126).

Выход за пределы как идентичности, так и этничности предлагается осуществить за счет использования эвристического потенциала и развития отечественных традиций народоведения. Применительно к этносоциологии это важно сделать прежде всего по отношению к интерпретации ее системообразующего предмета. На мой взгляд, в качестве такового выступают не этничность и не идентичность, а этносоциальные процессы, понимаемые в их комплексности, субъектности и рефлексивности. Мне самому и моим коллегам по новосибирской научной этносоциологической школе уже приходилось неоднократно писать об этом, в том числе в недавней обобщающей статье (Попков, 2024а). Дальнейшее развитие данной темы заслуживает специального анализа и планируется осуществить в последующих публикациях.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ЛИТЕРАТУРА

Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

Винер Б.Е. Важнейшие элементы советской теории этноса: перспективы использования в современных теориях этничности // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2023. Т. 45. С. 77–92. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2023.45.77>

⁷ Критический анализ идей Р. Брубейкера дает Б.Е. Винер (Винер, 2025). Важно отметить, что этот автор квалифицирует его наследие в данном случае как когнитивистский конструктивизм.

Винер Б.Е. Критический взгляд на когнитивистский конструктивизм Роджерса Брубейкера // Социальные и гуманитарные знания. 2025. Т. 11. № 3. С. 246–257. <https://doi.org/10.18255/2412-6519-2025-3-246-257>.

Винер Б.Е. Этничность: в поисках парадигмы изучения // Этнографическое обозрение. 1998. № 4. С. 3–26.

Дробижева Л.М. Деполитизация этничности: между искушением новыми теориями и социальной практикой // Россия реформирующаяся. 2020. № 18. С. 202–224. <https://doi.org/10.19181/ezheg.2020.9>

Дробижева Л.М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М.: Новый хронограф, 2013.

Дробижева Л.М. Этносоциология сегодня. Проблемы методологии междисциплинарных исследований // Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии: сборник в честь Юрика Варгановича Арутюняна / отв. ред. *М.Н. Губогло*. М.: Наука, 2005. С. 14–25.

Заринов И.Ю. Этнос и этничность: Ретроспективный взгляд на проблему М.: ИЭА РАН, 2023а.

Заринов И.Ю. Антропологическое нашествие // *Respublica Literaria*. 2023б. Т. 4. № 4. С. 155–167. <https://doi.org/10.47850/RL.2023.4.4.155-167>

Карлов В.В. Ю.В. Бромлей и «бромлеевский период» отечественной этнологии // Вестник антропологии. 2021 № 1 (53). С. 9–23. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2021-53-1/9-23>

Попков Ю.В. Антропологический переворот и вызовы для этносоциологии (приглашение к дискуссии) // Социологические исследования. 2024а. № 9. С. 43–55. <https://doi.org/10.31857/S0132162524090047>

Попков Ю.В. Будущее не только в настоящем, но и в прошлом: еще раз о предмете этносоциологии // Социологические исследования. 2024б. № 12. С. 126–137. <https://doi.org/10.31857/S0132162524120117>

Попков Ю.В. Об актуальных проблемах этносоциологии: осмысляя идейное наследие Л.М. Дробижевой // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 3. С. 87–99. <https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.3.5>

Рыжова С.В. Этносоциологическая школа Л.М. Дробижевой: формирование подходов к изучению российской идентичности // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 1. С. 36–54. <https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.1.2>

Рыжова С.В., Арутюнова Е.М. Леокадия Михайловна Дробижева. Жизнь в Науке // Социологический журнал. 2021. Том 27. № 2. С. 173–182. <https://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.2.8093>

Сагитова Л.В. Этносоциология в России и конъюнктура политических трендов // Известия Национальной Академии наук Кыргызской Республики. 2025. Т. 2. № S1. С. 78–85.

Сагитова Л.В. Звезды, которые не гаснут. Леокадии Дробижевой посвящается // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти Л.М. Дробижевой / под ред. *Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, Л.В. Сагитовой*. Казань, 2022. С. 180–186.

Семенов Ю.И. Торопиться с зауспокойной молитвой по этносу вряд ли стоит (Об основных идеях книги В.А. Тишкова «Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии»). М., 2004) // *Философия и общество*. 2006. Вып. 2 (43). С. 94–106.

Тишков В.А. О примирении конструктивизма и примордиализма (оммаж народоведу Андрею Владимировичу Головнёву) // *Этнография*. 2023. № 1 (19). С. 6–25. [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-1\(19\)-6-25](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-1(19)-6-25)

Тишков В.А. От этноса к этничности и после // *Этнографическое обозрение*. 2016. № 5. С. 5–22.

Тишков В.А. Онтологический поворот и этнологический суверенитет // XVI Конгресс антропологов и этнологов России. Материалы пленарного заседания. Пермь, 2–6 июля 2025 г. / ред.: А.В. Черных, М.С. Каменских. Пермь: Изд-во «Маматов», 2025. С. 40–52.

REFERENCES

Brubaker R. (2012) *Ethnicity without Groups*. Transl. from English by I. Borisova. Moscow: Higher School of Economics Publ. (In Russ.)

Drobizheva L.M. (2005) Ethnology today. Problems of methodology of interdisciplinary research. In: Guboglo M.N. (ed.) *Interdisciplinary Research in the Context of Socio-Cultural Anthropology: Coll. in honor of Yurik Vartanovich Arutyunyan*. Moscow: Nauka Publ.: 14–25. (In Russ.)

Drobizheva L.M. (2020) Depoliticization of ethnicity: between the temptation of new theories and social practice. In: *Rossiia reformiruyushchayasya* [Reforming Russia]. 2020. No. 18: 202–224. (In Russ.)

Drobizheva L.M. (2013) *Ethnicity in the Socio-Political Space of the Russian Federation: 20 Years of Experience*. Moscow: Novyy Khronograf Publ. (In Russ.)

Karlov V.V. (2021) Yu.V. Bromley and the “Bromley period” of Russian ethnology. *Vestnik Anthropologii* [Herald of Anthropology]. No. 1 (53): 9–23. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2021-53-1/9-23>. (In Russ.)

Popkov Yu.V. (2024a) Anthropological revolution and challenges for ethnology (an invitation to discussion). *Sociologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 43–55. <https://doi.org/10.31857/S0132162524090047>. (In Russ.)

Popkov Yu. V. (2024b) The future not only in the present, but also in the past: Revisiting the subject of ethnology. *Sociologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 126–137. <https://doi.org/10.31857/S0132162524120117> (In Russ.)

Popkov Yu.V. (2025) On current issues of Ethnology: Understanding the Ideological Heritage of L.M. Drobizheva. *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. Vol. 31. No. 3: 87–99. (In Russ.)

Ryzhova S.V., Arutyunova E.M. (2021) Leokadia Mikhaylovna Drobizheva. Life in science. *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. Vol. 27. No. 2: 173–182. (In Russ.)

Ryzhova S.V. (2023) Ethnological school of L.M. Drobizheva: formation of approaches to the study of Russian identity. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. Vol. 29. No. 1: 36–54. <https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.1.2> (In Russ.)

Sagitova L.V. (2022) Stars that never go out. Dedicated to Leokadia Drobizheva. In: Gabdrakhmanova G.F., Makarova G.I., Sagitova L.V. (eds.) *Positive Experience of Regulating Ethnosocial and Ethnocultural Processes in the Regions of the Russian Federation*. Proceedings of the 5th All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the Memory of L.M. Drobizheva. Kazan: Marjani Institute of History of RT Academy of Sciences Publ.: 180–186. (In Russ.)

Sagitova L.V. (2025) Ethnology in Russia and the conjuncture of political trends. *Izvestiya Natsional'noy Akademii nauk Kyrgyzskoy Respubliki* [Bulletin of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic]. Vol. 2. No. S1: 78–85. (In Russ.)

Semenov Yu. I. (2006) There's hardly any point in rushing with a funeral prayer for an ethnic group (On the main ideas of V.A. Tishkov's book “Requiem for an Ethnos. Studies in Socio-Cultural Anthropology”. Moscow, 2004). *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society]. Issue 2 (43): 94–106. (In Russ.)

Tishkov V.A. (2016) From ethnos to ethnicity and after. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 5: 5–22. (In Russ.)

Tishkov V.A. (2023) On the reconciliation of constructivism and primordialism (Tribute to ethnologist Andrey Vladimirovich Golovnev). *Etnografiya* [Ethnography]. No.1 (19): 6–25. (In Russ.)

Tishkov V.A. (2025) Ontological turn and ethnological sovereignty. In: Chernykh A.V., Kamenskikh M.S. (eds.) *16th Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia. Proceedings of the Plenary Session*. Perm, July 2–6, 2025. Perm: Mamatov Publishing House: 40–52. (In Russ.)

Viner B.E. (2023) The most important elements of the Soviet theory of ethnicity: prospects for use in modern theories of ethnicity. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [Bulletin of Irkutsk State University. Series: Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology]. Vol. 45: 77–92. (In Russ.)

Viner B.E. (2025) A critical look at Rogers Brubaker's cognitive constructivism. *Sotsial'nyye i gumanitarnyye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge]. Vol. 11. No. 3: 246–257. (In Russ.)

Viner B.E. (1998) Ethnicity: in search for a paradigm of studying. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 4: 3–26. (In Russ.)

Zarinov I.Yu. (2023a) *Ethnos and ethnicity: A retrospective look at the issue*. Moscow: IEA RAS Publ. (In Russ.)

Zarinov I.Yu. (2023b) Anthropological invasion. *Respublica Literaria*. Vol. 4. No. 4: 155–167. (In Russ.)

Сведения об авторе: Попков Юрий Владимирович, доктор философских наук, главный научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (630090, ул. Николаева, 8, Новосибирск, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-1036-9253>; e-mail: yuripopkov54@mail.ru

About the author: Yuri V. Popkov, Doctor Sc. (Philosophy), Chief Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8 Nikolaev St., Novosibirsk 630090, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-1036-9253>; e-mail: yuripopkov54@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 14.11.2025

Доработана после рецензирования / Revised 29.12.2025

Принята к публикации / Accepted 12.01.2026

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2026-11-1.69-82>

EDN: QYMVBM

Наследие Леокадии Михайловны Дробижевой в контексте дискуссии о природе этничности

Е.А. Ерохина

*Новосибирский государственный
университет экономики и управления
Новосибирск, Российская Федерация
leroh@mail.ru*

Резюме. В статье рассматривается влияние наследия Л.М. Дробижевой на современные дискуссии о сущности этничности. Сложная природа этого феномена, его вариативность и динамический характер, а также имманентная связь с социальным контекстом обуславливают эпистемологические трудности его концептуализации. С одной стороны, наиболее авторитетная, классическая рациональность придерживается субстанциональной оптики. С другой стороны, все более актуальными оказываются междисциплинарные практики, претендующие на снятие дисциплинарных границ. Это создает серьезные вызовы в понимании объектов сложной синтетической природы, в особенности процессуальных, что влечет за собой соблазн редукционизма.

Очерчен дисциплинарный ландшафт этносоциологии как пространства конкуренции сторонников и противников «антропологического поворота». Если первые нацелены на редукцию этничности к идентичности, то вторые ищут основания, синтезирующие наиболее эффективные для исследования этнического феномена научные подходы.

Раскрыто значение идей Л.М. Дробижевой, вклад ее наставников и последователей, в поиск таких оснований. В сотрудничестве с Ю.В. Арутюняном ею была предложена полипарадигмальная методология системного исследования этничности в единстве структурной и феноменологической перспектив. Данная методология легла в основу изучения этносоциальной ситуации в постсоветской России. Подчеркивается приверженность Леокадии Михайловны образцам классической научной рациональности в обосновании комплиментарности этнической и гражданской идентичности.

Исследование социального интерьера, в контексте которого воспроизводится этничность, остается насущной задачей, нерешаемой без анализа объективных, сетевых и институциональных, факторов ее воспроизводства. Развивая идеи Новосибирской научной этносоциологической школы об этносоциальных процессах как предмете этносоциологии, предлагаем рассматривать этносоциальную динамику в единстве двух оснований социальной структуризации: как основанную на сетевой самоорганизации общества форму культурного различия и как включенную в пространство социальной стратификации статусную позицию. В такой перспективе этничность оказывается результирующей социальных сил, влияющих на деятельность и поведение человека через осуществляемый им выбор.

Ключевые слова: этносоциология; этническое многообразие; этничность; Л.М. Дробижева; «антропологический поворот»; эпистемология социогуманитарного знания

Для цитирования: Ерохина Е.А. Наследие Леокადии Михайловны Дробизжевой в контексте дискуссии о природе этничности. *Историческая этнология*. 2026. Т. 11. № 1. С. 69–82. <https://doi.org/10.22378/he.2026-11-1.69-82> EDN: QYMVBM

Leokadia Mikhailovna Drobizheva’s legacy in the context of the discussion about the nature of ethnicity

E.A. Erokhina

Novosibirsk State University of Economics and Management

Novosibirsk, Russian Federation

leroh@mail.ru

Abstract. This article examines the influence of L.M. Drobizheva’s legacy on the modern discussions about the essence of ethnicity. The complex nature of this phenomenon, its variability and dynamic nature, as well as its inherent connection to social context determine the epistemological difficulties of conceptualizing ethnicity. On the one hand, the most authoritative, classical rationality adheres to substantial optics. On the other hand, interdisciplinary practices that claim to transcend disciplinary boundaries are becoming increasingly relevant. This gives rise to serious problems in the consideration of objects of complex synthetic nature, in the particularities of procedural processes, which entail the temptation of reductionism.

The disciplinary landscape of ethnosociology is outlined as a space of competition between proponents and opponents of the “anthropological turn.” While the former aim to reduce ethnicity to identity, the latter seek foundations that synthesize the most effective scientific approaches for studying ethnic phenomena.

The significance of L.M. Drobizheva’s ideas and the contributions of her mentors and followers to the search for such foundations have been revealed. In collaboration with Yuri Arutyunyan, she proposed a multi-paradigmatic methodology for the systemic study of ethnicity, which integrates structural and phenomenological perspectives. This methodology formed the basis for studying the ethnosocial situation in post-Soviet Russia. Leokadia M. Drobizheva’s commitment to classical scientific rationality in substantiating the complementarity of ethnic and civic identities is emphasized. The study of the social interior in the context of which ethnicity is reproduced remains an urgent task that cannot be solved without an analysis of the objective, network and institutional factors of its reproduction. Developing the ideas of the Novosibirsk academic ethnosociological school on ethnosocial processes as a subject of ethnosociology, we propose to consider ethnosocial dynamics in the unity of two foundations of social structuring: first, as a form of cultural distinction based on the network self-organization of society and secondly, as a status position included in the space of social stratification. From this perspective, ethnicity appears to be the result of social forces that influence human activity and behavior through the choices they make.

Keywords: ethnosociology; ethnic diversity; ethnicity; L.M. Drobizheva; “anthropological turn”; epistemology of socio-humanistic studies

For citation: Erokhina E.A. (2026). Leokadia Mikhailovna Drobizheva’s legacy in the context of the discussion about the nature of ethnicity. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 11. No. 1: 69–82. <https://doi.org/10.22378/he.2026-11-1.69-82> (In Russ.)

Этническое многообразие остается предметом междисциплинарного исследования на стыке разных наук, таких, например, как этнология, социология, политология, история, демография. Однако по своему характеру данная проблема наиболее близка предметному полю этносоциологии. Этническое многообразие служит основанием горизонтальной дифференциации общества на основе культурных различий, в то же время выступая критерием социальной стратификации, а, следовательно, и разнообразных форм неравенства.

В пространстве этнических концепций принято выделять три позиции по поводу природы этнических связей: первая объединяет исследователей, которые полагают их априорными (примордиализм); вторая позиция является консенсусной для тех, кто считает этнические связи результатом социального взаимодействия (конструктивизм); в основании третьей позиции лежит отказ от сущностного рассмотрения их генезиса и признание результатом социализации в качестве избранной идентичности (инструментализм). Терминами, обозначающими этнокультурную общность, являются понятия этнос и этническая группа, тогда как этничность, в соответствии с предложенным в 1960-х годах определением Ф. Барта, есть форма социальной организации культурных различий (Барт, 2006: 18–19). Этнические границы, равно как и правила включения и исключения из группы, являются основаниями для социальной дифференциации, как горизонтальной, так и вертикальной.

Будучи погруженной в том числе в пространство этнолого-антропологического знания, этносоциология испытывает на себе разнообразные влияния, в частности, фактора переформатирования исследовательского поля под влиянием этнологического, наиболее радикального, конструктивизма, выступающего с инструменталистских позиций. Идентифицируя себя в теоретическом поле как релятивисты, представители этнологического конструктивизма заявили о своих претензиях на гегемонию в противостоянии «объективно-универсалистской» парадигме (Соколовский, 1993: 5).

Говоря о причинах популяризации конструктивизма в нашей стране после распада СССР, Л.М. Дробижева, одна из основателей отечественной этносоциологии, обращала внимание на распространение среди этнологов его упрощенного понимания. Сама концепция социального конструктивизма, по ее мнению, намного сложнее и более открыта, нежели ее этнологическая версия (Дробижева, 2005: 17).

В настоящее время междисциплинарный ландшафт этнолого-антропологического знания представляет собой поле противостояния сторонников и противников «антропологического поворота», соперничающих за обладание истиной, ресурсом и статусом. Позиция его сторонников отражена, например, в статье Д.В. Верховцева, опубликованной в журнале «Этнографическое обозрение» за 2022 г. (№ 6), с говорящим названием «Этнос post-mortem: советские теории этноса в современном русскоязычном дискурсе». Статья сопровождается убедительным статистическим анализом, подтверждающим высокий интерес профессионалов и обывателей к советским «этнос-теориям» (Верховцев, 2022:

83–87). Однако самому Верховцеву этот факт кажется достойным удивления в контексте критики «этнос-мышления» ведущими этнологами как связанного с «устаревшей идеологией, советской эпохой» и представляющего «маргинальный для мировой науки примордиализм» (Верховцев, 2022: 83).

Противники «антропологического поворота» среди этнологов настаивают на необходимости синтеза эссенциализма, инструментализма и конструктивизма. На это, в частности, указывает Л.С. Перепелкин в дискуссии о статье Д.В. Верховцева: «Все три концепции являются не противоречащими, а дополнительными по отношению друг к другу» (Алымов и др., 2022: 109). На наш взгляд, эпистемологическая сложность этнического феномена может быть решена посредством его распаковки в трех онтологиях: онтологии сущности (эссенциализм), онтологии свойств (инструментализм), онтологии отношений (конструктивизм). Это невозможно без «онтологического поворота» применительно к этничности.

Задача данной статьи заключается в оценке наследия Леокадии Михайловны Дробижевой и ученых ее круга (в числе которых ее учителя, например, Ю.В. Арутюнян, и ученики) в контексте дискуссии между сторонниками и противниками деонтологизации этничности. Под деонтологизацией мы будем понимать методологический прием, который предполагает отказ от выявления причинных оснований генезиса некоего феномена и его последующего развития в единстве трансформации собственных свойств и изменения отношений со средой и другими феноменами. Деонтологизация имеет своим результатом сведение этничности к идентичности, оставляя вне поля внимания исследователей ее институциональные и сетевые детерминанты. Таким образом, следствием деонтологизации этничности оказывается редукционизм.

В настоящее время можно констатировать определившийся в этнологии разрыв между поколением ученых-антропологов, вступивших на поприще научной карьеры в постсоветское тридцатилетие и усвоивших редукционистские установки («этничность без групп», «этничность как когнитивная конструкция» и др.), и представителями старшего поколения, отстаивающими идею преемственности в развитии отечественного этнолого-антропологического знания. Для этого уже немногочисленного поколения авторитет наследия советской науки остается не только частью автобиографического дискурса, но и чем-то бóльшим (Карлов, 2021; Фаис-Леутская, 2021; Крюков, 2023). Иное, более позитивное отношение к советскому наследию сложилось в этносоциологии. Значительную роль в обеспечении научной преемственности сыграли московские этносоциологи, ключевыми фигурами которого долгое время оставались Ю.В. Арутюнян и Л.М. Дробижева.

Деонтологизация этничности рассматривается нами как часть стратегии деструктивной, не предполагающей творческого переосмысления, критики отечественной науки в духе постмодернистской деконструкции. Таковая, без сомнения, служила позитивным инструментом на кратком первоначальном этапе переоценки устаревших методологических приемов. Однако следующим шагом

должно было бы стать конструирование новой научной парадигмы, новой методологии, принятие новой аксиоматики, успешно объясняющей суть современных реалий. В такой ситуации, как показала история отечественной науки, академическое сообщество разделилось. Одна его часть искала основания для создания успешных моделей. Именно к ней принадлежала Л.М. Дробижева и ее учитель Ю.В. Арутюнян. Другая же часть сообщества занялась имплементацией заимствованных теорий, иногда без их критического осмысления.

В статье Ю.В. Попкова «Антропологический переворот и вызовы для этносоциологии» (Попков, 2024), открывающей в журнале «Социологические исследования» полемику о статусе дисциплины, диагностируется кризисное положение дел в российской науке. Автор аргументирует свою оценку экспертными высказываниями специалистов. В частности, А.В. Головнев констатирует, что «в постсоветское время пристрастие отечественных этнографов к этносу, этногенезу, этноистории и этническим процессам представлялось следствием пресловутого отставания от западной антропологии» (Головнев, 2016: 62). Л.С. Перепелкин в развернутой критике статьи Д.В. Верховцева отмечает: «Вот как звучит ее пафосный лейтмотив: “...этнос оказался маргинальным явлением на фоне англоязычной мировой науки...”. Полагаю, что автор считает “англоязычную науку (?)” “мировой”, а “иноязычную науку” маргинальной. Но наука определяется в первую очередь не тем, на каком языке она “производится” ... Почему мне не нравится идея доминирования теории конструктивизма в ее русском изводе? В первую очередь потому, что она стремится вытеснить все другие подходы, т.е. стремится прекратить конкуренцию идей» (Алымов и др., 2022: 106).

Разрушение академической монополии советского марксизма, колебания системы управления национальной политикой между либерализмом и почвенничеством различного извода, реформа научных институций стали причинами парадоксальной ситуации, при которой наряду с появлением безусловно положительных инноваций (увеличением количества исследований, расширением методологического инструментария, активизацией диалога между экспертами, гражданским обществом и властью), на наш взгляд, обнаружились черты кризиса. Ю.В. Попков дал критическую оценку последствий таких трансформаций для этносоциологии, в числе которых – отказ от обсуждения ключевых методологических проблем: в чем заключается предмет этносоциологии? каков статус этнических концептов в системе современного знания? в чем этносоциологи видят свой долг перед обществом?

Эти вопросы, важнейшие для основателей этносоциологии, ученых-шестидесятников – Ю.В. Арутюняна, Л.М. Дробижевой, М.Н. Губогло, ушедших от нас в течение последнего десятилетия, рассматривались ими как мотивирующие к познанию истины и служению обществу. Деконструкция метанарративов и скепсис в отношении достижения научной истины сыграли определенную роль в утрате традиционных ориентиров вовлечения в академическую деятельность. Мотивами, определяющими рекрутинг в науку, стали материальный достаток и престиж, который распределен неравномерно между институциями в

условиях дефицита ресурсов на научные разработки. Тем не менее, сфера национальной политики и связанной с ней области этнолого-антропологического знания остается весьма значимой для государства и общества. Следовательно, возвращение аксиологических ориентиров в статусе «традиционных» для отечественной академической науки ценностей представляется неизбежным в практическом отношении.

В методологическом же плане критическая переоценка традиций отечественной науки, необходимая по мере трансформации социального контекста, должна осуществляться с уважением. Его недостаток мешает оценить по достоинству работающий инструментарий. Та часть наследия, что утратила свою эвристичность, требует осмысления как феномен, детерминированный конкретной исторической эпохой. Никому не приходит в голову, критикуя не прошедшие проверку временем методологические аргументы Ф. Боаса или М. Мид, утверждать несостоятельность их теоретического вклада. Тем не менее, в отечественной академической полемике нередко можно встретить неуважительную критику наследия С.М. Широкогорова, Л.Н. Гумилева, Ю.В. Бромлея.

Обращение к истории этносоциологии с позиций социальной эпистемологии, или, иными словами, эволюции познавательных программ в науке, не оставляет сомнений в том, что первой глубоко фундированной моделью, описывающей ее предмет, была именно теория этноса Ю.В. Бромлея. Она включала в свое содержание инструменты (например, понятия этносоциального организма и этносоциальных процессов), позволяющие выстраивать как комплементарные, так и альтернативные социологические теории. Как продукт своего времени, она не могла иметь никакого иного фундамента, кроме исторического материализма. То обстоятельство, что она продолжает оставаться предметом критики, выступает свидетельством ее эвристичности, несмотря на то, что многие положения утратили актуальность.

Интерес к фундированным концепциям остается основанием того парадигмального острова, на котором сегодня размещаются отечественные социологические школы. При этом ключевой проблемой преемственности традиций является вовсе не страна происхождения научной теории. Многие западные концепции оказались настолько органично включены в отечественную науку, получив в России оригинальное толкование и эмпирическую проверку, что сегодня вряд ли кто-то озаботится проблемой их заимствования. В качестве примера можно привести концепцию эксполярности британского исследователя Т. Шанина.

Представляется, что настоящей дилеммой современного этнолого-антропологического знания является водораздел между признанием необходимости фундаментальной научной теории либо отказом от ее поиска. В последнем случае выбор в пользу агностицизма и деонтологизации этнических феноменов приводит к агональной состязательности. В ней аргументация основных положений радикального конструктивизма строится исключительно доводами «от противного», позволяющими осуществить деконструкцию, но неспособными к

следующему шагу в направлении позитивной теории. Такой редукционизм оставляет мало места для творческого поиска оригинальных концепций.

Краткий анализ парадигмальных оснований ведущих отечественных этносоциологических школ свидетельствует о выборе в пользу дискуссии на диалектических основаниях. Он реализован в исследованиях татарстанской, новосибирской, якутской этносоциологических школ. Сама Л.М. Дробижева, ратуя за полипарадигмальную концепцию этничности, обосновывала ее платформу фундаментальными работами П. Бурдые (Бурдые, 1994). Выдвинутый В.И. Ильиным концепт этнополя позволил ей рассматривать этничность не только как идентичность человека, то есть в редуцированной перспективе, но и как результат реализации выбора в пространстве социальных отношений (Ильин, 2000: 26). Развивая данную логику, они вместе с Ю.В. Арутюняном предложили концепт этнического пространства, с одной стороны, как относительно устойчивой части социального пространства, а с другой – как результата социального конструирования этнического самими людьми (Арутюнян и др. 1998; Дробижева, 2006).

Как отмечала Леокадия Михайловна, непоследовательность радикальных конструктивистов в процессе критики этносоциологии и практика «приписывания» исследователей тем или иным направлениям вызвана собственной политической диспозицией авторов. «Для этого достаточно посмотреть, как распределились ученые в своем выборе, заключающемся в признании или отрицании коллективного права культурных групп участвовать в принятии решений. Политика поощрения этнокультурного плюрализма чревата самыми тяжелыми результатами как для общества, так и для государства в случае России – считает последовательный конструктивист В. Воронков; В. Малахов признает эту точку зрения справедливой... В то же время в иных условиях модели «сообщественной демократии, построенной на распределении власти между этнолингвистическими группами», эффективны – делает вывод В.С. Малахов в работе «Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ» (цит. по: Дробижева, 2006: 98–99).

Л.М. Дробижева до конца отстаивала свое представление о предмете этносоциологии, под которым она понимала социальные процессы, происходящие в этнически маркированном пространстве. Ее методология оказала влияние на ряд региональных этносоциологических школ. Это влияние признают, в частности, татарстанские исследователи, внесшие значительный вклад в теоретическую дискуссию об оппозиции примордиализма и конструктивизма. Так, например, в работе Л.Р. Низамовой поставлен вопрос об истинных и ложных оппозициях этой дилеммы. Выступая с критикой утвердившегося представления о «непримиримом» антагонизме примордиализма и конструктивизма, Лилия Равильевна убедительно показывает несогласованность положений, царящих в каждом из теоретических полюсов. Если понимать под «естественными» связями биологический субстрат, то он оказывается минимально представленным или даже совсем отрицается в исследованиях тех ученых, кого маркируют как

«культурных примордиалистов»: социопсихологов (Э. Ренана, О. Бауэра), сторонников историко-экономического подхода (К. Каутского, В. Ленина, Ю. Бромлея), культурных антропологов и «символистов» (К. Гирца, Э. Шилза, Э. Смита). Позиция Ф. Барта представляется ей более взвешенной с точки зрения соотношения устойчивости и изменчивости в процессе воспроизводства этнических групп (Низамова, 2009: 143, 145). Умеренный конструктивистско-структуралистский взгляд на этнический феномен, по ее мнению, представлен в исследовании П. Бурдьё, В.И. Ильина, Л.М. Дробижевой. В контексте данной статьи видится уместным воспроизвести некоторые из ее аргументов в виде прямой цитаты.

«Нельзя также не отметить, что, с точки зрения Т. Эриксона, работы Ю.В. Бромлея были наряду с исследованиями Чикагской школы и Э. Лича предтечей теории этнических границ Ф. Барта, заложившей основы конструктивистского видения этнического. Действительно, «примордиалист» Ю.В. Бромлей среди признаков этноса в первую очередь называл этноним и самосознание (признавая одновременно первичность объективных факторов этнической дифференциации) и утверждал: "...представители каждой из таких одноименных совокупностей людей обычно отличают себя от членов всех иных подобных общностей. При этом особую роль играет антитеза "мы – они"; "непременным свойством этносов является взаимное различие. Этноссы – категория сопоставительная"» (Низамова, 2009: 147).

Анализируя интерпретацию текстов Ф. Барта В.А. Тишковым (Тишков, 2003: 121), Низамова приходит к выводу, что «более внимательное прочтение положений теории этнических границ Ф. Барта, усиленное результатами эмпирических исследований, не позволяет разделить веру в то, что «этническая идентичность или принадлежность к этносу есть произвольно (но не обязательно свободно!) выбранная или предписанная извне одна из иерархических субстанций, зависящая от того, что в данный момент считается этносом / народом/национальностью/нацией (в этническом смысле)» (Низамова, 2009: 150). Свое возражение против положения о «произвольной» идентичности она аргументирует обращением к тезису П. Бурдьё о том, что конструирование подвержено структурному давлению, и невозможно ни в теории, ни на практике сконструировать что угодно, неважно, каким способом (Бурдьё, 1994: 191, 193; Низамова, 2009: 150). Отмечая другие погрешности в прочтении Ф. Барта, Лилия Равильевна замечает, что не этническая идентичность является формой организации культурных различий, а этническая группа, не этническая «граница формирует идентичность», а, наоборот, приписывание идентичности себе и другим создает этническую границу» (Тишков, 2003: 105, 117; Низамова, 2009: 150).

Таким образом, можно констатировать определенную предвзятость со стороны этнологического истеблишмента в отношении этносоциологии, которая проявляется в приписывании ей несвойственных теоретических представлений. Дискуссия вокруг них возникает всякий раз при обсуждении «Стратегии государственной национальной политики РФ», в тексте которой согражданство рос-

сиян номинируется и как многонациональный народ Российской Федерации (в соответствии с Конституцией РФ), и как российская нация. В последнем случае народ России отождествлен с нацией в ее западном понимании. Насколько такая двойственность содействует укреплению гражданского единства россиян, исторически связывающих свою этническую принадлежность с национальным самоопределением?

Российская власть имеет традицию опоры на западные образцы государственного управления еще со времен Петра I. Не всегда они успешно прививались на российской почве, имеющей определенные цивилизационные особенности. Однако всякий раз на новом витке трансформаций, которые проходили в форме как реформ, так и революций, ориентация на опыт Европы оставалась доминирующей.

С распадом СССР нарастание индивидуализма и отчуждения в обществе побудило российскую власть обратиться к концептам нации и национализма, которые в европейской культуре сыграли роль «социального клея», собирающего в единое общество атомизированных индивидов индустриальной и постиндустриальной эпох. Национализм сделал социальную дистанцию между олигархами и неимущими иллюзорной. Он подарил государству в эпоху «восстания масс» идеал, возвышающий общество потребления до экзистенциального горизонта, соотносимого по силе с тем, что давали религии средневековому социуму.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что идея гражданского национализма в 1990–2000 годы казалась привлекательной и властям РФ, и многим представителям академического сообщества. С 2000-х годов она стала активно внедряться в российские СМИ и школьное образование с опорой на критику субстанциализма. С точки зрения этнологического конструктивизма именно онтологизация этничности стала причиной ее искусственной политизации и распада СССР. Выдвигая тезис, в соответствии с которым так называемое «этнос-мышление» служит теоретическим оправданием существования в России модели федерализма, при которой часть субъектов конструируется по этническому типу и фактически выступает институциональной формой дискриминации «нетитульных» этнических сообществ, его сторонники возлагали ответственность за это на «примордиалистов».

Однако в России, в отличие от большинства других постсоциалистических стран, гражданское сообщество сформировалось вне идеологии национализма. Понимание согражданства у ее народов появилось вне связи с концептом нации. Представляется, что методологическая дискуссия о природе гражданского единства россиян может быть адекватно решена в опоре на цивилизационный подход.

«Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», как и две предшествующие, использует для обозначения согражданства россиян оба понятия: и российская нация, и многонациональный народ России. Однако «Стратегия до 2025 года» делает важный

шаг, заявляя в ст. 6 об историческом опыте становления и развития самобытного российского государства-цивилизации как собственном основании¹. Новым здесь является концепт государства-цивилизации, который возвращает к значимым социокультурным основаниям как условию солидарных связей, конституирующих согражданство.

Сложная природа этнического феномена, его вариативность и динамический характер, а также имманентная связь с социальным контекстом обуславливает эпистемологические трудности концептуализации этничности. В какой онтологии концепт этничности оказывается точкой сборки смыслов, а не просто очередным дискурсивным звеном в борьбе за академический авторитет? С одной стороны, наиболее авторитетная, классическая рациональность придерживается субстанциональной оптики. С другой – все более актуальными оказываются междисциплинарные и даже трансдисциплинарные практики, претендующие на снятие дисциплинарных демаркаций. Это создает серьезные эпистемологические трудности в понимании объектов сложной синтетической природы, в особенности процессуальных, что влечет за собой соблазн редукционизма.

На наш взгляд, необходимым условием преодоления указанных эпистемологических трудностей может стать философский анализ. Соединение науки и философии также является одной из отечественных академических традиций. В этносоциологии она, по нашему мнению, наиболее последовательно представлена Новосибирской научной этносоциологической школой. Ее парадигма опирается на работы выдающегося марксистского теоретика Юрия Ивановича Семенова, автора глобально-стадиальной концепции мировой истории (Семенов, 2006). В 1990-е годы марксизм в его историко-материалистическом изводе был подвергнут критике, во многом необоснованной. Довольно быстро выяснилось, что самые влиятельные в западной этнологии и социальных науках направления связаны своим генезисом именно с развитием марксистской мысли: постколониальные исследования – с наследием А. Грамши, постструктурализм – с работами Л. Альтюссера, миросистемный анализ – с исследованиями А.Г. Франка, Ф. Броделя, И. Валлерстайна.

Оценивая статус социологии в российском обществе, глава современной Новосибирской научной этносоциологической школы Ю.В. Попков характеризует текущее положение дел следующим образом: «В последние годы можно наблюдать навязывание научному и политическому сообществу, а также общественному мнению представления, суть которого состоит в отождествлении этносоциологии с массовыми социологическими опросами, как правило, по узкой тематике (общероссийская идентичность, оценка межэтнических отношений и т.п.). На самом деле реальный статус, проблемное поле, задачи, возможности, теоретико-методологический и методический арсенал этносоциологии выходят далеко за рамки столь ограниченного представления» (Попков, 2024: 51). Ключо-

¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902387360?ysclid=mlotonfm19783232451> (дата обращения: 14.10.2025).

чевая для социологии проблема, проблема неравенства, в одинаковой степени значима в отечественной и западной традиции. Будучи тесно увязанной с исследованием динамики социальной структуры и работой механизмов социальной мобильности, ее постановка теряет остроту в море дискуссий, посвященных идентичности. В этой перспективе значимость «советского» инструментария, а именно исследования социально-структурных параметров этнических групп в сравнительном контексте (Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, И.В. Удалова), вряд ли могут быть заменены исследованием идентичности. Ее многосоставность и процессуальность для этносоциологии является аксиомой, а не выводом, вытекающими из доказанной теоремы.

Факторы, влияющие на этническую идентичность, имеют структурную природу, укорененную в цивилизационных, культурно-хозяйственных, историко-типологических, социально-профессиональных, конфессиональных, лингвистических, локальных, социально-психологических и иных обстоятельствах. Даже если постнеклассическая эпистемология отказывает ей в субстанциональности, из этого вовсе не следует нейтральный по отношению к субъекту характер социального пространства в ситуации выбора им своей лояльности тем или иным группам, институтам, ценностям.

В контексте продуктивной дискуссии о предмете этносоциологии Ю.В. Попков (в соавторстве с Е.А. Тюгашевым) предложил выделить в качестве предмета этносоциологии этносоциальные процессы (Попков, Тюгашев, 2009: 100). Представляется, что этносоциальная динамика в единстве оснований социальной структуризации может выступать содержанием предмета этносоциологии. На наш взгляд, этносоциальная динамика двояко обусловлена сетевой самоорганизацией групп, сохраняющейся благодаря устойчивым формам культурного различия, и их включенностью в пространство социальной стратификации общества через систему статусных диспозиций. На уровне наличного бытия конкретного общества этносоциальная динамика оказывается самым эффективным проявлением этнического многообразия. В отношении же межэтнических сообществ, в том числе цивилизационных, результирующим вектором социальных сил, влияющим на деятельность и поведение людей через осуществляемый ими выбор, выступает этничность как принадлежность к группе. Исследование социального интерьера, в контексте которого воспроизводится групповая лояльность и правила членства, маркирование границ, включение в группу и исключение из нее, остаются насущными задачами, нерешаемыми без анализа объективных, структурных и институциональных факторов ее воспроизводства.

Парадоксально, что социоцентричная акцентуация на значимости социального порядка, культурного контекста, предложенных институциональных обстоятельств не ослабляет, но, напротив, по принципу контрастности усиливает персоноцентричную оптику отечественной социогуманитарной традиции. Фокус на выборе и «самостоянии» человека, гуманизм, глубокий интерес к человеческой личности в разнообразии индивидуальных и социальных проявлений составляют ее значимые черты от Просвещения к М.М. Бахтину и А.Ф. Лосеву,

С.С. Аверинцеву и Ю.М. Лотману, В.А. Ядову и Т.И. Заславской. Леокадия Михайловна своей памятью оставила нам пример ученого, глубоко преданного идее служения человеку, общественной миссии науки, идеалам классической научной рациональности. Именно ей и ее учителю, Ю.В. Арутюняну, принадлежит ценное достижение, «установление того факта, что даже высокий уровень этнической идентичности, если она нормальная (не гипертрофированная – прим. автора), не ведет к негативным, враждебным межэтническим установкам» (Дробижева, 2013: 139). Из этого следует важный вывод, эмпирически подтвержденный ими в многочисленных конкретно-социологических исследованиях, о том, что этническая идентичность не является прямой альтернативой гражданскому самосознанию, но, напротив, полагает его устойчивость и определенность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ЛИТЕРАТУРА

Альмов С.С., Перепелкин Л.С., Соколовский С.В., Тишков В.А., Шнирельман В.А., Верховцев Д.В. Этнос post-mortem: размышления и комментарии // Этнографическое обозрение. 2022. № 6. С. 102–131. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060070>

Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология: уч. пос. для вузов. М.: Аспект Пресс, 1998.

Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Сб. ст. М.: Новое издательство, 2006. С. 9–48.

Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М.: Наука, 1981.

Бурдые П. Начала. Choses Dites / пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: SocioLogos, 1994.

Верховцев Д.В. Этнос post-mortem: советские теории этноса в современном русскоязычном дискурсе // Этнографическое обозрение. 2022. № 6. С. 79–101. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060069>

Головнев А.В. Этнокультурный потенциал и полиэтничность (российский ракурс) // Вестник Томского госуниверситета. История. 2016. № 4 (42). С. 61–67. <https://doi.org/10.17223/19988613/42/11>

Дробижева Л.М. Методологические проблемы этносоциальных исследований // Социологический журнал. 2006. № 3/4. С. 90–101.

Дробижева Л.М. «Наука – это жизнь и призвание» // Социологический журнал. 2013. № 1. С. 135–143.

Дробижева Л.М. Этносоциология сегодня. Проблемы методологии междисциплинарных исследований // Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии: сборник в честь Юрика Вартановича Арутюняна / отв. ред. М.Н. Губогло. М.: Наука, 2005. С. 14–25.

Ильин В.И. Социальное неравенство. М.: Институт социологии РАН, 2000.

- Карлов В.В. Ю.В. Бромлей и «бромлеевский период» отечественной этнологии // Вестник антропологии. 2021. № 1 (53). С. 9–23. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2021-53-1/9-23>
- Крюков М.В. Как хороши, как свежи были розы... // Этнографическое обозрение. 2023. № 5. С. 63–95. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050056>
- Низамова Л.Р. Сложносоставная концепция современной этничности: пределы и возможности теоретического синтеза // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. XII. № 1. С. 141–159.
- Попков Ю.В. Антропологический переворот и вызовы для этносоциологии (приглашение к дискуссии) // Социологические исследования. 2024. № 9. С. 43–55. <https://doi.org/10.31857/S0132162524090047>
- Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Предмет этносоциологии: опыт концептуализации // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 93–101.
- Семенов Ю.И. Торопиться с зауспокойной молитвой по этносу вряд ли стоит (Об основных идеях книги В. А. Тишкова «Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии». М., 2004) // Философия и общество. 2006. Вып. 2 (43). С. 94–106.
- Соколовский С.В. Этнографические исследования: идеал и действительность // Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С. 3–13.
- Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.
- Фаис-Леутская О.Д. Ю.В. Бромлей: новое слово в науке, услышанное в Европе // Вестник антропологии. 2021. № 1 (53). С. 24–32. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2021-53-1/24-32>

REFERENCES

- Alymov S.S., Perepelkin L.S. et al. (2022) Post-mortem ethnos: reflections and comments. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 6: 102–131. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060070> (In Russ.)
- Arutunyan Yu.V., Drobizheva L.M., Susokolov A. A. (1998) *Ethnosociology: a textbook for universities*. Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russ.)
- Barth F. (2006) Introduction. In: *Ethnic Groups and Boundaries: Social Organization of Culture Difference*. Moscow: Novoye Izdatel'stvo Publ.: 9–48. (In Russ.)
- Bromley Yu.V. (1981) *Modern Problems of Ethnography (essays on theory and history)*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Bourdieu P. (1994) *Things say*. Moscow: SocioLogos Publ. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (2006) Methodological problems of ethnosocial research. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. No. 3/4: 90–101. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (2013). “Science is life and calling”. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. No. 1: 135–143. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (2005) Ethnosociology today. Problems of methodology of interdisciplinary research. In: *Interdisciplinary Research in the Context of Socio-Cultural Anthropology*. Moscow: Nauka Publ.: 14–25. (In Russ.)
- Fais-Leutskaya O.D. (2021) Yu. V. Bromley: a new word in science heard in Europe. *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology]. No. 1 (53): 24–32. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2021-53-1/24-32> (In Russ.)
- Golovnev A.V. (2016) Ethnocultural potential and polyethnicity (Russian perspective). *Vestnik Tomskogo gosuniversiteta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University. History]. No. 4 (42): 61–67. <https://doi.org/10.17223/19988613/42/11>. (In Russ.)
- Ilyin V.I. (2000) *Social Inequality*. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russ.)

Karlov V.V. (2021) Yu.V. Bromley and the “Bromley period” of Russian ethnology. *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology]. No. 1(53): 9–23. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2021-53-1/9-23>. (In Russ.)

Kryukov M.V. (2023) How beautiful, how fresh the roses were then... *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 5: 63–95. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050056>. (In Russ.)

Nizamova L.R. (2009) Complex concept of modern ethnicity: limits and possibilities of theoretical synthesis. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 12. No. 1: 141–159. (In Russ.)

Popkov Yu.V. (2024) Anthropological revolution and challenges for ethnosociology (an invitation to discussion). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 43–55. <https://doi.org/10.31857/S0132162524090047>. (In Russ.)

Popkov Yu.V., Tugashev E.A. (2009) The subject of ethnosociology: an experience of conceptualization. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 93–101. (In Russ.)

Semenov Yu. I. (2006) There is hardly any point in rushing with a funeral prayer for an ethnic group (On the main ideas of the book by V.A. Tishkov “Requiem for an Ethnos. Studies in Socio-Cultural Anthropology”. Moscow, 2004). *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society]. Issue 2 (43): 94–106. (In Russ.)

Sokolovskiy S.V. (1993) Ethnographic research: ideal and reality. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 2: 3–13. (In Russ.)

Tishkov V.A. (2003) *Requiem for an Ethnos: Studies in Socio-Cultural Anthropology*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)

Verkhovtsev D.V. (2022) Post-mortem ethnos: Soviet theories of ethnos in contemporary Russian language discourse. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 6: 79–101. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060069> (In Russ.)

Сведения об авторе: Ерохина Елена Анатольевна, доктор философских наук, профессор кафедры философии и гуманитарных наук, Новосибирский государственный университет экономики и управления (630099, ул. Ломоносова, 56, Новосибирск, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0003-1513-4557>; e-mail: leroh@mail.ru

About the author: Elena A. Erokhina, Doctor Sc. (Philosophy), Professor of the Department of Philosophy and Humanities, Novosibirsk State University of Economics and Management (56 Lomonosov St., Novosibirsk 630099, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0003-1513-4557>; e-mail: leroh@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 01.10.2025

Доработана после рецензирования / Revised 17.11.2025

Принята к публикации / Accepted 01.12.2025

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2026-11-1.83-100>

EDN: RTGGOM

Язык описания этнического феномена: поворот от эмпирики к переосмыслению онтологии

О.В. Васильева

*Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук
Якутск, Российская Федерация
ovasileva.igi@mail.ru*

Резюме. Статья представляет собой философско-методологический анализ кризиса в современных исследованиях этнического феномена, ее целью является приближение к выработке нового языка описания. Демонстрируется, что ключевая причина теоретического тупика в этнологии – не недостаток эмпирических данных, а наследование устаревшей аристотелевской онтологии и классической теории категорий, которая лежит в основе европейской научной парадигмы и проявляется и в примордиализме, и в конструктивизме. Автор опирается как на философскую критику, так и современные результаты когнитивной науки, которые показали, что человеческое мышление работает не через жёсткие категории с чёткими границами, а через прототипы, метафоры. Представляется, что эти результаты когнитивных исследований должны быть применены не только к обыденному знанию, но и к эпистемологии – научному знанию. Для того чтобы сформировать новое видение, возможно использовать новые концепции реализма, предложенные в рамках онтологического поворота, которые согласуются с данными когнитивных исследований. В рамках описанной модели онтологии отдельно выделяется культурно-исторический слой бытия, где понятия существуют интерсубъективно как «смысловые сгустки», извлечённые из практики. Это позволяет преодолеть дуализм субъекта и объекта. В этой парадигме «этнос» – это не объективная сущность и не произвольный конструкт, а объективное явление в реальности культуры. Для преодоления кризиса описания этнического феномена требуется не накопление фактов, а радикальная перестройка эпистемологии и онтологии социальных наук. Только такие изменения позволят адекватно описать системные и смысловые реалии, не впадая ни в гипостазирование, ни в релятивизм.

Ключевые слова: этнический феномен; категория; объективизм; эпистемология; реальность; онтологический поворот

Для цитирования: Васильева О.В. Язык описания этнического феномена: поворот от эмпирики к переосмыслению онтологии. *Историческая этнология*. 2026. Т. 11. № 1. С. 83–100. <https://doi.org/10.22378/he.2026-11-1.83-100> EDN: RTGGOM

The descriptive language for the ethnic phenomenon: the turn from empiricism to the reconsideration of ontology

O.V. Vasileva

*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
ovasileva.igi@mail.ru*

Abstract. The article presents a philosophical and methodological analysis of the crisis in contemporary studies of the ethnic phenomenon, with the purpose to advance towards the development of a new descriptive language. It demonstrates that the key reason for the theoretical dead end in ethnology is not a lack of empirical data but the inheritance of an outdated Aristotelian ontology and classical category theory. These foundations underlie the European scientific paradigm and manifest in both primordialism and constructivism. The author draws on both philosophical critique and the modern findings of cognitive science, which have shown that human thinking operates not through rigid categories with clear boundaries but through prototypes and metaphors. It is argued that these insights from cognitive research should be applied not only to everyday knowledge but also to the epistemology of scientific knowledge. To form a new vision, it is possible to use new realism concepts proposed within the ontological turn, which are consistent with cognitive research data. Within the described ontological model, the cultural-historical layer of being is singled out, where concepts exist intersubjectively as “condensations of meaning” extracted from practice. This approach allows for overcoming the subject-object dualism. In this paradigm, “ethnos” is neither an objective essence nor an arbitrary construct but an objective phenomenon within the reality of culture. Overcoming the crisis in describing the ethnic phenomenon requires not the accumulation of facts but a radical restructuring of the epistemology and ontology of the social sciences. Only such a turn will allow for the adequate description of systemic and meaningful realities without succumbing to either hypostatisation or relativistic constructivism.

Keywords: ethnic phenomenon; category; objectivism; epistemology; reality; ontological turn

For citation: Vasileva O.V. (2026) The descriptive language for the ethnic phenomenon: the turn from empiricism to the reconsideration of ontology. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 11. No. 1: 83–100. <https://doi.org/10.22378/he.2026-11-1.83-100> (In Russ.)

В настоящее время дисциплины, изучающие этнический феномен, сталкиваются с рядом теоретических трудностей, связанных с используемыми понятиями. Нет ответа ни на вопрос, какой термин именно использовать в качестве предмета исследования, ни как его определить. Дискуссия ведется относительно категорий: этнос, этническая группа, этничность. Применяемые понятийные категории также связаны с теоретическими подходами: так называемым примордиализмом, с одной стороны, инструментализмом и конструктивизмом – с другой.

Примордиализм считается подходом, согласно которому категория «этнос» правильно отражает реальность, по сути, является ее репрезентацией и, соответственно, имеет объективное существование. Поскольку в рамках данного подхода происходит объективизация этнического феномена, то при процеду-

ре референции, то есть при поиске соответствующего референта категории в реальном мире, возникают различные трудности классификации и невозможность учесть разнообразие «антропологического материала».

Конструктивизм и инструментализм считаются более прогрессивными теоретическими подходами, согласно которым феномен этнической принадлежности – это результат деятельности самих людей и их выбор или взгляд на жизнь. Конструктивистский подход чаще связывается с понятийной категорией «этничность», а инструментализм – с категорией «этническая группа».

Переход к конструктивизму в трактовке этнического феномена в 70-е годы XX в. сопровождался большими надеждами на то, что новая методология станет мощным стимулом для открытий, однако «современные конструктивистские исследования этничности напротив сталкиваются с рядом важных и сложных коллизий» (Варшавер, 2022: 31). Они проявляются в трудности построения теоретических моделей, способных объяснить, почему люди вообще интерпретируют свой опыт в терминах, обозначающих принадлежность народу, а не в каких-то иных. Трудность состоит еще и в невозможности выделить этничность из сонма других социальных явлений. Вплоть до того, что некоторые исследователи напрямую заявляют: «Нужно понимать, что, по всей видимости, четкое выделение этнических феноменов из всех остальных является на данном этапе нерешаемой задачей» (Варшавер, 2024: 100). Как результат, ученые не могут объяснить, что же является предметом их исследования. Нерешенные фундаментальные проблемы, накапливаясь, ведут, в том числе, к постмодернистскому отказу от теории описания этнического феномена, попыткам ее замены социальным нарративом или публицистическим дискурсом (Banks, 1996), а все теоретизирование по сути сводится к полемике с примордиализмом.

Данная ситуация приводит к тому, что ощущается и проговаривается необходимость обновления всего языка описания этнического феномена (Тишков, 2022: 18). При этом ряд авторов считает, что данного обновления можно достичь, если еще более углубиться в анализ эмпирии в контексте когнитивного поворота, подчеркивающего важность процесса категоризации на уровне обыденного сознания. Однако, как замечают другие, теоретический вклад таких исследований (которые, к слову, проводятся уже на протяжении длительного времени) «обычно состоит лишь в указании на то, что этничность конструируется немного по-разному в разных локальных контекстах, в ходе этого процесса используются немного разные ресурсы воображения и т.д.» (Варшавер, 2022: 42).

Возможно, чтобы подойти к выходу из теоретического тупика, следует обратить внимание, напротив, на метатеорию – уровень базовых принципов и предпосылок, используемых в самом научном исследовании, и конкретно на представление о понятийной категории.

Бытие, понятие и научное знание

Понятийная категория – это базовый инструмент, используемый в науке и философии для разделения и классификации объектов изучения. Собственно,

формирование науки и в особенности теоретического научного знания связывают с появлением понятийного мышления (Вебер, 1990). Соотношение всеобщего и единичного, схватываемого понятием, как раз и составляет основу научного мышления, конституируя все логические формы. Кроме того, это задает основу для понимания субъективного и объективного, для выхода на вопрос, что такое реальность.

В указанном контексте соотношения общего и единичного вопрос о понятиях является одной из центральных проблем европейской философии и научной мысли. Впервые выразившийся в дискуссии о природе универсалий он ведет, таким образом, свою историю от средневековой схоластики.

Суть спора сводится к двум основным позициям относительно существования общих понятий и их соотношения с индивидуальными вещами. Реализм настаивает на том, что общие понятия существуют объективно и независимо от человеческого сознания. Согласно реалистической точке зрения, универсалии обладают собственным бытием. Понятие в этом случае – это прямое отражение реальности. Номинализм, напротив, отрицал объективное существование универсалий. По мнению номиналистов, общие понятия представляют собой лишь имена, обозначающие группы схожих объектов, но не имеющие самостоятельного бытия. Каждый объект уникален и самостоятелен, а общее название используется лишь для удобства классификации.

Перенеся этот спор в сферу современной научной дискуссии между примордиалистами и конструктивистами, мы заметим, что в этнологии также обсуждается вопрос о том, существуют ли объективно этносы в реальности или они – лишь выдумка нашего ума. То есть полемика в этнологии – это лишь частное проявление вопроса о природе универсалий, о том, что собой представляет реальность, которую схватывает понятие.

Таким образом, мы в рамках нашего научного дискурса до сих пор обсуждаем темы, которые преподнесла нам европейская схоластика. По замечанию Э. Гуссерля, это происходит потому, что на некоторые вопросы, например, о бытии, современная наука не отвечает (Гуссерль, 2004), она даже не ставит подобных проблем, а заимствует картину бытия из философии или даже из теологии.

На формирование данной ситуации сказалось два фактора. Во-первых, весь характер развития европейского просвещения предопределен влиянием западной христианской церкви. В свою очередь ее богословие во многом складывалось в рамках традиций римского юрисдикта. По мнению русского религиозного философа И.В. Киреевского, римские богословы, которые дали начало западной христианской церкви, много внимания уделяли выведению и соблюдению логической связи понятий (Киреевский, 1852). Это сказалось на том, каким образом формировалась богословская мысль: она требовала внешней логичности, порой без внимания к сути.

Второй элемент, из которого развилось просвещение Европы, это соединенные стремления к силлогистике с «эллинской мудростью» в XIII–XIV вв. Надо отметить, что наиболее четко схоластический спор оформился после того, как

произошел синтез христианской культурной традиции с достижениями античной культуры, а именно тогда, когда средневековые богословы ознакомились с трудами Аристотеля. Некоторые исследователи, такие как академик В.С. Степин (Степин, 1999), придавали этому синтезу огромное значение в том плане, что именно это предопределило дальнейшее развитие западной цивилизации и научного мышления в основном в русле номиналистического взгляда на реальность, строго логичного рационализма и рассудочности.

Действительно, важно заметить, что и позиции реалистов, и номиналистов исходят из аристотелевской интерпретации проблемы бытия. В связи с тем, какое влияние она оказала на всю дальнейшую европейскую мысль, следует рассмотреть ее подробнее.

Философия Аристотеля как основа классической теории категорий

Решая основной вопрос греческой философии – вопрос о бытии, Аристотель, соглашаясь с Парменидом и Платоном в том, что бытие есть вечное, в отличие от своих предшественников начинает поиск этого вечного и неизменного в эмпирическом мире. В итоге он формализует бытие, сведя его к категориям и, главное, к сущности (*ousia*). Сущность, по Аристотелю, не есть запредельная чувственной вещи идея, а есть то устойчивое и непреходящее в самой вещи, что делает ее самостоятельной и составляет основу ее бытия (Гайденко, 2014: 158). Если сущность заключена в самой вещи, следовательно, логически выделяя общие черты, признаки той или иной вещи, явления, мы постигаем ее сущность. При этом неделимой единицей (первая сущность) анализа, а, следовательно, носителем сущности у Аристотеля выступает только индивид или конкретная вещь («вот этот человек», «вот эта лошадь»). Виды и роды – как универсалии (к которым, как нам представляется, можно отнести и коллективные образования), выражающие суть бытия конкретных вещей – являются вторичными сущностями, которые сказываются о первичных сущностях (конкретных индивидах). Такое восприятие сущностной природы мира создало основание для точки зрения, согласно которой реальность объективна и существует самостоятельно, независимо от наблюдателей. Отсюда следует, во-первых, что истина – это соответствие высказывания положению дел в реальности.

Если символы приобретают свое значение только посредством своей способности соотноситься с вещами, тогда символы категорий могут приобретать значение только посредством своей способности соотноситься с категориями в мире. Для того чтобы соответствовать этому требованию, категории должны рассматриваться как (1) существующие в мире независимо от людей и (2) определяемые только через характеристики их членов (Лакофф). Логические связи в этой схеме работают с отношениями между индивидами, их свойствами и родами на основе субъектно-предикатной структуры.

Собственно, такой взгляд выражает реалистскую, объективистскую картину мира и до наших дней. Однако вопреки мнению, что номинализм возник исключительно как критическая реакция на аристотелевский реализм, следует от-

метить, что ядром номинализма было также утверждение Аристотеля – нет ничего, кроме единичных вещей (Попов, Стяжкин, 1974) (иными словами, тезис о первой сущности как единичной вещи), а также его возражение Платону о том, что последний, вводя идеи вещей, удваивает количество сущностей, необходимых для объяснения мира (Лега, 2009). То же самое фактически говорит и Уильям Оккам – один из наиболее известных представителей номинализма. То есть номинализм принимает аристотелевскую онтологию индивидуальных сущностей как нечто самоочевидное. Отличие заключается в следующем: номинализм утверждает, что реально существуют только индивидуальные объекты, а общие понятия возникают лишь в нашем сознании как названия («номены») или обозначения множества отдельных предметов. Таким образом, в глубине спора уже содержится определённая онтологическая предпосылка: реальность мыслится как совокупность дискретных, индивидуальных сущностей, между которыми могут (или не могут) существовать связи. Так как номинализм эти связи отрицает, то делается вывод, отнюдь не вытекающий из аристотелевских предпосылок, что в познании опыт играет едва ли не важнейшую роль и лишь чувственное восприятие есть тот путь, которым мы можем получать свидетельство о реально существующем (Гайденко, 2014: 161).

В связи с указанным представлением о мире происходит переход от трехчастной системы знака (знак-смысл-объект), к двухчастной (знак-объект). Надо отметить, что в Западной Европе до средневековья была распространена трехчастная система, которая оставалась как наследие стоиков (Фуко, 1994: 78). В ней помимо означающего и означаемого содержался такой элемент как лектон – смысл, который выступал пространством интерпретации. Однако если мы соглашаемся с представлением, что реальны только единичные вещи, то и знак должен указывать прямо на них или на их ментальные образы. Промежуточное звено в виде «смысла» становится ненужным.

Если универсалии – лишь имена, лишь то, о чем мы договорились и назвали, то сфера гнозиса отрывается от онтологии и логика становится игрой имен, а мир превращается в совокупность исчисляемых объектов, лишенных собственного «способа бытия». Таким образом, переход к номинализму окончательно утвердил логику как автономную деятельность разума по манипуляции знаками. Если общие понятия (универсалии) – это не часть мира, а продукт нашей ментальной деятельности, то источником единства и систематичности познаваемого мира становится сам познающий ум. Истина в данном случае – это просто соответствие высказывания состоянию единичных вещей, наших договоренностей о них. Номинализм, разрушив доверие к онтологическому статусу общих понятий, переместил фокус философской мысли с бытия на сознание, что и привело к формированию декартовского рационализма и, как следствие, субъект-объектной оппозиции, которая определила путь всей новоевропейской философии и науки.

Номинализм отвергает онтологический статус общих понятий, но не ставит под сомнение сам аристотелевский фундамент вопроса о бытии, в котором

единицей анализа также является только индивид. Он строит свою онтологию именно на отрицании связи между понятием и реальностью в том виде, в каком её предполагает аристотелевский реализм. Номинализм также сохраняет аристотелевскую логику, хотя она и лишается онтологического фундамента, вследствие чего становится не отражением структуры реальности (где есть сущности и акциденции), а системой правил оперирования терминами и высказываниями. Казалось бы, какое отношение это имеет к современной дискуссии об этническом феномене? Однако именно эти философские основания выступают фундаментом и примордиализма, и конструктивизма. В целом надо отметить, что вся наука развивается как планомерное развертывание идеи номинализма в восприятии реальности.

*Определение категории этническая группа
через призму классической теории категорий*

Первые категории, с помощью которых наука пыталась схватить социальную реальность, не избежали применения принципов объективизма реалистской картины мира также, как и категории естественных наук. Примером могут послужить первые попытки создать классификацию народов, такие как Штирианская таблица народов, или классификации народов Сибири Ф.Г. Миллера. Такие классификации, как правило, содержали наименование, описание атрибутивных черт, иллюстрации, фиксирующие внешний вид и особенности костюма. Таким образом, первоначальный этап характеризовался накоплением антропологического материала и попытками составить полный перечень общих признаков народов. Соответственно, работа исследователей была направлена на отбор и определение значимых характеристик, факторов и ориентиров для сравнения. Реалисты в духе аристотелевской логики искали в общих формах и атрибутах неизменную сущность.

Здесь возникают первые представления о неких примордиальных, немняющихся, то есть изначальных свойствах. Напомним, что согласно реализму, именно общие, одинаковые признаки являются основанием формирования категорий, а сущность представляется вечной, неизменной. При этом вся реальность состоит из таких категорий. Характерные черты вещей и явлений оказываются связанными с ними, и так как каждая вещь или явление либо имеет, либо не имеет необходимый и искомый признак, понятия обладают четко определенными границами. Все это позволяет за счет перечисления наличия данных характеристик соотносить вещи и явления с той или иной определенной категорией. Однако в случае с этническими общностями, которые оказываются разнообразны и изменчивы, эта строгость логики реализма заводит исследователей в тупик.

Именно поэтому рассуждения примордиалистов часто сопровождалась эссенциализмом. Здесь надо указать, что понимание эссенциализма в данной статье учитывает не только приложение этого термина к области этнологии, в рамках которой эссенциализм – это представление о том, что этнические группы обладают фундаментальными, неизменными и врожденными характери-

ками, которые определяют их идентичность и отличают от других групп. Эссенциализм трактуется и более широко – как термин из философского дискурса, подразумевающий метафизическую предпосылку. Она предполагает, что среди характеристик, которыми обладает вещь или явление, некоторые являются существенными. Это означает, что эти характеристики делают вещь тем, что она есть, и без которых она не была бы вещью этого рода вещей. Другие признаки являются несущественными (акциденциональными), и это означает, что есть свойства, которые вещи случилось иметь, однако они не выражают ее сущности. Таким образом, это не только что-то неизменное во времени, но и не меняющееся от контекста к контексту.

В XX в. по мере накопления материала антропологических исследований пришло окончательное понимание разнообразия совокупностей признаков для разных общностей, их изменчивости. В итоге, как указывают исследователи, «самая большая проблема стала состоять в невозможности выделить единственный, воспроизводящийся от контекста к контексту, признак, определяющий такие группы» (Варшавер, 2022: 33).

Однако надо понимать, что сторонники номинализма не отходят от предложенной Аристотелем парадигмы, и эссенциализм, характеризующийся поиском повторяющихся признаков, конституирующих категорию, становится основанием для перехода к конструктивистской трактовке этнического феномена. В частности, эссенциализм непосредственно проявляет себя в работе «Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий». Во введении к ней Ф. Барт последовательно исключает признаки и атрибуты из характеристик этнических групп. Основанием для этого становится то, что невозможно корректно логически классифицировать группы в виду их изменчивости во времени и пространстве. И здесь выводом исследователя становится то, что единственным существенным признаком для определения категории «этническая группа» становится приписывание идентичности себе и приписывание ее другим (Барт, 2006). Таким образом, индивидуальное самоприписывание объективизируется, а за счет применения эссенциализма используется в качестве единственной наиболее существенной (повторяющейся из контекста в контекст) атрибутивной характеристики.

На основе субъективной стороны строится понятийная категория – «этничность» как выражение причастности группе. В ходе изучения самосознания выясняется, что этническая идентичность не является неизменной. Она ситуативна и контекстно-зависима. В итоге исследователи приходят к выводу, что этничность – это скорее способ видеть и интерпретировать мир, который присущ не группам, а индивидам. Причем этот способ видеть мир – это ложная иллюзия, часто навязанная внешними агентами. То есть, никакой связи между индивидами, кроме той, которую ей навязывают категоризирующие практики, не существует. Номиналисты в этот период усилили свою критику примордиализма, обвиняя его сторонников в гипостазировании, то есть опредмечивании общих понятий, биологизаторстве, а также в отсутствии возможности учесть изменчивость

этого феномена во времени. Так Р. Брубейкер резко критикует тенденцию в социальных науках и публичном дискурсе реифицировать (овеществлять) этнические категории, то есть воспринимать их как реально существующие, однородные коллективные акторы с общими интересами и волей (Брубейкер, 2012). Это, в конечном счете, приводит к краху примордиалистских теорий.

Однако уже через довольно короткое время конструктивистские теоретические заключения приводят к тому, что в данной исследовательской оптике становится невозможно не только отличить этнические группы одну от другой, но и отличить этническую общность от других социальных групп. Это происходит потому, что в любых социальных группах присутствует самокатегоризация и категоризация других. Получается, что все различия данных социальных образований в контексте методологии конструктивизма оказываются расположенными в сфере сознания. Именно поэтому появляются разговоры о том, что этничность – это своего рода «черная дыра», куда, как указывают исследователи, пользуясь этой метафорой, проваливаются социальные образования, построенные на этнических, национальных, религиозных, кастовых, расовых различиях. Собственно, туда проваливаются абсолютно все социальные образования. Такие изменения приводят к тому, что ученым-этнологам становится не ясно, что же является предметом их исследования. Иными словами, в этом случае термины, начиная обозначать собой все, перестают объяснять что-либо и тем самым теряют свою эвристическую ценность.

В этих условиях, единственным «объективным» социальным фактом, который остаётся после деконструкции всех «групповых мистификаций», становится индивидуальная идентичность, являющаяся выражением представлений-конструктов, которые можно постоянно трансформировать, перестраивать произвольным способом. Истиной в этом случае становится соответствие высказывания нашим договоренностям. Данное заключение проникает в социально-политическую практику и становится основанием для того, чтоб учитывать манифестируемую идентичность как основание для социальной политики, не только в сфере этничности, но и, например, в гендерной проблематике.

Объективизм сохраняется на уровне логики формирования самой категории этничность в соответствии с классической теорией категорий (мы не наблюдаем связи, построенной на общих признаках, между индивидуальными вещами в мире, поэтому этнического феномена в реальности нет), хотя акцент переносится с так называемых внешних атрибутов, таких как язык, проявления культуры, на субъективные – самоприписывание, которые впоследствии объективируются.

Критика понятийного мышления

Аристотелевская онтология, выраженная в теории категорий, применяемая для теоретического описания этнического феномена, приводит нас в тупик дважды. В первом случае, когда аристотелевский реализм, с его жесткой границей объективных атрибутов, позволяет учесть лишь некоторые случаи, а другие

остаются исключенными, и все по сути сводится к попыткам найти оптимальную формулу сочетания объективных атрибутов, которые следует учитывать. Во втором случае, когда объективизм, примененный для научного знания, в сочетании с конструктивистской трактовкой действительности позволяет нам выделить в качестве признаков этнической группы только самосознание и категоризацию, тем самым расширяя понятие этничности до всех социальных групп. Возможно, это является признаком ошибочности предложенной онтологии, примененной к научному знанию.

По мнению М. Хайдеггера, спор об универсалиях, к которому можно отнести и дискуссию примордиалистов и конструктивистов, – это спор внутри ошибочной парадигмы, предложенной Аристотелем. Понятийный язык европейской науки и философии, построенный на такой метафизической рассудочной логике, критикуется философом (Хайдеггер, 2006). На основании того, что критике подвергается, в том числе, способ поиска сущности посредством обобщения признаков некоего множества, можно сделать вывод, что не устраивающим являлся метод построения понятийных категорий. Хайдеггер считал его несоответствующим тому, как работает мышление. Кроме того, ученым отмечалось, что понятийный язык метафизики основывается на истолковании истины как «правильности», в то время как мышление, которое он пытался сформировать в разрабатываемом им «беспонятийном языке», трактует истину как «несокрываемость» (Кода, 2021: 137). М. Хайдеггером, таким образом, критиковался, в том числе, способ категоризации, соответствующий классической теории категорий, который сопровождается объективистским взглядом на реальность и соответствующей ему корреспондентной теорией истины.

По сути М. Хайдеггер говорит о том, что необходимо новое решение вопроса о бытии, для которого потребуется избавиться от понятийного языка. Возможно, полный отказ от понятий – это слишком радикальный шаг, однако можно в этой ситуации обратить внимание на трансформацию представлений о том, что включает в себя понятие, и на роль понятий в эпистемологии, то есть именно в научном знании. Тем более для этого предоставляет определенные возможности когнитивная наука, о чем будет сказано позже.

Надо отметить, что понятийное мышление подвергалось критике у отечественных философов. Так, критически к нему относился Л.И. Шестов и В.С. Соловьев. Более взвешенную позицию, как нам кажется, занимал С.Л. Франк, который не отвергал понятийного мышления полностью. По его мнению, оно легитимно и необходимо как инструмент повседневной коммуникации. В то же время он считал, что оно ограничивает восприятие реальности. Кроме того, именно понятийное мышление задает проблему соотношения субъекта и объекта, а также абсолютизирует дискретность, рассматривая мир как совокупность отдельных объектов, а истину – как корреспонденцию между изолированными элементами (понятием и вещью) (Франк, 1995).

В схожем ключе впоследствии критику понятийного мышления выстраивает Х. Патнэм. Он говорит: когда мы считаем, что есть субъект и некий отъеди-

ненный от него, но доступный для прямого восприятия мир реальности, связь между которыми фиксируется понятием, то это предполагает, что существует лишь один истинный, полный и независимый от наблюдателя способ описания мира. Понятия как раз и стремятся уловить эту единственную онтологию за счет составления списка необходимых и достаточных признаков. В то время как на самом деле они не отражают единственную реальность, а являются инструментами, которые мы используем для успешной ориентации в мире (Патнэм, 2002).

Наши понятия зависят от нашей биологии и нашей культуры; они отнюдь не являются «ценностно нейтральными». Но они являются нашими понятиями, и они являются понятиями о чем-то реальном. Они определяют вид объективности, *объективности для нас* (Патнэм, 2002: 78), а не «объективности в себе».

Дополнительную критику понятийного мышления обеспечили результаты исследований в области когнитивистики. Исследования, специально посвященные проблемам категоризации, показали, что традиционное представление о категориях довольно ограничено и приводит к объективистскому восприятию реальности (Лакофф, 2011). Современные когнитивные исследования демонстрируют, что люди мыслят не как логические машины, проверяющие условия принадлежности, а как существа, оперирующие сходствами, прототипами и метафорами в контекстно-зависимой манере. Были последовательно развенчаны представления о том, что категории определяются только через необходимые и достаточные условия; членство в категории бинарно: объект либо принадлежит к ней, либо нет; все члены категории равноправны; границы между категориями четкие и дискретные. Это не означает краха рациональности, но означает необходимость ее переопределения.

Когда эта критика была отрефлексирована и пришла в область этнологии, то получилось так, что она оказала влияние на изменение представления о принадлежности этническим категориям главным образом на уровне обыденного знания. Обыденное знание о своей и чужой этнической принадлежности, хоть и рассматривается через призму когнитивного поворота, но при этом подчеркивается, что оно не является знанием в подлинном и точном смысле слова. В этом оно противопоставляется научному знанию, которое только и считается единственным источником истины. При этом на уровне субъекта исследования и научного знания объективистская логика аристотелевского реализма сохранилась, жесткая граница категорий осталась, и она сыграла определяющую роль в понимании природы этнического феномена, как нам кажется, даже более серьезную роль, чем эмпирия. Это происходит во многом потому, что объективистские представления широко распространены и настолько привычны, что многие из них просто принимаются как истинные без каких-либо сомнений и обсуждения.

В результате, на уровне обыденного знания мы наблюдаем, что принимается мягкая граница категорий, а на уровне методологии и эпистемологии (описания своей собственной деятельности) – сохраняется представление о понятийном мышлении в его индивидуалистических, картезианских, номиналисти-

ческих и метафизически-реалистических интерпретациях. Данный парадокс, как нам кажется, в первую очередь связан с тем, что объективистская эпистемология (классические категории) предлагает понятный, простой и проверенный методологический инструментарий. В то время как пересмотр роли понятий в научном мышлении требует создания новых, столь же убедительных и легитимных способов производства знания, что является непростой задачей, требующей усилий не одного поколения ученых. Тем не менее, подлинный переворот, позволяющий создать более адекватную картину, произойдет лишь тогда, когда не только объект, но и сама исследовательская практика будет переосмыслена в духе воплощенного и метафорического познания, которое в настоящее время до сих пор считается нелегитимным в научных исследованиях.

*Подступы к формированию представления об иной онтологии
и новом языке описания этнического феномена*

Основные критические моменты концентрируются на том, что понятийное мышление, воспринимая бытие как сущее, пытается «поймать» его в сети логических определений, строящихся на выделении неизменных признаков того или иного явления, проявленного в единичных вещах, что заведомо ведет к антиномиям.

Собственно, из неприятия этих следствий аристотелевской онтологии растут различные альтернативные варианты нового реализма, такие как: критический реализм, различные варианты спекулятивного реализма типа плоской онтологии или нового материализма, опытный реализм или экспериенциализм, феноменологический реализм и т.д.

Некоторые из предложенных концепций полностью построены на инверсии аристотелевского реализма, другие меняют лишь отдельные элементы. Однако в большинстве из них делается попытка «расплющить» онтологию, лишив субъекта привилегированного места в иерархии. Тем не менее, представляется, что преодолеть проблему корреляционизма и отказаться от объективизма, который предполагает, что понятия существуют в единичных вещах, как у Аристотеля, или от того, что они являются просто субъективным ярлыком, как у номиналистов, можно и иным способом. Мы считаем, что для этого возможно применить концепцию нового реализма Ю.С. Степанова (Степанов, 2004), который развивает хайдеггеровскую идею «язык – дом бытия». Помимо субъекта и внешней физической реальности, Степановым вводится третий элемент – культурно-историческая реальность – мир, созданный человеком. Понятия существуют в этом «третьем мире» – мире языка и культуры, и в этом случае они интересобъективны. Это вполне согласуется с концепцией социального конструирования реальности, в рамках которой П. Бергер и Т. Лукман определяли «реальность как качество, присущее феноменам, иметь бытие, независимое от нашей воли и желания (мы не можем “от них отделаться”» (Бергер, Лукман, 1995: 5). Согласуется это и с конструктивным реализмом В.А. Лекторского, согласно которому: «сконструированность не обязательно означает нереальность

того, что построено... Человек вообще создает такие предметы (как материальные, так и идеальные), которые как бы выходят из-под его контроля и начинают жить вполне самостоятельной реальной жизнью» (Лекторский, 2018: 45). Понятие, таким образом, является смысловым сгустком, построенным на нашей телесной воплощенности, преодолевшим сопротивление физической и социальной реальности и обретшим самостоятельное существование в семиотическом поле культуры.

Понятия в этом семиотическом поле имеют сложную иерархическую структуру. К наиболее устойчивым относятся мировоззренческие универсалии (Степин, 2011) – категории, в системе которых человек определенной культуры оценивает, осмысливает и переживает мир, сводит в целостность все явления действительности, попадающие в сферу его опыта («пространство», «время», «причинность» и др.) и константы (Степанов, 2004) – устойчивые эмоционально-смысловые узлы, нагруженные ценностной составляющей той или иной культуры («Душа», «Судьба», «Свой-Чужой» и др.).

Эволюцию содержания конкретных универсалий и констант можно увязать со сменами широких мировоззренческих матриц, типов научной рациональности. При этом универсалии меняются более радикально (это смена доминирующей структуры), в то время как константы – обогащаются за счет новых смыслов, в результате формируя слоистую структуру как в палимпсесте (древней рукописи). Помимо этого, есть и другие понятия, которые, формируясь на основе более широких смыслов, призваны структурировать повседневные практики и объяснительные возможности конкретных исторических периодов. Они более подвижны и изменчивы. Мы схватываем реальность в тех формах, которые нам предоставляет окружающий нас культурно-семиотический слой бытия. Атрибуты и признаки вещей и явлений в этом случае – не прямое отражение реальности, а итог приложения к сфере опыта человека (акт познания или культурная практика) эмерджентного свойства конкретного культурно-семиотического слоя бытия. Они объективно существуют внутри этого слоя.

Благодаря присутствию всех этих смысловых структур возможно появление способов экзистирования. Индивид по Хайдеггеру «забрасывается» не в пустоту, а в уже смыслонаполненный мир. Он осваивает язык, впитывает нарративы, усваивает телесные паттерны – то есть интериоризирует универсалии, константы и концепты как свои собственные способы бытия. Вот-бытие (Dasein) индивида существует всегда в этих модусах (способах экзистирования – быть русским, быть женщиной, быть рабочим). Однако, экзистировав (живя, страдая, борясь, любя, творя), конкретный человек постоянно актуализирует, переживает и иногда проблематизирует смысловые структуры, которые составляют слой культурно-исторической реальности.

Для того, чтобы ответить на возможный упрек в идеализме отметим два момента: во-первых, наш индивидуальный и коллективный опыт испытывает сопротивление как физической, так и социальной реальности. Во-вторых, первичным и неустранимым источником базовых концептуальных схем для вос-

приятия реальности является наше тело. Это объясняет, почему большинство базовых понятий (которые зачастую соответствуют так называемым «естественным видам», таким как «вода», «золото», «тигр») в разных культурах воспринимаются одинаково. Они наиболее плотно связаны с телесным опытом. При этом их значения не заданы списком необходимых и достаточных признаков. Они воспринимаются целостно, как единый гештальт, отсылают к определенному ментальному образу, сенсорному, телесному и социальному опыту, а также являются оптимумом для действия и идентификации (Лакофф, 2011).

В свою очередь категории более абстрактного уровня возникают также не только и не столько как логическое обобщение от базового уровня; они осмысливаются метафорически, здесь действуют также прототипические эффекты – типичные примеры, образцы, идеалы. Атрибуты, приписываемые тем или иным генерализованным категориям, организуются не по принципу повторения из контекста в контекст, а по принципу фамильного сходства, предложенному Л. Витгенштейном. Он указал на существование категорий, которые не соответствуют классической форме, поскольку не имеют общих признаков, разделяемых всеми ее членами категории. В пример он приводит такие категории, как игра и язык (Витгенштейн, 1994: 110–111). В таких категориях у включаемых в нее членов нет какой-то одной общей черты, из-за которой мы применяли к ним всем одинаковое слово, но они родственны друг другу многообразными способами.

Как нам кажется, в рамках предложенной онтологии можно рассматривать и этнический феномен. Данное представление согласуется с мнением отечественных ученых, подчеркивающих, что «невозможно построить не только универсальную, для всех эпох, этническую таксономию, но даже такую, которая была бы пригодна для какого-то отдельного исторического периода, поскольку в качестве этнообразующих признаков могут выступать различные элементы культуры» (Арутюнов, 1988), однако сам этнический феномен существует. Данная онтология также позволяет учесть процессуальный характер проявления этнического феномена, который подчеркивала в своих работах Л.М. Дробижева еще в советское время (Дробижева, 1988: 15). Как нам кажется, применение этих идей к пониманию, что собой представляет этнический феномен, позволит преодолеть ряд застарелых проблем и выйти за пределы непродуктивной дискуссии примордиализма и конструктивизма.

Здесь важно проводить разницу между понятийными категориями базового («русский», «саха», «бурят») и генерализованного уровня (этнос). Базовые наиболее близки к телесному опыту, люди узнают и используют их в непосредственном, повседневном опыте. Они также являются оптимумом для действия и идентификации, поскольку содержат конкретные ментальные образы. Генерализованные конституируются иначе, с помощью языка метафор. В рамках предложенной онтологии понятийная категория «этнос» означает не сущность, присущую индивидам и тем самым связывающую их, и не фантом, а способ, каким человеческое бытие-в-мире оказывается изначально устроено, организовано и

осмыслено, в котором только и могут появляться отдельные «вещи», которые мы называем атрибутами. Этнический феномен, в конкретных проявлениях базового уровня, является реальной силой в слое культурно-исторического бытия, обладающей объективными (для его носителей) атрибутами. В этом случае, культурные характеристики (язык, мифология, ритуалы, фольклор, этические нормы, особенности материальной культуры) становятся легитимизированы для изучения как атрибуты конкретной категории «русский», «татарин», «якут» или генерализованной «этнос». Конкретный список этих атрибутов не обязательно должен повторяться от контекста к контексту, он организован по принципу фамильного сходства.

* * *

В заключение хотелось бы отметить, что данная статья, конечно, является лишь попыткой подступиться к проблеме формирования нового языка описания этнического феномена. Она демонстрирует необходимость не накопления эмпирики, а онтологического поворота в социальных науках, изучающих этнический феномен. Показано, что, пытаясь избежать ошибки «гипостазирования», номиналистическая позиция современной науки приводит к тому, что исследователь в рамках данной оптики становится не способен адекватно описать системные, структурные и смысловые реальности, проявляющиеся на уровне целого. Перспектива преодоления конкретных теоретических проблем видится в радикальной рефлексии над самими основаниями нашего мышления о реальности. Безусловно, данная статья не может претендовать на полное раскрытие вопроса, что собой представляет этнический феномен. Тем не менее, как нам кажется, предложенный подход, заключающийся в смене онтологии, позволяет наметить выход за рамки тупиковой дихотомии «примордиализм vs конструктивизм». В условиях ощущающейся необходимости обновления теоретического языка описания этнического феномена, это выглядит как возможная альтернатива, которая в случае ее принятия, потребует обновления и способов производства знания – работы с эмпирическим материалом.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interest.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнов С.А. К проблеме этноса и субэтноса (дискуссия по статье М.В. Крюкова) // *Расы и народы.* Вып. 18. М., 1988. С. 28–31.

Барт Ф. Введение // *Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий: сб. статей / под ред. Ф. Барта.* М.: Новое издательство, 2006. С. 9–48.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995.

Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

Варшавер Е.А. «Перестать пинать мертвую лошадь примордиализма»: актуальные повестки дня в конструктивистских исследованиях этничности // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21, № 3. С. 31–58. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2022-3-31-58>

Варшавер Е.А. Что именно исследуется, когда исследуется этничность? Дескриптивная модель для конструктивистских исследований этничности в контексте когнитивного поворота // Социологическое обозрение. 2024. Т. 23, № 3. С. 94–126. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2024-3-94-126>

Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. М.: Издательство «Гнозис», 1994.

Гайденко П.П. Средневековый номинализм и генезис новоевропейского сознания // Вопросы философии. 2014. № 7. С. 158–171.

Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введ. в феноменол. философию. СПб.: Фонд «Университет», Владимир Даль, 2004.

Дробижева Л.М. Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития // Советская этнография. 1985. № 5. С. 3–16.

Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России (письмо к г. Е.Е. Комаровскому). М.: тип. Ал. Семена, 1852.

Кода Н.В. Пути трансформации метафизического мышления в «беспонятном языке» позднего М. Хайдеггера // Философский журнал. 2021. Т. 14, № 1. С. 129–141.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. Книга 1: Разум вне машины. М.: Гнозис, 2011.

Лега В.П. История западной философии. Часть 1. Античность. Средневековье. Возрождение 2-е изд. М.: ПСТГУ, 2009.

Лекторский В.А. Научное и вненаучное мышление: скользящая граница // Разум и экзистенция: Анализ научных и вненаучных форм мышления / под ред. *И.Т. Касавина, В.Н. Поруса*. СПб.: РХГИ, 1999. С. 46–62.

Лекторский В.А. Социальный конструкционизм в контексте проблем конструктивистского подхода в эпистемологии // *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*. 2018. Т. 1, № 2. С. 42–46.

Патнэм Х. Разум, истина и история. М.: Праксис, 2002.

Попов П.С., Стяжкин Н.И. Развитие логических идей от античности до эпохи Возрождения. М.: Издательство Московского университета, 1974.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд. М.: Академический Проект, 2004.

Степин В.С. Наука, религия и современные проблемы диалога культур // Разум и экзистенция: Анализ научных и вненаучных форм мышления / под ред. *И.Т. Касавина, В.Н. Поруса*. СПб.: РХГИ, 1999. С. 21–34.

Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011.

Тишков В.А. О примирении конструктивизма и примордиализма (оммаж народоведу Андрею Владимировичу Головнёву) // Этнография. 2023. № 1 (19). С. 6–25.

Франк С.Л. Предмет знания об основах и пределах отвлеченного знания; Душа человека: Опыт введ. в филос. психологию. СПб.: Наука, 1995.

Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1994.

Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006.

Banks M. Ethnicity: Anthropological Constructions. London & New York: Routledge, 1996.

REFERENCES

- Arutyunov S.A. (1988) On the problem of ethnos and subethnos (a discussion of the article by M.V. Kryukov). *Rasy i narody* [Races and Peoples]. Issue 18. Moscow: Nauka Publ.: 28–31. (In Russ.)
- Banks M. (1996) *Ethnicity: Anthropological Constructions*. London & New York: Routledge Publ.
- Barth F. (2006) Introduction. In: *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference*. Moscow: Novoye Izdatel'stvo Publ. (In Russ.)
- Berger P., Luckmann T. (1995) *Social construction of reality*. Moscow: Medium Publ. (In Russ.)
- Brubaker R. (2004) *Ethnicity without Groups*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (1985) National identity: the basis of formation and socio-cultural incentives for development. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. No. 5: 3–16. (In Russ.)
- Foucault M. (1994) *The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences*. Moscow: Progress Publ. (In Russ.)
- Frank S.L. (1995) *The Object of Knowledge: On the Foundations and Limits of Abstract Knowledge; The Human Soul: An Attempt at an Introduction to Philosophical Psychology*. St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russ.)
- Gaydenko P.P. (2014) Medieval nominalism and the genesis of modern european consciousness. *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy]. No. 7: 158–171. (In Russ.)
- Heidegger M. (2006) *What Is Called Thinking?* Moscow: “Territoriya budushchego” Publishing House. (In Russ.)
- Husserl E. (2004) *The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology: An Introduction to Phenomenological Philosophy*. St. Petersburg: “University” Foundation, Vladimir Dahl Publ. (In Russ.)
- Kireevskiy I.V. (1852) *On the Nature of European Enlightenment and Its Relation to the Enlightenment in Russia (A Letter to Mr. E.E. Komarovskiy)*. Moscow: Al. Semen Printing House. (In Russ.)
- Koda N.V. (2021) Ways of transforming the metaphysical thinking in the “conceptless language” of the late M. Heidegger. *Filosofskiy zhurnal* [Philosophy Journal]. No. 14(1): 129–141. (In Russ.)
- Lakoff G. (2011) *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind*. Moscow: Gnosis Publ. (In Russ.)
- Lega V.P. (2009) *History of Western Philosophy*. Part 1. Antiquity. Middle Ages. Renaissance]. 2nd ed. Moscow: PSTGU Publ. (In Russ.)
- Lektorskiy V.A. (1999) Scientific and extra-scientific thinking: A blurring Boundary. In: Kasavin I.T., Porus V.N. (eds.) *Reason and Existence: An Analysis of Scientific and Extra-Scientific Forms of Thinking*. St. Petersburg: RKhGI Publ.: 46–62. (In Russ.)
- Lektorskiy V.A. (2018) Social constructionism in the context of problems of the constructivist approach in epistemology. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab* 1(2): 42–46. (In Russ.)
- Popov P.S., Styazhkin N.I. (1974) *The Development of Logical Ideas from Antiquity to the Renaissance*. Moscow: Moscow University Press Publ. (In Russ.)
- Putnam H. (2002) *Reason, truth and history*. Moscow: Praxis Publ. (In Russ.)
- Stepanov Yu.S. (2004) *Constants: A Dictionary of Russian Culture*. 3rd ed. Moscow: Akademicheskii Proyekt Publ. (In Russ.)
- Stein V.S. (2011) *Civilization and Culture*. St. Petersburg: SPbGUP Publ. (In Russ.)

Stepin V.S. (1999) Science, religion and contemporary problems of dialogue of cultures. In: Kasavin I.T., Porus V.N. (eds.) *Reason and Existence: An Analysis of Scientific and Extra-Scientific Forms of Thinking*. St. Petersburg: RKhGI Publ.: 21–34. (In Russ.)

Tishkov V. (2023) On reconciling constructivism and primordialism: tribute to Andrey Vladimirovich Golovnev. *Etnografiya* [Ethnography]. 1(19): 6–25. (In Russ.)

Varshaver E. (2022) “Stop beating the dead primordial horse”: actual agendas in the constructivist research of ethnicity. *Sociologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. No. 21(3): 31–58. <https://doi.org/> <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2022-3-31-58> (In Russ.)

Varshaver E. (2024) What exactly is studied when ethnicity is researched? A descriptive model for constructivist studies of ethnicity in the context of the cognitive turn. *Sociologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. No. 23(3): 94–126. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-3-94-126> (In Russ.)

Weber M. (1990) *Selected Works*. Moscow: Progress Publ. (In Russ.)

Wittgenstein L. (1994) *Philosophical Works*. Part I. Moscow: Gnosis Publishing House. (In Russ.)

Сведения об авторе: Васильева Ольга Валерьевна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (677027, ул. Петровского, 1, Якутск, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0001-9992-4163>; e-mail: Ovasileva.igi@mail.ru

About the author: Olga V. Vasileva, Cand. Sc. (Political Science), Senior Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (1 Petrovskiy St., Yakutsk 677027, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0001-9992-4163>; e-mail: Ovasileva.igi@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 24.10.2025

Доработана после рецензирования / Revised 08.12.2025

Принята к публикации / Accepted 22.12.2025

Идентичность в теории и прикладных исследованиях

Identity in Theory and Applied Research

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2026-11-1.101-115>

EDN: WXYUUC

О национальной и цивилизационной идентификации: полемические заметки о концепции Р. Брубейкера с опорой на идеи Л.М. Дробижевой

Э.А. Паин

*Институт социологии Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук
Москва, Российская Федерация
rainea@mail.ru*

Резюме. Данная статья задумана в жанре полемиических заметок, по сути тезисов. У этих тезисов – две основные задачи. Во-первых, наметить зону согласия и научных разногласий автора с идеями известного этносоциолога Роджера Брубейкера, высказанными в его в статье 2017 г. о двух типах политической идентичности (националистической и цивилизационной). Автор полемизирует с американским социологом о том, что цивилизационизм якобы вытесняет национализм в политической стратегии правых популистов Европы. Еще большие сомнения у нас вызывают попытки отождествления цивилизационной идеологии европейских правых популистов с цивилизационными идеями российских правых сил. На наш взгляд, такое отождествление не адекватно реальности и не учитывает историко-культурные особенности России. Во-вторых, статья мотивирована стремлением автора напомнить этносоциологическому сообществу ряд важных теоретико-методологических положений Л.М. Дробижевой об особенностях гражданской и государственной идентификации в России и о различиях между российскими принципами такой идентификации и теми, которые сформировались в рамках западной политической культуры. Эти идеи выдающегося российского социолога и этнолога чрезвычайно актуальны для современных дискуссий о специфике цивилизационной идентификации в России и на Западе.

Ключевые слова: национальная идентичность; гражданская идентичность; государственная идентичность; популизм; национализм; цивилизационизм

Для цитирования: Паин Э.А. О национальной и цивилизационной идентификации: полемиические заметки о концепции Р. Брубейкера с опорой на идеи Л.М. Дробижевой. *Историческая этнология*. 2026. Т. 11. № 1. С. 101–115. <https://doi.org/10.22378/he.2026-11-1.101-115>
EDN: WXYUUC

**On national and civilizational identification:
polemical notes on R. Brubaker's concept,
drawing on the ideas of L.M. Drobizheva**

E.A. Pain

*Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
painea@mail.ru*

Abstract. This article is intended as a polemical essay. The presented points have two main objectives. The first one is to outline the areas of agreement and scholarly disagreement between the author and the ideas of renowned ethnosociologist Rogers Brubaker, expressed in his 2017 article on two types of political identity (nationalist and civilizational). The paper argues with the American sociologist that civilizationalism is supposedly displacing nationalism in the political strategy of right-wing populists in Europe. The author is even more dubious about attempts to equate the civilizational ideology of European right-wing populists with the civilizational ideas of Russian right-wing forces. From the author's point of view, such an equation is inconsistent with reality and fails to take into account Russia's historical and cultural characteristics. Secondly, the article is motivated by the author's desire to remind the ethnosociological community of a number of important theoretical and methodological propositions by L.M. Drobizheva regarding the particular aspects of civic and state identification in Russia and the differences between Russian principles of such identification and those that developed within Western political culture. The distinguished Russian sociologist and ethnologist's ideas are extremely relevant in the context of contemporary discussions about the specifics of civilizational identification in Russia and the West.

Keywords: national identity; civic identity; state identity; populism; nationalism; civilizationalism

For citation: Pain E.A. (2026) On national and civilizational identification: polemical notes on R. Brubaker's concept, drawing on the ideas of L.M. Drobizheva. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 11. No. 1: 101–115. <https://doi.org/10.22378/he.2026-11-1.101-115> (In Russ.)

Известный американский социолог Роджерс Брубейкер в 2017 г. представил концепцию поворота в стратегии правых политических сил в Европе (Brubaker, 2017: 1191–1226). Его идеи до сих пор обсуждаются в научном сообществе (Булатов, 2024; Осколков, 2019). Нас заинтересовал в этой концепции ее акцент, подчеркивающий различия между двумя видами политической идентификации народа: национализмом (как этническим, так и гражданским), с одной стороны, и «цивилизационизмом» – с другой. Последний термин, предложенный Р. Брубейкером, означает, по мнению исследователя, новую политико-идеологическую стратегию право-популистских движений Европы, в которой основным источником политической идентичности и мобилизации масс выступает апелляция не к нации, как это было до недавнего времени, а к «цивилизации», описываемой им в культурно-конфессиональных и геополитических ка-

тегориях, прежде всего, противостояния таких цивилизаций, как «христианская Европа» и «исламский мир».

Главный тезис американского социолога состоит в том, что, начиная с 2010-х годов, идеология европейского правого популизма, судя по дискурсу таких его лидеров как Марин Ле Пен, Герт Вильдерс, Виктор Орбан и ряд других, смещается от национализма к «цивилизационизму». Согласно утверждению ученого, с указанного времени европейские правые популисты стали больше апеллировать к христианской Европе, которую нужно защищать от «вторжения ислама» в лице мигрантов из Азии и Африки, а также от либеральной глобализации. В это же время, по мнению Брубейкера, изменилось содержание критических выступлений право-популистских партий Европы, поскольку острие их критики стало направленным не столько в сторону глобализма, сколько против национальной либеральной космополитической элиты, навязывающей европейцам мультикультурную толерантность, которая якобы разрушает традиционные христианские ценности. Для Р. Брубейкера это не просто смена идеологем, а указание на «макро-идентификационный сдвиг» – от националистического к цивилизационному нарративу (Brubaker, 2017: 1193).

Последователи концепции Брубейкера расширяют его идею до глобальных масштабов, отмечая, что и в России проявляется такой же сдвиг (Осколков, 2019: 63–69). Изложив общие контуры идеи американского социолога и ее интерпретацию российскими последователями, мы переходим к полемике с ней. Наши возражения относятся, главным образом, к двум вопросам: во-первых, мы заявляем об отсутствии радикального поворота от национализма к цивилизационизму в политике и в дискурсе европейских правых сил; во-вторых, отрицаем тождественность в процессах политической идентификации и развития правой идеологии в Европе и в России.

*Язык цивилизационных различий не вытесняет язык.
Национализма у европейских правых сил*

Р. Брубейкер пишет, что в дискурсе правых популистов «язык цивилизации расширяется и отчасти вытесняет язык наций» (Brubaker, 2017: 1193). Мы же выражаем сомнение в справедливости этого утверждения, отмечая, что перемены в дискурсе правых популистов в странах Европы, проявляющиеся в артикуляции страхов перед нашествием «враждебной исламской цивилизации», проявляются лишь в ограниченных сферах общественной и политической жизни. Речь идет, прежде всего, о проблемах миграции. Мы задались вопросом: какое место занимает миграционная тематика в дискурсе правых популистов в Европе? Изучению такого дискурса посвящено множество интересных публикаций последних лет. Мы используем одно из этих исследований, а именно доклад «Анализ активности право-популистских партий в Twitter» (Сабанский, 2023). Объектом этого исследования выступали семь крупнейших правых партий Европы: «Австрийская партия свободы», Австрия; «Фламандский интерес», Бельгия; «Датская народная партия», Дания; «Истинные финны», Финляндия;

Национальное объединение», Франция; «Альтернатива для Германии» (АдГ), ФРГ; «Лига за премьера Сальвини», Италия.

Мы сравнивали данные указанного исследования дискурса крупнейших правых сил Европы с результатами нашего исследования дискурса в Телеграм – каналах (ТГ-каналах) российских правых блогеров.

Российское исследование показало, что интерес к антиэмиграционной тематике нарастал месяц от месяца, и к концу 2024 г. эта тема стала лидером по удельному весу в годовом контенте изученных нами правых российских группировок, опережая даже их комментарии по теме СВО и действий Запада (Паин, 2025: 45). Мониторинг контента ТГ-каналов в первой половине 2025 г. полностью подтвердил наш прошлогодний прогноз роста мигрантофобии у российских правых. Тема мигрантов в их дискурсе, все чаще сопрягающаяся с тематикой этнической преступности, терроризма, диаспор и их связей с антироссийскими силами, ныне не только занимает первое место в списке тем, обсуждаемых правыми, но и привлекает к себе все новых комментаторов, включая тех, кто ранее не интересовался миграционными проблемами, например, военкоров, которые еще недавно специализировались исключительно на освещении темы СВО. Каково же было наше удивление тем, что у европейских правых сил интерес к проблемам миграции со временем не возростал, а слабел, при этом ни у одной из семи упомянутых партий антиэмигрантская риторика не доминировала в дискурсе. Сравнительно наибольшую долю она составляла у партии «Фламандский интерес» – 26,5% их годового дискурса. Зато у самых известных и влиятельных популистских партий континента доля антиэмигрантского дискурса была весьма незначительной и составляла: у «Альтернативы для Германии» – 13,1%, у французской партии «Национальное объединение», лидером которой является многократный претендент на пост президента страны Марин Ле Пен – 6,1%.

Вероятно, можно было бы отнестись к данным этого локального исследования, выполненного далеко не самым известным экспертом, с изрядной долей недоверия, если бы не совпадение данных молодого исследователя В.А. Сабанского с выводами выдающихся современных обществоведов. Известный историк политики Джеффри Хоскинг, знаменитый британский политический социолог Фрэнк Фуреди, американский политический философ Майкл Сэндел и другие авторитетные эксперты отмечают, что миграционная тематика сильно преувеличена обозревателями и вовсе не является превалирующей у правых популистов. Еще важнее замечания упомянутых нами известных экспертов о фактической и методологической ошибке многих исследователей популизма, которые придают излишне большое значение ксенофобии, в частности мигрантофобии, не осознавая того, что эти явления представляют собой лишь вершину популистского айсберга или иначе внешнюю оболочку популистских движений, за которой скрываются менее заметные для неискушенных обозревателей, но более фундаментальные и значимые причины массового недовольства населения европейских государств. К числу таких причин эксперты относят следующие.

1. Недовольство экономическими условиями жизни, вызванными, в частности, бесконтрольным переносом производств из Европы в страны с наименьшими сравнительными издержками. Это привело к деиндустриализации целых отраслей экономики, сокращению рабочих мест и росту безработицы, особенно в периферийных районах европейских стран. Приток в те же районы мигрантов, как более дешевой рабочей силы, увеличил эти недовольства.

2. Нарастание социальной поляризации между богатыми и бедными, массами и элитой внутри европейских обществ, которое вызывает растущее недовольство масс и рост протестных антиэлитарных настроений.

3. Эрозия партийно-политической системы западного мира, при которой демократия превратилась в «аудиторную демократию», оставляющую гражданам лишь роль пассивных наблюдателей в политике. Разумеется, эта тенденция негативно оценивается массовым общественным мнением в Европе и в США.

4. Рост интереса рядовых граждан европейских стран и американцев к ценностям патриотизма и национальной идентичности, оставшийся незамеченным и не оцененным космополитическими элитами. Между тем, такой рост стал одним из важнейших факторов подъема национал-популизма. Указанная динамика патриотических чувств во многом объясняет растущую популярность у граждан западных стран таких политических лозунгов как «Америка прежде всего», «Германия превыше всех» или «возродим величие Франции».

Исследователи зачастую недооценивают эти перемены в массовом сознании граждан стран Запада. Эмиль Паин в интервью казанской интернет-газете «Реальное время» подчеркнул: «Если в 1990-е социологи и антропологи считали, что ренессанс традиционной культуры характерен лишь для стран-аутсайдеров, отстающих в социальном и экономическом развитии, то уже в начале 2000-х подобные процессы стали проявляться и в самых развитых государствах Европы и Америки»¹. Паин ссылается на немецкого исследователя Клауса Зегберса, который в 2019 г. отмечал, что «во множестве стран люди активно начинают задумываться о том, что они именуют «политиками идентичности» – те видятся им более важными, чем экономическая политика»².

По мнению Джеффри Хоскинга, подъем правого популизма свидетельствует не об ослаблении его националистической направленности, а напротив о ее возрождении. Одна из публикаций этого историка так и называется: «Почему национализм возрождается в Европе?» (Why Has Nationalism Revived in Europe?) (Hosking, 2019). Статья Дж. Хоскинга, хоть и написана на год раньше, чем упоминаемая нами статья Р. Брубейкера, по сути опровергает идею американского социолога о повороте правого популизма от национализма к цивилизационизму. Говоря о возрождении национализма как идейно-политического стержня популизма, Хоскинг имеет в виду прежде всего гражданский национа-

¹ Политический этнограф Эмиль Паин о современной мифологии и о реальных традициях // Реальное время. 16.02.2020. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/166051-emil-pain-o-realnyh-rossiyskih-tradiciyah> (дата обращения: 11.11. 2025).

² Там же.

лизм, при котором «мы» (народ) противопоставляется «они» (космополитическая элита) европейских стран и, особенно, бюрократии ЕС. Вот как это сформулировано в программе одной из правых партий «Братья Италии»: «сопротивление ЕС как наднациональному образованию, управляемому не избираемыми бюрократами и технократами, навязывающими сверху свои решения народам Европы» (Алексеевкова, 2022).

Все право-популистские партии Европы демонстрируют, пусть и в разной мере, евроскептицизм – стремление освободиться от давления институтов ЕС, по отношению к которым формируется их гражданский национализм. Таким образом политики национальных государств выражают свое неприятие диктата со стороны наднационального образования. Материалы упомянутого контент-анализа дискурса правых популистов Европы показывают, что бесспорным лидером по удельному весу в ежегодном дискурсе правых популистов выступает тема антиэлитизма. У французского «Национального объединения» она составляет 57,6%, у германской АдГ – 43,5%, у «Австрийская партия свободы» – 40%; и в других исследованных партиях эта тема отбирает около трети готового контента, опережая в их социальных сетях все остальные темы, комментируемые европейскими правыми партиями. Приоритет этого нарратива полностью соответствует важнейшему признаку популизма в широко признанной теории К. Мюдде – К. Р. Кальтвассера. Ее основоположник Кас Мюдде определяет популизм как «идеологию, представляющую общество разделенным на две гомогенные и противостоящие друг другу группы – ‘непогрешимый народ’ против ‘коррупцированной элиты’ и настаивающую на том, что политика должна выражать общую волю» (Mudde, 2004: 543).

Итак, за пределами антиэмиграционной тематики идея «цивилизацинизма» мало заметна или даже вовсе не проявляется в дискурсе правых популистов Европы, поэтому вряд ли уместно говорить о тектоническом сдвиге в риторике европейских правых сил. Их повседневная практика и политическая стратегия остаются национально ориентированными.

Идеология правого популизма в Европе существенно отличается от идей правого консерватизма в России

Обычно при характеристике сходства позиций правых политических движений в Европе и в России называют однотипные антимиграционные настроения, апелляцию к традиционным ценностям и к суверенизму. Однако мы пытались показать, что даже негативное отношение к мигрантам в сравниваемых сообществах не одинаковое, по крайней мере, значимость этой проблематики и ее временная динамика не совпадают. Что касается апелляции к традициям, то сравнительный анализ выявил существенные различия в содержании европейских и российских традиционных ценностей. Важнее всего то, что ключевой для европейских популистов признак антиэлитизма почти не просматривается ныне у российских правых сил, которые позиционируют себя как опора власти и политической элиты.

Можно говорить о том, что европейские правые партии и движения с полным основанием могут быть названы популистами, поскольку они публично выступают от имени народа, противопоставляемого элите. Российские же правые консерваторы не являются популистами с точки зрения теории К. Мюдде – К.Р. Кальтвассера. В рамках ее постулатов российские правые – это противоположность популистов. Их можно назвать этатистами, державниками, выступающими с охранительных позиций в отношении государства и сложившегося в нем политического порядка. Российские правые консерваторы тоже могут апеллировать к народу России, но не в социально-политическом значении этого понятия – как «источника власти в государстве», а преимущественно в культурно-цивилизационном смысле, примерно в таком, в каком термин «народность» использовался в знаменитой триаде (Православие. Самодержавие. Народность) графа С.С. Уварова – как верность народа самобытному культурному наследию России и ее особому пути, сейчас при этом подчеркивают цивилизационный путь.

Подходы европейских и российских правых сил к суверенизму также различаются почти полярно. В Европе утвердилось гражданское понимание нации – как ведущего элемента в политической системе, занимающей приоритетное положение по отношению к государству, – опирающееся на идею народного суверенитета. Среди российских консерваторов преобладает представление об исключительно государственной природе суверенитета. При этом сама сущность государства понимается по-разному сравниваемыми сообществами правых сил. В российском социально-культурном и политическом контексте государство воспринимается не как продукт общественного договора, а как извечный, трансцендентный источник порядка и защиты народа.

Правых популистов Европы можно с полным основанием назвать не только популистами, но и национальными популистами (или национал-популистами). Марин Ле Пен так сформулировала их идеал: «Европа – пространство свободных и суверенных наций», а основная угроза этому идеалу ей, как и большинству других национал-популистов Европы, видится в превращении ЕС в единое многонациональное государство. Среди российских консерваторов преобладает имперский суверенизм, его идеал – «многонациональное государство-цивилизация», при этом российские правые рассматривают это государство как возвращение к модели Российской империи.

Терминология одинаковая – значение разное

Название этого подраздела я взял из статьи Л.М Дробижевой – одного из моих научных учителей еще по аспирантуре Института этнографии АН СССР в конце 1970-х годов. Затем мы вместе работали в Институте социологии РАН. Два десятилетия назад Леокадия Михайловна Дробижева написала: «Здесь важно обратить внимание на разное значение одних и тех же терминов и понятий» (Дробижева, 2006: 12). Это важное методологическое утверждение выступает как начало текста, имеющего прямое отношение к теме данной статьи, по-

этому я процитирую высказывание Леокадии Михайловны о различиях политической культуры на Западе и в России весьма подробно: «Во Франции, Великобритании, США, Швейцарии, – пишет Л.М. Дробижева, – рождение политической нации как политических сообществ, консолидированных в рамках конституционного государства, имеющих политическую, договорную природу, связано с идеями демократии, суверенитета самоуправляющегося народа. ... Иная традиция складывалась в России. Государство и в дореволюционной России, и в Советском Союзе характеризовалось высоким уровнем централизации и иерархизации власти и населения (в сравнении с конституционными и впоследствии с демократическими государствами), не дававшими возможности самоорганизации общества, противопоставлявшими принцип гражданства принципу подданчества власти. В силу сложившегося исторического шлейфа восприятий и представлений в России принципиально важно различать государственное и гражданское самосознание. И в этом отличие российской ситуации от французской или ситуации в США, Швейцарии, где формирование политической нации государства связано со становлением самоуправляющегося народа. Там государственная и гражданская идентичности сложились как равнозначные понятия, а у нас они не могут не различаться. Государственная – российская – идентичность, за которую давно активно ратует известный российский ученый В.А. Тишков, складывается значительно проще и поэтому быстрее, чем гражданское самосознание россиян» (Дробижева, 2006: 13).

Следуя логике Л.М. Дробижевой, российскую политическую культуру можно определить, как цивилизационно-этактистскую. В ней легитимность власти проистекает не из системы договорных отношений общества с государством, а как результат исторически унаследованных, устойчивых представлений о миссии государства. Главная миссия государства – сохранение целостности страны и интеграция народов, культур и территорий.

На заседании Всемирного русского народного собора 23 ноября 2023 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин изложил видение концепта государства-цивилизации как миссии и целевого проекта:

... мы отстаиваем безопасность и благополучие нашего народа, высшее, историческое право быть Россией – сильной, независимой державой, страной-цивилизацией. ... Наше многообразие и единство культур, традиций, языков, этносов просто не укладываются в логику западных расистов и колонизаторов, в их жестокую схему тотального обезличивания, разобщения, подавления и эксплуатации. ... Русский мир – это Древняя Русь, Московское царство, Российская империя, Советский Союз, это современная Россия, которая возвращает, укрепляет и умножает свой суверенитет как мировая держава. Русский мир объединяет всех, кто чувствует духовную связь с нашей Родиной, кто считает себя носителем русского языка, истории, культуры независимо даже от национальной или религиозной принадлежности. Но хочу подчеркнуть: без русских как этноса, без русского народа нет и не

может быть Русского мира и самой России. В этом утверждении нет какой-то претензии на превосходство, на исключительность, на избранность. Это просто факт, как и то, что в нашей Конституции четко закреплён статус русского языка как языка государствообразующего народа. Русский – это больше чем национальность. Так всегда было, кстати говоря, в истории нашей страны. Это в том числе культурная, духовная, историческая идентичность. ...У многих наших народов, слава богу, сохраняется традиция крепкой, многопоколенной семьи, где воспитываются четверо, пятеро и больше детей. Вспомним, что и в русских семьях, у многих наших бабушек, прабабушек детей было и по семь, и по восемь человек, и того больше. Давайте эти замечательные традиции сберечь и возродить. Многодетность, большая семья должны стать нормой, образом жизни для всех народов России. А семья – это не просто основа государства и общества, это духовное явление, источник нравственности³.

Резюмируя это большое выступление, мы можем кратко сформулировать основные черты современной российской идеологической концепции государства-цивилизации:

1. Государство-цивилизация – это наднациональная, цивилизационная общность.

2. Идеино объединяет государство-цивилизацию идеология «Русского мира», подчеркивающая «общность исторической судьбы» и «единство мировоззрения» народов России – носителей единых традиционных духовно-нравственных ценностей.

3. Ядром этой общности является русский народ как «государствообразующий народ».

4. Особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию.

5. «Русский мир» уважает, поддерживает и защищает многообразие религий, культур, традиций и языков народов, его составляющих.

Цивилизационная идеология хорошо воспринимается массовым сознанием жителей России. В то же время она получает свое утрированное выражение в программных концепциях правых российских консерваторов, которые рассматривают эту идеологию как инструмент расширения своей социальной базы и политической мобилизации новых сторонников.

Вот как этот запрос сформулировал один из наиболее заметных право-консервативных идеологов современной России А.Г. Дугин.

Всё общество должно отчётливо понимать, кто мы как народ, откуда взялись и куда идём. Хватит бояться русского. Тем, что мы русские, надо гордиться. Мы должны возвести Русскую Идею на верши-

³ Пленарное заседание Всемирного Русского Народного Собора 23 ноября 2023 г. Материалы. Выступление В.В. Путина. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72863> (дата обращения: 15.10.2025).

ну пьедестала и поставить в центре политики, культуры, промышленности – в центре общественного бытия.

Именно исходя из Русской Идеи должны строиться образовательная, социальная, культурная политика, воспитание, кодекс поведения всех слоёв общества начиная с высшего руководства страны. ...

Русская Идея должна полностью заменить импортированный с Запада эгоистический и, по сути, русофобский, подрывной для нашей ценностной системы либерализм. С ним надо покончить раз и навсегда. Он автоматически ведёт к атомизации, отчуждению и разрушению народного единства. Более того, под лозунгом свободы либералы порождают новые модели порабощения и всеобщего контроля. Это и есть культура отмены.

Либо мы немедленно, всем миром – от чиновников до простых граждан – присягаем Русской Идее, либо нас ждёт катастрофа, ещё более страшная, чем та, с которой мы недавно столкнулись⁴.

Впрочем, поиск нового интеграционного базиса России – «русской идеи» – начался практически сразу после распада СССР в связи с очевидностью идеологического вакуума, возникшего вследствие крушения советской идеологии. Кроме того, в это время в России происходили фундаментальные изменения этнополитической ситуации. В книге «Этнополитический маятник» Э.А. Паин пришел к выводу о циклической смене приоритетной активности в этнополитической мобилизации этнических меньшинств и русского этнического большинства (Паин, 2004: 177–187). Если в 1987–1991 гг. существенный рост этнического самосознания и, зачастую, рост этнополитической мобилизации был характерен для этнических меньшинств, то с 1991 г. стало быстро расти этническое самосознание русских в России. Эти выводы опирались на результаты этносоциологических исследований научного коллектива под руководством Л.М. Дробижевой (Паин, 2004: 184).

Подъем русского этнического самосознания был замечен не только исследователями, но и пропагандистами-идеологами консервативного направления, которые использовали данные ученых для формирования идеологии «Русского мира». К началу второго десятилетия XXI в. такой комплекс идей уже в достаточной степени оформился. Его политико-философским ядром стали идеи консерватизма, традиционных нравственных ценностей и особой русской цивилизации, а в формировании его наиболее существенную роль сыграла Русская Православная Церковь (РПЦ).

В 1993 г. под патронажем РПЦ был основан Всемирный Русский Народный Собор – общественная организация, которая последовательно занималась формулированием комплекса идей «Русского мира». В состав Президиума ВРНС входил А.Г. Дугин в качестве одного из основных идеологов.

⁴ Telegram-канал AGDchan Александра Дугина. URL: <https://t.me/Agdchan/11190> (дата обращения: 8.10.2025).

В докладе на пленарном заседании Всемирного Русского Народного Собора (ВРНС) от 28 ноября 23 г. Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл изложил не просто отдельные идеи, а целостную развернутую программу, над которой работали не одно десятилетие многие идеологи правоконсервативной направленности. Рамки журнальной статьи не позволяют нам привести полный текст доклада Патриарх Кирилла, который дал, пожалуй, наиболее полное на сегодняшний день описание комплекса идей «Русского мира», поэтому мы ограничимся выдержками из этого материала.

Некоторым культурам свойственно выходить за естественные национальные границы и, преодолевая этническую замкнутость, самим становиться источником для развития других народов и оказывать влияние на их общественное устройство и духовную жизнь. ...

Определяющее значение имеет единство культуры, состоящее в осознании народами общности исторической судьбы и общности духовно-нравственных ценностей, от чего и проистекает, в свою очередь, единство мировоззрения. ...

Общность мировоззренческих идей и нравственных ценностей объединяет людей разного этнического происхождения, разных вероисповеданий и культурных традиций. ...

Ключевое понятие, общий знаменатель в формуле Русского мира – традиция. ...

Семья – это основа русской национальной жизни и внутренний оплот традиции Русского мира, имеющий ключевое значение для всех религиозных культур. ...

Россия способна поддерживать в единстве различные культуры тогда и только тогда, когда сама себя она осознаёт православной. ...

Природная доброта русского человека, терпимость и способность мирно уживаться с другими народами, не навязывая своих убеждений, сформировали уникальную модель государственного и общественного устройства на основе полиэтничности и поликультурности, взаимного уважения представителей разных религиозных традиций⁵.

В совокупности этих тезисов отчетливо просматривается ключевая задача, которую пытаются решить идеологи «Русского мира» – задача поиск базиса общей политической идентичности российского государства. В многонациональной и многоконфессиональной стране общая идентичность естественным образом не может быть этнической или религиозной, однако, в данном случае она не может быть и гражданской, поскольку классическое понимание гражданской нации принадлежит корпусу идей западного политического либерализма, который идеологам «Русского мира» чужд. Таким образом, новая иден-

⁵ Доклад Патриарха Московского и Всея Руси на пленарном заседании Всемирного Русского Народного Собора 28 ноября 2023 г. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6080946.html> (дата обращения: 08.10.2025).

тичность видится им полностью идеоцентричной, а ее основой выступает общность мировоззрения и традиционных ценностей.

Мы попытались очертить основные черты цивилизационизма в редакции российских правых консерваторов. Подчеркнем нашу позицию – эта версия цивилизационной идеологии, хоть и не вступает в прямой конфликт с официальной российской концепцией, но сильно утрирует ее.

В это же время европейский правый популизм остается национально ориентированным, защищающим интересы суверенных наций от угроз (реальных или мнимых) со стороны наднациональных институтов ЕС. Цивилизационная идеология используется европейскими право-популистами весьма ограниченно – всего лишь как метафора, риторический прием в узких сферах политической жизни, в первую очередь при формулировке их позиции по проблемам миграционной политики. За пределами этой сферы национализм, прежде всего гражданские проявления, остается ядром идеологии европейских национал-популистов.

Мы отразили схематически основные различия в характере использования цивилизационной идеологии и терминологии правыми силами в Европе и в России (табл.).

Таблица

Ключевые различия использования правыми силами цивилизационной идеологии и терминологии в Европе и в России

Цивилизационизм в Европе (взгляд правых национал-популистов)	Цивилизационизм в Россия (взгляд правых консерваторов)
Надстраивается (при этом весьма узким слоем) над идеей наций. Европа по-прежнему мыслится как «пространство суверенных наций»	Теснит идею «Российская нация», идеей «Государство-нация»
Протестный, обращен к электорату и мобилизует его против космополитической либеральной элиты	Лояльный элите и государственной власти, легитимирует идею «особого пути России»
Защищает идею народного суверенитета	Защищает только государственный суверенитет России как «мировой державы»
Отвергает идею строительства Европы как единого многонационального государства	Защищает идею целостности России как единого многонационального государства

* * *

Статья Р. Брубейкера «Между национализмом и цивилизационизмом ...» была написана в 2017 г., в период, когда в мировом обществоведении преобладали концепции гиперглобализма, предсказывающие такое развитие глобализации, которое приведет к полному исчерпанию необходимости в национальном государстве и к переходу человечества в эпоху пост национального мира. Эта же тенденция, на наш взгляд, отразилась и в идее Брубейкера о радикальном

расширении политического горизонта популизма, который перерастает национальные рамки и перестает быть французским, голландским или венгерским, а становится общеевропейским. Такой поворот трактуется американским социологом как «способ адаптации популизма к развитию глобализации» (Brubaker, 2017: 1193). Однако уже к началу 2020-х годов стала усиливаться популярность противоположной концепции гиперсуверенизма, предполагающего наступление эпохи деглобализации и роста изоляционизма национальных государств. Мы весьма критически оцениваем обе крайности, как гиперглобализм, так и гиперсуверенизм, но, сомневаясь в наступлении деглобализации, мы не сомневаемся в проявлениях тенденции ослабления и массовом сознании граждан стран ЕС общеевропейской идентичности и одновременно роста политического евроскептицизма в элитарных кругах. Параллельно с этим среди национал-популистов в странах ЕС и в США усиливается поддержка идеи «суверенизма» – представления о приоритетности национального уровня организации политической, экономической и правовой систем над международными. Рост суверенизма нашел яркое отражение в одном из ключевых лозунгов «трампизма» – *America first*. Похожие лозунги транслируют и многие европейские лидеры. Так или иначе, «правый поворот» на Западе, отмечаемый многими авторитетными политологами, имеет явные признаки национализма, поэтому не зря трактуется как национальный популизм или национал-популизм. Мы солидарны с выводом Дж. Хоскинга о том, что на Западе национализм не отступает, а напротив возрождается в современных условиях.

Если для европейских правых цивилизационная риторика является всего лишь метафорой, используемой исключительно в сфере миграционной политики, то для российских правых консерваторов цивилизационная идея является стержнем их мировоззрения, обосновывающим неизбежность особого пути России. По поводу историко-цивилизационных особенностей России существуют крайние точки зрения: от эссенциалистских представлений о чуть ли не генетически закрепленных в народе и неизменных культурных особенностях русского и других народов России – до полного, нигилистического отрицания исторически устойчивых форм политической культуры. Мы попытались пройти между Сциллой и Харибдой крайних точек зрения и путеводителем нам служило во многом теоретико-методологическое наследие Леокадии Михайловны Дробижевой.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеенкова Е.С. Трансформация правого популизма в Италии 2018–2022 гг.: от суверенизма к патриотизму // Современная Европа. 2022. № 7. С. 42–56. <https://doi.org/10.31857/S020170832207004X>. EDN: KVSGRM

Булатов М.Р. Риторика крайне правых партий в России и Германии: сравнительный дискурс-анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2024. Т. 17. Вып. 1. С. 33–46. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.103>

Дробижева Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / отв. ред. В.С. Магун. М.: Издательство Института социологии РАН, 2006. С. 10–29.

Красикова Л.В. Трансформация евроскептицизма партии “Национальное объединение” (2017–2022). Анализ и прогноз // Журнал ИМЭМО РАН. 2022. № 3. С. 91–103. <https://doi.org/10.20542/afij-2022-3-91-103>

Малафеев К.В. Империя. Образ будущего. М.: АСТ, 2022.

Осколков П.В. Правый популизм в Европейском союзе. Москва, ИЕ РАН, 2019.

Паин Э.А. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М.: Институт социологии РАН, 2004.

Паин Э.А. “Белые”, “красные”, “зеленые”: идейное и этноконфессиональное многоцветье современного российского консерватизма (на основе контент-анализа Telegram-каналов) // Социологические исследования. 2025. № 3. С. 40–53. <https://doi.org/10.7868/S3034601025030042>

Сабанский В.А. Анализ активности правопопулистских партий в Twitter. Молодежная (онлайн) дискуссия “Цифровой Левиафан: трансформация государства, общества и институтов в эпоху диджитализации”. Минск, 20 февраля 2023 г. URL: http://edoc.bseu.by:8080/bitstream/edoc/98737/1/Sabanskiy_84_88.pdf (дата обращения: 09.10.2025).

Brubaker R. Between nationalism and civilizationism: the European populist moment in comparative perspective // *Ethnic and Racial Studies*. 2017. № 40 (8). P. 1191–1226.

Hosking G. “Why Has Nationalism Revived in Europe?” // *Nations and Nationalism*. 2016. № 2 (22). P. 212–219.

Mudde C. “The Populist Zeitgeist” // *Government and Opposition*. 2004. №39 (4). P. 541–563.

REFERENCES

Alekseenkova E.S. (2022) Transformation of right-wing populism in Italy 2018–2022: From sovereignty to patriotism. *Sovremennaya Yevropa* [Modern Europe]. No. 7: 42–56. <https://doi.org/10.31857/S020170832207004X> (In Russ.)

Brubaker R. (2017) Between nationalism and civilizationism: the European populist moment in comparative perspective. *Ethnic and Racial Studies*. No 40 (8): 1191–1226.

Bulatov M.R. (2024) Rhetoric of far-right parties in Russia and Germany: a comparative discourse analysis. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya* [Bulletin of St. Petersburg University. Sociology]. Vol. 17. No. 1: 33–46. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.103> (In Russ.)

Drobizheva L.M. (2006) State and ethnic identity: choice and mobility. In: *Civil, Ethnic, and Religious Identities in Contemporary Russia*. Magun V.S. (ed.) Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences Publ.: 10–29. (In Russ.)

Hosking G. (2016) “Why Has Nationalism Revived in Europe?”. *Nations and Nationalism*. No. 2 (22): 212–219.

Krasikova L.V. (2022) Transformation of euroscepticism of the national unification party (2017-2022). Analysis and Forecast. *Zhurnal IMEMO RAN* [Journal of IMEMO RAS]. No. 3: 91–103. <https://doi.org/10.20542/afj-2022-391-103> (In Russ.)

Malofeev K.V. (2022) *Empire. Image of the Future*. Moscow: AST Publ. (In Russ.)

Mudde C. (2004) “The Populist Zeitgeist”. *Government and Opposition*. No. 39 (4): 541–563.

Oskolkov P.V. (2019) *Right-Wing Populism in the European Union*. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences.

Pain E.A. (2004) *Ethnopolitical Pendulum. Dynamics and Mechanisms of Ethnopolitical Processes in Post-Soviet Russia*. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Pain E.A. (2025) “Whites,” “Reds,” “Greens”: the ideological and ethnoconfessional diversity of modern Russian conservatism (based on a content analysis of Telegram channels). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 40–53. <https://doi.org/10.7868/S3034601025030042> (In Russ.)

Sabanskiy V.A. (2023) Analysis of the activity of right-wing populist parties on Twitter. In: *Digital Leviathan: Transformation of the State, Society and Institutions in the Era of Digitalization*. Minsk, February 20. URL: http://edoc.bseu.by:8080/bitstream/edoc/98737/1/Sabanskiy_84_88.pdf (In Russ.)

Сведения об авторе: Паин Эмиль Абрамович, доктор политических наук, кандидат исторических наук (этнология), ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (117218, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, Москва, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-8796-187X>; e-mail: painea@mail.ru

About the author: Emil A. Pain, Doctor Sc. (Political Science), Cand. Sc. (History), Leading Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (24/35, building 5 Krzhizhanovskiy St., Moscow 117218, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-8796-187X>; e-mail: pinea@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 31.10.2025

Доработана после рецензирования / Revised 01.12.2025

Принята к публикации / Accepted 15.12.2025

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2026-11-1.116-130>

EDN: YJTBQE

Региональная и этническая идентичность в контексте формирования общероссийской гражданской идентичности: классический подход и актуальные исследования

В.В. Черникова

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая

Российской академии наук

Москва, Российская Федерация

Воронежский государственный университет

Воронеж, Российская Федерация

victoriacher@list.ru

Резюме. В статье на основе опроса общественного мнения (он был осуществлен в Воронежской области в июне – июле 2025 г., опрошено 500 респондентов) и серии фокус-групп со студентами гуманитарных и технических специальностей дан анализ динамики консолидирующих факторов общероссийской гражданской идентичности, очерчиваются границы влияния региональной и этнической идентичности (всего было проведено 3 фокус-группы с участием студентов Воронежского государственного университета и Воронежского государственного технического университета). Высокий уровень (92%) общероссийской гражданской идентичности не отменяет наличие множественных идентичностей и важность их соотношения.

В исследовании делается фокус на границы группы, с которой идентифицируют себя граждане в условиях СВО и внешнего давления. Изучением объединяющих факторов занималась Леокадия Михайловна Дробижева. Под её руководством в 2015–2018 гг. было проведено общероссийское исследование, которое выявило значимые для россиян консолидирующие факторы. В новых условиях было важно оценить, как изменился их набор, как расставлены приоритеты в восприятии этих факторов. Сделана попытка анализа специфики солидарности в условиях длительного нарушения «нормальности». В статье затрагиваются риски, с которыми может столкнуться политика идентичности после восстановления обычной жизни и ухода от мобилизационной идентичности.

Результаты исследования позволяют рассматривать региональную и этническую идентичность как органично связанную с общероссийской гражданской идентичностью. А сама общероссийская гражданская идентичность имеет черты мобилизационной, что обусловлено не столько проводимой государством политикой, сколько внешними условиями и потребностью общества в солидарном ответе вызовам.

Ключевые слова: общероссийская гражданская идентичность; этническая идентичность; региональная идентичность; консолидирующие факторы; солидарность; историческая память; политика идентичности; СВО; внешние вызовы

Для цитирования: Черникова В.В. Региональная и этническая идентичность в контексте формирования общероссийской гражданской идентичности: классический подход и актуальные исследования. *Историческая этнология*. 2026. Т. 11. № 1. С. 116–130. <https://doi.org/10.22378/he.2026-11-1.116-130> EDN: YJTBQE

Благодарности. Автор выражает благодарность Леокадии Михайловне Дробизевой за мудрость, новаторство, научную школу и идеи, вдохновляющие на исследования.

Regional and ethnic identity in the context of the formation of all-Russian civic identity: the classical approach and current research

V.V. Chernikova

*N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation*

*Voronezh State University
Voronezh, Russian Federation
victoriacher@list.ru*

Abstract. The study analyzes the dynamics of the consolidating factors of the all-Russian civic identity based on the analysis of the conducted public opinion survey (which was conducted in the Voronezh region in June-July 2025, with 500 respondents surveyed) and a series of focus groups with students of the humanities and technical specialties. (In total, three focus groups were conducted with the participation of students from the Voronezh State University and the Voronezh State Technical University.) The paper outlines the boundaries of the influence of regional and ethnic identity. A high level (92%) of all-Russian civic identity does not negate the existence of multiple identities and the importance of their relationship.

The study focuses on the boundaries of the group that citizens identify with in the context of the special military operation and external pressure. Leokadia M. Drobizheva studied consolidating factors as part of her research work. Under her leadership, an all-Russian study was conducted in 2015-2018, which revealed significant consolidating factors for Russians. Under the changed conditions, it was important to assess whether that list had changed and how priorities were set in the perception of these factors. The study has made to analyze the specifics of solidarity in conditions of prolonged violation of “normality.” The article discusses the risks that identity politics may face upon the restoration of ordinary life and the transition away from mobilization identity.

The results of the study allow us to consider regional and ethnic identity as organically linked to the all-Russian civic identity. At the same time, the all-Russian civic identity itself has features of mobilization, which is not so much due to the policy pursued by the state, as to external conditions and the need for society to respond in solidarity to challenges.

Keywords: all-Russian civic identity; ethnic identity; regional identity; consolidating factors; solidarity; historical memory; identity politics; special military operation; external challenges

For citation: Chernikova V.V. (2026) Regional and ethnic identity in the context of the formation of all-Russian civic identity: the classical approach and current research. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 11. No. 1: 116–130. <https://doi.org/10.22378/he.2026-11-1.116-130> (In Russ.)

Acknowledgments. The author expresses gratitude to Leokadia Mikhailovna Drobizheva for her wisdom, innovation, scientific school, and ideas that inspire research.

Тема идентичности в последние годы находится в центре работ политологов, социологов, психологов, историков, юристов и других учёных. В зависимости от смены генеральных трендов объектом исследования становится региональная, национальная, глобальная, цивилизационная и другие идентичности. Эти работы позволяют не только обобщить опыт, но и посмотреть на идентичность как сложное, многосоставное явление.

Обобщение различных подходов и уровней идентичности ярко представлено в книге под редакцией И.С. Семененко «Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля» (Идентичность: личность, общество..., 2023). Глубокое осмысление и выход на практическое измерение дано в исследованиях коллектива под руководством Л.М. Дробижевой (Содержательные основы российской идентичности..., 2021).

Формирование общероссийской гражданской идентичности отражено в стратегических документах. В Стратегии государственной национальной политики до 2025 г. одной из целей обозначена необходимость укрепления общероссийской гражданской идентичности и единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации)¹. Там же даётся понятие общероссийской гражданской идентичности (гражданского самосознания) – «осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества»². В Стратегии национальной безопасности одной из задач защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти обозначено «укрепление гражданского единства, общероссийской гражданской идентичности, межнационального и межконфессионального согласия, сохранение самобытности многонационального народа Российской Федерации»³.

Л.М. Дробижева отмечала, что «идентичность в таком определении – это не только лояльность государству, его правовым нормам, но и консолидация с гражданами страны, их готовность участвовать в принятии политических решений и брать ответственность за дела в стране» (Российская идентичность... 2022: 36). Важным компонентом формирования гражданской идентичности является именно гражданская, политическая составляющая, что предполагает тесную связь с государством и институтами гражданского общества, включая непосредственную вовлеченность граждан в общественную активность (НКО, местные сообщества).

¹ Указ Президента Российской Федерации № 1666 от 19 декабря 2012 г. «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 05.09.2025).

² Там же.

³ Указ Президента РФ № 400 от 2 июля 2021 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <https://new.ras.ru/upload/iblock/865/bkfm0e8r2kww5ek2u10fc3zbyxs64w67.pdf> (дата обращения: 23.09.2025).

Академик В.А. Тишков, основатель исследования гражданской идентичности в России, писал о лояльности государству как об одном из важнейших показателей российской идентичности (Тишков, 2009: 107–117). Он обращал внимание на историческую память: «Без истории нет и самой идентичности, если понимать под последней чувство сопричастности с той или иной общностью, культурой, ценностью» (Историческая память... 2018: 6).

Л.М. Дробижева, разрабатывая концепт идентичности для прикладных исследований, предлагала такое ее понимание: «Идентичность граждан страны рассматривается нами как отождествление себя с общностью, представления о ней, эмоциональное переживание этих представлений (гордость, патриотизм) и готовность к действию» (Дробижева, 2021: 485).

Историческое развитие России как многонационального и федеративного государства актуализирует изучение других уровней идентичности – этнической и региональной. Центробежные тенденции 1990-х годов, националистические выступления в начале нулевых стимулировали цикл исследований по этой тематике.

Невозможно не согласиться с И.С. Семененко, что «ключевой для развития современных сложных обществ вопрос о позитивной совместимости таких значимых измерений идентичности, как национально-государственная (или государственно-гражданская) и этническая, был поставлен мэтром российской этнологии Л.М. Дробижевой; она указывала и на важность прояснения «смысловой нагрузки каждой из анализируемых идентичностей» (Дробижева, 2008: 21). Действительно, в первом случае речь идет о политическом измерении идентичности большого сообщества, а во втором – о целенаправленной политизации силами заинтересованных групп интересов и политических антрепренеров сферы неполитического, чреватой вызовами и рисками для большого сообщества» (Идентичность: личность, общество..., 2023: 21).

Смысловые линии концепта идентичности широки. Будучи заимствованной из психологии в политическую и социальную сферы, идентичность приобретает важные компоненты структурирования коллективного восприятия реальности. А многомерность понятия включает разные аспекты. По меткому выражению О.В. Гаман-Голутвиной в поисках ёмкой формулы идентичности, «если бы потребовалось одной фразой определить значение концепта идентичности, то этой формулой могла быть статья мысль И.С. Семененко: “Идентичность формирует смысловую ось социальных взаимосвязей индивида”» (Гаман-Голутвина, 2024: 422).

Весь комплекс исследований в первую очередь отражает сложность и динамичность понятия «идентичность» и гибкость границ между разными идентичностями – региональной, этнической, гражданской, цивилизационной. В условиях динамических политических и социальных процессов меняются и границы идентичности, появляются новые смыслы.

Вопрос о соотношении понятий актуализируется в периоды наиболее серьезных изменений в обществе. Значимость соотношений выходит за рамки теоре-

тических моделей. Вопрос групповой солидарности – это вопрос возможностей развития, устойчивости к внешним вызовам и адаптации к изменившимся условиям. Попытки внести раскол в российский социум путем поддержки сепаратистских движений, националистически настроенных сил требуют осмысления соотношения идентичностей: этническая и региональная идентичность – противоречат общероссийской гражданской идентичности или выступают её уровнями?

Практика показала, что региональная, этническая и гражданская идентичности уживаются в рамках единого сознания (сообщества). В то же время конструирование идентичности может использовать в своём арсенале набор политических нарративов, направленных на противопоставление этнической или региональной идентичности национально-государственной. Примеры тому встречаются в Европе и не только.

После начала специальной военной операции резко возросло внешнее информационное влияние стран Запада, направленное на развитие сепаратизма и национализма в Российской Федерации. В 2024 г. количество таких инфоповодов возросло в 16 раз по сравнению с 2022 г. и составило почти 40 процентов из общего количества негативных инфоповодов (14 033 / 35 631)⁴. Попытки «деколонизации» России, направленные на разрушение единства, требуют исследования общественного сознания, факторов консолидации общества.

Понимая, что границы поля идентичности подвижны, зависят от ряда факторов, в том числе от проводимой государством политики идентичности, следует очертить контуры региональной и этнической идентичности.

Региональная идентичность, также как национально-государственная, относится к территориальным идентичностям и предполагает некоторые границы, которые совпадают с административными границами региона или не совпадают. «Региональная идентичность – способность к социокультурной, гражданской и экономической активности» (Крылов, 2011: 215). Она опирается на солидарность регионального сообщества, ответственность за развитие региона. Существенным фактором выступает восприятие региональных границ, что может быть связано с историческими фактами их изменения, а также со степенью влияния на региональные процессы во внешней среде.

Концепт этнической идентичности разрабатывался многими зарубежными (Ф. Барт) и российскими (Ю. Бромлей) учеными. Обобщенно «этническая идентичность – это не только осознание принадлежности к этнической группе, но и эмоционально окрашенный «образ МЫ», и этнические интересы, в соответствии с которыми осуществляется деятельность» (Дробужева, 2017: 417–423).

Для этнической идентичности имеет значение включенность в состав группы. Однако сегодня, когда широкое распространение получили информационные технологии, включенность в группу может быть через участие в виртуальных сообществах, взаимодействие в дистанционном формате. Это позво-

⁴ Государственный Доклад о реализации государственной национальной политики Российской Федерации в 2024 году. URL: <https://clck.ru/3RVWo5> (дата обращения: 28.09.2025).

ляет оставаться носителем этнической идентичности без привязки к территории, но сохранять основные маркеры – культуру, язык, автостереотипы.

Очертить поле идентичности, рассмотреть соотношение различных компонентов возможно только с опорой на структуру идентичности. Л.М. Дробижева обращала внимание на три компонента идентичности: когнитивный – содержательные представления, эмоциональный и регулятивный (готовность действовать во имя сложившихся представлений и переживаний) компоненты (Дробижева, 2018: 7). Не меньшую роль в процессе формирования идентичности играет историческая память, образ «мы» и образ «они». Эти компоненты используются в политике идентичности.

Ш. Фидлер и Х. Рольф (Fiedler, Rohles, 2021) считали, что военные конфликты провоцируют ингрупповой фаворитизм, но при этом повышают внутригрупповую солидарность и просоциальные установки, в том числе кооперативное поведение внутри локальных сообществ. Усиление внутренних связей в локальных группах проявляется в росте благотворительности и волонтерства, создании соседских сообществ и чатов домов для совместного решения вопросов. В тоже время, ученые отмечают и негативные последствия вооруженных конфликтов – снижение генерализованного доверия, что может привести к снижению сплоченности с внешними группами. В таком случае, важна оптика отнесения людей к «своей» группе. И может ли усиление этнических, религиозных и региональных идентичностей стать фактором ослабления общероссийской гражданской идентичности? В проекте Стратегии государственной национальной политики до 2036 г., опубликованном на портале правовой информации, приводятся данные положительной динамики общероссийской идентичности: с 84% в 2018 г. до 92,6% в 2024 г. Она стабильно преобладает среди других форм коллективной идентичности (локальной, религиозной, национальной)⁵.

На региональном уровне цифры несколько отличаются, но не существенно. Данные опросов показывают высокий уровень гражданской идентичности в Воронежской области – 92% воронежцев гордятся тем, что живут в России⁶. В тоже время, высокий уровень гражданской идентичности, который показывают исследования, не удержал часть населения от эмиграции в 2022 г. в свете начала специальной военной операции. При этом часть уехавших публично дистанцировалась не только от Российского государства, но и от российского народа. Выявление факторов, способствующих консолидации сообщества, и границы этой консолидации становится важной практической задачей современной политики идентичности в условиях возросшей нестабильности и внешнего давления.

Для выявления таких факторов целесообразно обратиться к прикладным исследованиям. Был проведен фокус-группы со студентами гуманитарных и

⁵ О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2036 г. Проект. URL: <https://regulation.gov.ru/projects/157502> (дата обращения: 29.09.2025).

⁶ Свежий вопрос (Раздел обновляется). 2024. Март // Институт общественного мнения «Квалитас». URL: http://www.qualitas.ru/ru/publications/vopros/2024/March/mart_789.html (дата обращения: 28.09.2025).

технических специальностей воронежских вузов (Воронежского государственного университета и Воронежского государственного технического университета), а также опрос общественного мнения жителей Воронежской области, где также включались вопросы, позволяющие понять значимые для общественного сознания консолидаторы.

В качестве референтных были применены критерии, предложенные Леонидией Михайловной Дробижевой и используемые в исследовании (RLMS HSE 2020 г.): «общее государство – 62%; родная земля, территория, природа – 49%; историческое прошлое – 48%; русский язык – 41%; культура, обычаи, праздники – 30%; а также ответственность за судьбу страны – 19% и флаг, герб, гимн – 11%» (Содержательные основы российской..., 2021: 37).

На фокус-группах были обсуждены эти и другие вопросы. Студенты в ходе обсуждения отмечали, что в обществе наблюдается консолидация. При этом многие обратили внимание на мобилизационный характер консолидации. Опрос общественного мнения также показал наличие высокого уровня солидарности в обществе. Выстраивание солидарных практик предполагает наличие доверия политическим и социальным институтам и межгруппового доверия в целом.

Жителям Воронежской области был задан вопрос об уровне межгруппового доверия (табл. 1).

Таблица 1

Уровень солидарности и доверия в целом по России и в Воронежской области, 2024 и 2025 гг., %

Уровень	2024 г.		2025 г.	
	Россия в целом	Воронежская область	Россия в целом	Воронежская область
высокий	21	15,2	21,6	25,7
средний	53	51,1	59,7	55,1
низкий	26	33,7	18,7	19,2

Оценки уровня доверия показывают существенный рост на региональном уровне и незначительное повышение оценок солидарности с жителями России. Существенной разницы в оценках солидарности на региональном и общероссийском уровне не наблюдается. Такой расклад позволяет судить о том, что укрепление доверия происходит параллельно. Показательно, что для студентов Воронежских вузов в первую очередь важно отождествлять себя с жителями России (84,7%), чем с представителями своей национальности (44,8%) и жителями региона (31%). Совершенно потеряла популярность глобальная идентичность – «гражданин мира» (её выбрали только 3 студента).

Оценка влияния государства как консолидирующего фактора указывается многими опрошенными. Однако при обсуждении этого вопроса возникла серьезная дискуссия о границе. «Донбасский консенсус», сформировавшийся после вхождения Крыма в состав Российской Федерации, позитивно повлиял на рост

общероссийской гражданской идентичности. В 2022 г. состав страны расширился за счёт включения четырёх новых регионов, имеющих с Россией общее прошлое. Такая динамика изменения границы была отрефлексирана общественным сознанием. Для молодёжи возможность трансформации границ снизила её значимость как консолидирующего фактора. Изменение границ РФ, вхождение новых территорий с людьми, которые какое-то время жили вне российской государственности, поменяла приоритеты ценностей. Единение с людьми должно включать ещё набор других значимых факторов. На первый план вышли семья, безопасность и историческое прошлое.

Сравнивая полученные данные с результатами исследования 2015 г., приведенного в статье Л.М. Дробижевой, мы видим следующее. Там отмечалось, что историческое прошлое в меньшей степени объединяет людей, чем государство, территория, общий язык (Дробижева, 2018: 13). Сегодня мы видим, что изменение внешних условий может менять приоритеты консолидирующих факторов. То есть, в период доковидной реальности, до начала СВО и внешних атак на историческую память, иерархия ценностей отличалась.

Тезис Ш. Фидлера и Х. Рольфа о росте ингруппового фаворитизма в условиях вооруженных конфликтов не вполне применим по критерию локализации. Исследования показывают, что границы группы расширяются на сообщество в рамках государства. При этом не отменяют и региональную солидарность, включая гордость за свою «малую родину» (72% респондентов испытывают радость, что живут в Воронежской области).

В то же время сохраняется важный вопрос: «Что же нас объединяет с другими гражданами?». Студенты в ходе фокус-групп указывали: «Люди объединяются, если сталкиваются со страшными событиями – война, конфликты, стихийные бедствия. Тогда они стараются помочь друг другу, как, например, помогают участникам СВО или пострадавшим от наводнения в Оренбурге». Одним из консолидирующих факторов становятся внешние вызовы, угрозы, столкновение с бедой. Восприятие «травмы» как фактора консолидации отражает состояние общества, которое вынуждено давать солидарный ответ жесткому внешнему давлению, атакам на ценности, угрозе жизни, которая воспринимается реальной, вызывает эмпатию и готовность действовать.

Рассматривая солидарность в обществе в условиях военных рисков, уместно применить концепцию П. Бэра, который выдвинул семь факторов сплочения социума, столкнувшегося с нестандартным вызовом. В рамках социологии эпидемий П. Бэр выдвинул теорию сплочения общества, которая опиралась на исследования М. Вебера, Б. Андерсона и других. Он делает отсылку к понятию «общество судьбы». Исследование П. Бэра было построено на изучении его реакции на эпидемию. В значительной степени в период пандемии коронавируса многие факторы сработали аналогично. Но «общество судьбы» – социум, консолидация которого происходит с учётом полученной (или получаемой) травмы, столкнувшийся с «шоком настоящего». Ситуация специальной военной операции показала, что выделенные факторы работают в условиях внешней уг-

розы стабильности и безопасности общества. Это позволяет ему давать солидарный ответ на внешнее давление, не нарушая стабильность (Baehr, 2008).

Рассмотрим, как проявляются факторы сплоченности по П. Бэру в контексте нашего исследования.

1) *Распознавание общей угрозы*. Студенты во время фокус-групп обращали внимание на риски безопасности, рассматривая необходимость объединения для взаимной поддержки и помощи. В условиях СВО и близости региона к линии боестолкновения, регулярные атаки украинских БПЛА влияют на мнение молодёжи: «Безопасность нужна, чтобы сохранять наши ценности» (ПМА 2025а, 3). Ингрупповой фаворитизм не ограничивается локальным сообществом. Студенты отмечали, что «мы все в одной лодке», «надо помогать белгородцам и курянам» (ПМА 2025а, 5), которые тоже «наши». В течение хода СВО было несколько вызовов, которые можно воспринимать как «шок» (Черникова, 2025: 378): начало СВО, частичная мобилизация, атаки БПЛА, оккупация части территории Курской области. Каждое из событий показывало обществу, что угроза реальна, что она затрагивает не отдельные социальные группы, а всех, без разделения по социальному, национальному, религиозному признаку. Как ответ – готовность помогать «без разделения на национальности и религии».

2) *Моральная плотность* предполагает наличие развитых социальных связей. Здесь стоит отметить противоречивый характер оценок населением развитости связей. С одной стороны, статистика показывает рост числа волонтеров. В Воронежской области в 2024 г. было зарегистрировано 475 627 волонтеров; это примерно каждый пятый. Среди опрошенных воронежцев 25% отметили, что участвуют в волонтерской деятельности и становились инициаторами различных проектов помощи. 28,5% участвовали в коллективном благоустройстве подъездов, домов, окружающей территории, детских площадок. Но есть и другая сторона, которая усиливает отчуждение людей – синдром огораживания. Практически каждый многоквартирный дом старается установить забор от соседей. В отсутствии внешних угроз, снижается доверие к соседям: «Мы знаем, какие ставятся заборы и сколько замков на дверях» (ПМА 2025б, 8).

3) *Продолжительность испытания* предполагает, что событие, вызвавшее стресс в обществе, имеет некоторую протяженность. Продолжительность специальной военной операции, сопровождающейся жесткими антироссийскими санкциями, вызывает, с одной стороны, привыкание. С другой стороны, нарушение нормальности, становится серьезным адаптационным вызовом.

4) *Изоляция*, которая болезненно ощущается молодёжью, отразилась и в их мотивации к консолидации и защите ценностей. Переживание за спортсменов, «отмену культуры» и искажение исторической правды, становятся важным объединяющим фактором: «Весь советский народ вместе победил в Великой Отечественной войне. Это нас объединяет» (ПМА 2025б, 5). Этнические и региональные различия уходят на второй план, когда студенты рассматривают значимые для страны и для них лично исторические события. Самым значимым фактором и объединяющей ценностью студенты считают Победу в Великой

Отечественной войне, поскольку она затронула все народы России и СССР, память о ней бережно сохраняется государством и людьми. «Как я могу забыть про Победу, когда у меня прадедушка дошёл до Берлина?» (ПМА 2025в, 3). При этом историческая память, по мнению студентов, может и разъединять, если событие неодинаково интерпретируется в разных группах. Например, Кавказская война может стать разъединяющим обстоятельством.

Фактор исторической памяти наиболее важен, но даже по отношению к событиям, которые нам объединяют, люди испытывают большую гамму чувств, что может становиться объектом манипуляции. К примеру, в 2025 г. Россия отмечала 80-летие Победы в Великой Отечественной войне. В ходе массового опроса мы задали респондентам вопрос о том, что для них значит День Победы, с возможностью выбрать несколько вариантов ответов. Рассмотрим полученные данные (табл. 2).

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос:
«В этом году Россия отметила юбилей – 80 лет Победе
в Великой Отечественной войне.
Что лично для Вас означает эта дата?», 2025 г., %***

Варианты ответа	%
Памятная дата, которая связана с освобождением от фашизма	65
День памяти и скорби	56
Символ национальной гордости и единства	52
Личная дата, когда вспоминают родных, бабушек и дедушек, тех, кто отдал жизнь ради будущих поколений	49
День, объединивший народ	35
Праздник мира	27

* Сумма не равна 100%, респондент мог выбрать до трех вариантов ответа.

Распределение ответов говорит о живых эмоциях, которые испытывают люди относительно Дня Победы и событий Великой Отечественной войны. Респонденты проводят аналогии с сегодняшним днём, поэтому когнитивные факторы уступают эмоциональным. Такое восприятие уязвимо перед манипуляциями. Особенно это заметно среди новых граждан России, получивших образование на Украине. Слабое знание истории приводит к снижению влияния Великой Отечественной войны как фактора консолидации.

5) *Материальные и организационные ресурсы, которые группы граждан могут использовать для сопротивления угрозе.* Это наиболее сложный для оценки фактор, поскольку участие в добровольной помощи, жертвования рутинизируются, воспринимаются как естественные акции. «Зачем декларировать свою помощь фронту? – спрашивает одна студентка. – И так понятно, что и мама, и бабушка шьют для военных, передают гуманитарку. И мы все помогаем по мере сил» (ПМА 2025а, 6).

Опрос общественного мнения показывает готовность людей жертвовать не только материальные ресурсы, но и время. 26% респондентов отметили, что

участвовали в сборе средств и вещей для помощи людям, попавшим в трудную ситуацию, и для участников СВО.

6) *Социальные ритуалы*. Процесс, который имеет свою длительность, обычно сопровождается появлением ритуалов, мест памяти, своих героев. Для идентичности важно наличие мест памяти, где сохраняются и передаются значимые для группы ценности, транслируются нарративы. Создание музеев, установка памятных табличек, памятников, воспринимается не только как коммеморация событий, но и как ценностные объекты, которые призваны сохранять историческую память. Распространение песен, фильмов, мемов отражает новую нормальность. Однако для студентов играет также роль региональный и этнический контекст. Воспринимая Воронежскую область вместе с Курской и Белгородской как оказавшуюся на острие событий, они ставят под сомнение, что все другие регионы разделяют те же ценности и также реагируют на риски: «Скорее всего, в этнических республиках больше замкнуты на своей культуре и традициях, поэтому менее патриотичны» (ПМА 2025в, 2). При этом сами студенты считают, что всё зависит от просвещения.

7) *Оси конвергенции* – культурные основания коллективной мобилизации – оказываются значимым фактором объединения. Обсуждая патриотизм, студенты разделили его на политический и культурный. Политический – означает поддержку государства и действующей власти, а культурный – языка и традиций. Студенты акцентировали внимание, что культурный – самый важный, поскольку культура объединяет. В условиях внешних угроз возрастает национальная гордость, а культура, литература, наука становятся объектом гордости. Сохранение и защита языка, культуры и традиций воспринимается в терминах безопасности, поскольку студенты воспринимают такие угрозы как экзистенциальные.

Идентичность предполагает готовность действовать. С этой точки зрения важно, насколько номинирование своей идентичности как гражданской мобилизует людей на конкретные действия, а также готовность брать на себя ответственность за значимые для общества дела и решения. Формально можно посмотреть динамику избирательной активности населения. Но здесь не всё просто. К мобилизационным факторам идентичности добавляются способности кандидатов мобилизовать свой электорат. Более показательнее посмотреть на масштаб инициатив и самооценку индивидов.

Оценивая собственную готовность брать на себя ответственность за положение дел в стране и регионе, только 28,3% опрошенных заявили, что готовы на это. Косвенно эти данные коррелируют с другим ответом – 23% респондентов уже инициировали различные общественные проекты. Характеризуя готовность других людей, только 17% респондентов отметили, что большинство жителей Воронежской области готовы брать на себя ответственность за положение дел в стране и регионе, а 40% полагают, что только отдельные люди занимают активную позицию и готовы к ответственности.

Все три составляющие, которые выделяла Л.М. Дробижева, работают в сегодняшних условиях, хотя эмоциональный компонент оказывает большее влия-

ние на формирование общероссийской гражданской идентичности. Эмоциональный компонент менее стабилен, что может приводить к манипулированию общественным мнением и смене приоритетов идентичности, если возникают адресные угрозы конкретной группе, которая может солидаризироваться по этническим или региональным критериям. Так региональный патриотизм выше в приграничных (прифронтовых) районах.

Региональная идентичность предполагает активную позицию на локальном уровне, желание сделать свою малую родину лучше. Наши исследования показывают, что граждане в целом и студенты в особенности готовы включаться в общественную активность – волонтерство, общественное наблюдение, развитие городского пространства. При этом важно, что наблюдается желание сотрудничать с государством. Оно, выступая основным актором политики идентичности, делегирует часть работы институтам гражданского общества. На практике региональная идентичность включается в национально-государственную, сохраняя отдельную специфику, но транслируя общие смыслы. Наблюдение, сделанное Г.Ф. Габдрахмановой и Р.Д. Галиуллиным на основании исследований молодёжи в Татарстане, созвучно нарративам, транслируемым и воронежской молодёжью, о том, что «крайне необходимая в условиях глобальной турбулентности тема консолидации российского общества дополняется в молодежной среде политикой локальной идентичности, ее сосредоточением на местных, повседневных проблемах молодого поколения» (Габдрахманова, Галиуллин, 2024: 1067).

Обобщая полученные результаты, можно увидеть, что основные консолидаторы общества остались прежними. Но поменялась их значимость, и появились другие смыслы. И студенты, и граждане отмечали важность единого образа будущего, проекта, который бы стал позитивным выходом из совместных переживаний и бед, выхода из напряженности. Эмоциональный контекст становится важной мотивацией к консолидации. Объединяют «сильно заряженные события, не только трагические, но и радостные. Например, Чемпионат мира по футболу» (ПМА 2025а, 2). Эмоциональный компонент также может играть роль размежевания «мы» и «они». Исследование показывает, что эмоциональное восприятие событий и групп зависит не только от устоявшихся стереотипов, но и политического контекста, транслируемого в масс-медиа.

Исследование выявило риски в развитии общероссийской гражданской идентичности. Наибольший рост происходит под воздействием мобилизующих политических факторов, усиливаясь базовыми ценностями. В условиях внешнего давления растёт мода на патриотизм и консолидацию, солидарность между группами и с государством. Ослабление внешнего давления, отказ от политики идентичности может привести к перехвату влияния на сознание людей другими акторами. В этих условиях показатели общероссийской гражданской идентичности могут снизиться, а приоритеты самоотождествления с группой изменить вектор, актуализируя региональную и этническую идентичности. Анализ динамики общероссийской гражданской идентичности показывает, что наиболее высокие показатели фиксировались в периоды больших подъёмов и серьёзных

вызовов. Отсутствие сильных потрясений и громких побед приводит к снижению поддержки общенациональных ценностей. Аналогичную роль могут играть локальные проблемы, не имеющие значения для всего общества, но затрагивающие либо его часть, либо отдельную территорию.

Гибкость и подвижность границ ценности этнической, региональной и гражданской идентичности отражает процессы в общественном сознании, что требует системной работы по укреплению базовых основ формирования идентичности. Труды классиков, таких как Леокадия Михайловна Дробижева, дают нам рабочую методологию и повышают ответственность за проводимые исследования.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

ПМА, 2025а – Полевые материалы автора: фокус-группа 1 в Воронежской области (студенты исторического факультета Воронежского государственного университета, бакалавры направления подготовки «История», «Политология», «Востоковедение»; 1 – юноша, 3 курс, история, 2 – юноша, 3 курс, политология, 3 – юноша, 4 курс, политология, 4 – юноша, 2 курс, востоковедение, 5 – девушка, 3 курс, политология, 6 – девушка, 2 курс, история, 7 – девушка, 4 курс, история).

ПМА, 2025б – Полевые материалы автора: фокус-группа 2 в Воронежской области (студенты юридического и химического факультетов Воронежского государственного университета, бакалавры; 1 – девушка, 3 курс, химия, 2 – девушка, 4 курс, химия, 3 – юноша, 3 курс, химия, 4 – девушка, 2 курс, химия, 5 – девушка, 2 курс, юриспруденция, 6 – юноша, 2 курс, юриспруденция, 7 – юноша, 1 курс, юриспруденция, 8 – юноша, 3 курс, юриспруденция).

ПМА, 2025в – Полевые материалы автора: фокус-группа 3 в Воронежской области (студенты Воронежского государственного университета инженерных технологий технологического факультета, бакалавры; 1 – юноша, 1 курс, 2 – юноша, 1 курс, 3 – юноша, 2 курс, 4 – юноша, 3 курс, 5 – юноша, 4 курс, 6 – девушка, 2 курс, 7 – девушка, 1 курс, 8 – девушка, 3 курс).

ЛИТЕРАТУРА

Габдрахманова Г.Ф., Галиуллин Р.Д. Молодежные некоммерческие организации России: политика идентичности и коллективное "я" // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 4. С. 1052–1067. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-4-1052-1067>

Гаман-Голутвина О.В. Концепт идентичности: движение от абстрактного к конкретному // Полис. Политические исследования. 2024. № 3. С. 177–191. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.03.12>

Дробижева Л.М. Консолидирующая идентичность в общероссийском, региональном и этническом измерениях // Перспективы. Электронный журнал. 2018. № 3(15). С. 6–21. <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2018-3-6-21>

Дробижева Л.М. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // Антропология и этнология: современный взгляд: сборник статей. М.: Изда-

тельство «Политическая энциклопедия», 2021. С. 242–257. <https://doi.org/10.31250/978-5-8243-2449-5-2021-242-257>

Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / И.С. Семенов, В.В. Лапкин, Е.В. Морозова [и др.]. М.: ООО «Издательство "Весь Мир"», 2023.

Историческая память и российская идентичность / под ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М.: РАН, 2018.

Крылов М.П. К теории региональной идентичности: по материалам Европейской России // Идентичность как предмет политического анализа: сборник статей по итогам Всерос. науч.-практ. конф. (21–22 октября 2010 г.) / отв. ред. И.С. Семенов [и др.]. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 212–216.

Российская идентичность и межэтнические отношения. Публичный дискурс и социальная практика / Л.М. Дробизева, Е.М. Арутюнова, М.А. Евсеева [и др.]; Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН. М.: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2022. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-404-8.2022>

Содержательные основы российской идентичности. Региональный и этнокультурный контексты / Л.М. Дробизева, Е.М. Арутюнова, М.А. Евсеева [и др.]. М.: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2021. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-374-4.2021>

Тишков В.А. Национальная идентичность (о смысле дебатов) // Вестник российской нации. 2009. № 1. С. 107–117.

Черникова В.В. Консолидация гражданского общества в условиях СВО: возможности и риски // Власть и общество: мир и война: Материалы Девятнадцатой Всероссийской научной конференции, Воронеж, 4 февраля 2025 г. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2025. С. 375–380.

Baehr P. *Caesarism, Charisma and Fate: Historical Sources and Modern Resonances in the Work of Max Weber*. New Jersey: Transaction Publishers, 2008.

Fiedler C., Rohles C. Social cohesion after armed conflict: A literature review // *Research Papers in Economics*. Bonn: German Development Institute, 2021. <https://doi.org/10.23661/DP7.2021.V1.1>

REFERENCES

Baehr P. (2008) *Caesarism, Charisma and Fate: Historical Sources and Modern Resonances in the Work of Max Weber*. New Jersey: Transaction Publishers.

Chernikova V.V. (2025) Consolidation of civil society in the context of the Special military operation: opportunities and risks. In: *Power and Society: Peace and War: Proceedings of the 19th All-Russian Scientific Conference, Voronezh, February 4*. Voronezh: VSU Publishing House: 375–380. (In Russ.)

Drobizheva L.M. (2018) Consolidating Identity in the All-Russian, Regional, and Ethnic Dimensions. *Perspektivy. Elektronnyy zhurnal* [Perspectives and Prospect. E-Journal]. No. 3(15): 6–21. <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2018-3-6-21> (In Russ.)

Drobizheva L.M. (2021) The meanings of all-Russian civic identity in the mass consciousness of Russians In: *Anthropology and Ethnology: A Contemporary View: A collection of articles*. Moscow: Political Encyclopedia Publishing House: 242–257. <https://doi.org/10.31250/978-5-8243-2449-5-2021-242-257> (In Russ.)

Fiedler C., Rohles C. (2021) *Social Cohesion after an Armed Conflict: A Review of Literature*. Bonn: German Development Institute, 2021. <https://doi.org/10.23661/DP7.2021.V1.1>

Gabdrakhmanova G.F., Galiullin R.D. (2024) Youth non-profit organizations in Russia: Identity politics and the collective self. *Vestnik Rossiyskogo universiteta Druzhbi Narodov* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology]. Vol. 24, No. 4:1052–1067. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-4-1052-1067> (In Russ.)

Gaman-Golutvina O.V. (2024) The concept of identity: moving from the abstract to the concrete. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 3: 177–191. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.03.12> (In Russ.)

Historical Memory and Russian Identity (2018). Tishkov V.A., Pivneva E.A. (eds.) Moscow: IEA RAN Publ. (In Russ.)

Identity: Personality, Society, Politics. New Contours of the Research Field (2023). I.S. Semenenko, V.V. Lapkin, E.V. Morozova [et al.]. Moscow: “Ves' Mir” Publishers. (In Russ.)

Krylov M.P. (2011) Towards the theory of regional identity: based on the materials of European Russia. In: *Identity as a Subject of Political Analysis: a collection of articles based on the results of the All-Russian Scientific and Practical Conference*. October 21–22, 2010. Moscow: IMEMO RAS Publ.: 212–216. (In Russ.)

Russian Identity and Interethnic Relations. Public Discourse and Social Practice (2022). L.M. Drobizheva, E.M. Arutyunova, M. A. Evseeva [et al.]. Moscow: Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russ.)

The Substantive Foundations of Russian Identity. Regional and Ethnocultural Contexts (2021) L.M. Drobizheva, E.M. Arutyunova, M.A. Evseeva [et al.]. Moscow: Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, 2021. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-374-4.2021> (In Russ.)

Tishkov V.A. (2009) National identity (on the meaning of the debate). *Vestnik Rossiyskoy Natsii* [Bulletin of the Russian Nation]. No. 1: 107–117. (In Russ.)

Сведения об авторе: Черникова Виктория Владимировна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Распределенного научного центра межнациональных и религиозных проблем, ФГБУН Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (119334, Ленинский проспект, 32а, Москва, Российская Федерация); доцент кафедры социологии и политологии, Воронежский государственный университет (394066, Университетская пл., 1, Воронеж, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0003-3091-9619>; e-mail: victoriacher@list.ru

About the author: Victoria V. Chernikova, Cand. Sc. (Political Science), Senior Researcher of the Distributed Scientific Center for Interethnic and Religious Issues, N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (32a Leninsky Prospekt, Moscow 119334, Russian Federation); Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science, Voronezh State University (1 Universitetskay Sq., Voronezh 394066, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0003-3091-9619>; e-mail: victoriacher@list.ru

Поступила в редакцию / Received 26.09.2025

Доработана после рецензирования / Revised 10.11.2025

Принята к публикации / Accepted 24.11.2025

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2026-11-1.131-151>

EDN: SHHEXM

Этнокультурные практики и межэтнические установки татар Костанайской области Республики Казахстан

З.А. Махмутов

*Казанский филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения
«Федеральный научный центр
психологических и междисциплинарных исследований»
Казань, Российская Федерация
zufar@inbox.ru*

Резюме. Данная статья посвящена изучению этнокультурных практик и межэтнических установок татар Костанайской области. Источником для написания работы послужили архивные материалы, периодические издания, данные этносоциологического исследования (массовые опросы и глубинные интервью). На основе их обобщения было установлено, что несмотря на закрытие в советское время всех храмов, преследование служителей культа, осуществление антирелигиозных кампаний, татары продолжали проводить свои национальные обряды, связанные с религией, и отмечать национальные праздники (Курбан и Ураза гает). Из нерелигиозных торжеств особое место занимал обрядовый праздник *каз өмәсе*. Приблизительно до 1970-х годов бытовали коллективные татарские женские посиделки – *аулак өй*, обряд выхода в степь – *далага чыгу*, сватовство, показ невесте путь к роднику и т.д. В период этнического ренессанса (конец 1980-х – начало 1990-х годов) татарам удалось организовать в регионе национальный культурный центр, музыкальный ансамбль, вести информационную программу на радио, обучать детей национальному языку. Национальный центр с 1994 г. ежегодно проводил праздник Сабантуй и другие культурные мероприятия.

В настоящее время мы зафиксировали существенное снижение этнокультурной компетенции, что проявляется в более слабом знании национального языка, песен, а также в меньшем соблюдении семейных обрядов молодым поколением татар. В области межэтнического взаимодействия наблюдается высокий уровень этнической толерантности. К дестабилизирующим факторам можно отнести «коренизацию кадров». Очевидно, что это, а также ассимиляция с русским населением, находят отражение в межэтнических установках татар.

Ключевые слова: татары; Казахстан; Костанайская область; этнокультурные практики; межэтническое взаимодействие; традиции; обычаи; языковая компетентность

Для цитирования: Махмутов З.А. Этнокультурные практики и межэтнические установки татар Костанайской области Республики Казахстан. *Историческая этнология*. 2026. Т. 11. № 1. С. 131–151. <https://doi.org/10.22378/he.2026-11-1.131-151> EDN: SHHEXM

Благодарности. Публикация подготовлена по государственному заданию № 0599-2019-0043 «Проблема отклоняющегося поведения в системе современного человековедения». Автор выражает благодарность Раису Равильевичу Яушеву за помощь в проведении исследования.

Ethnocultural practices and interethnic attitudes of the Kostanay region Tatars in the Republic of Kazakhstan

Z.A. Makhmutov

Kazan Branch of the Federal State Budgetary Scientific Institution

“Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research”

Kazan, Russian Federation

zufar@inbox.ru

Abstract. The article examines ethnocultural practices and interethnic attitudes of the Tatar population of the Kostanay region in the Republic of Kazakhstan. The study is based on a wide range of sources, including archival documents, periodical publications, and data from an ethno-sociological study (mass surveys and in-depth interviews).

The research has demonstrated that despite the closure of all mosques during the Soviet period, the persecution of Muslim clergy, and the implementation of state anti-religious campaigns, Tatars continued to maintain religiously rooted ethnocultural traditions. They preserved national rites associated with Islam and continued to celebrate major religious holidays, such as Kurban Bayram and Uraza Bayram. Among non-religious practices, the collective ritual *kaz ömāse* held a particularly significant place. Until approximately the 1970s, various traditional practices remained widespread, including collective women’s gatherings (*aulak öy*), rituals of going out into the steppe (*dalaga chygu*), matchmaking customs, and ceremonies associated with introducing the bride to the path leading to a water source.

During the period of ethnic renaissance (the late 1980s and early 1990s), the Tatar community of the region succeeded in establishing a national cultural center, as well as were able to create musical ensembles, broadcast informational radio programs, and organize the native language classes for children. Since 1994, the cultural center has annually organized the Sabantuy festival and other ethnocultural events.

At present, the study records a noticeable decline in ethnocultural competence, manifested in weaker knowledge of the native language, folklore, and family rituals among the younger generation. At the same time, interethnic relations in the region are characterized by a high level of ethnic tolerance. The factors influencing interethnic attitudes include assimilation processes and the policy of personnel indigenization.

Keywords: Tatars; Kazakhstan; Kostanay region; ethnocultural practices; interethnic interaction; traditions; customs; language competence

For citation: Makhmutov Z.A. (2026). Ethnocultural practices and interethnic attitudes of the Kostanay region Tatars in the Republic of Kazakhstan. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 11. No. 1: 131–151. <https://doi.org/10.22378/he.2026-11-1.131-151> (In Russ.)

Acknowledgements. The publication was prepared according to the state assignment No. 0599-2019-0043 “The problem of deviant behavior in the system of modern human science”. The author expresses gratitude to Rais Ravilievich Yaushev for his assistance in conducting the research.

Татар можно отнести к исторически сложившимся этническим группам современной Республики Казахстан. Массовое заселение на эту территорию представителей татарской общности происходит во второй половине XIX в., когда появляются такие населенные пункты, как Тургай (до 1985 г. – Николаевск) и Кос-

танай (до 1997 г. – Кустанай). В Костане они селятся в юго-западной части города, образуя татарскую слободу (ныне она называется Наримановка).

В дореволюционный период Казахская Степь привлекала татарское население возможностью вести торговлю с казахами, а также осуществлять среди них образовательную и религиозную деятельность. Многие татарские крестьяне переселялись сюда, стремясь избежать рекрутской повинности, гнёта помещиков, тяжёлого налогового бремени, насильственной христианизации, малоземелья, а также судебных наказаний. Долгое время царская власть всячески препятствовала заселению татар в край, открытию ими мечетей и школ, поскольку опасалась их религиозного влияния на казахское население (Махмутов, 2022).

В советское время миграция татар в регион была обусловлена целинной кампанией, индустриализацией и потребностями аграрного сектора. В области появились такие крупные градообразующие предприятия, как Соколовско-Сарбайский горно-обогатительный комбинат (г. Рудный), Джетыгаринский асбестовый комбинат (г. Житикара; каз. Жітіқара, до 1997 г. – Джетыгара), а также Торгайские бокситовые рудники (г. Аркалык). По комсомольским путевкам сюда стала стекаться молодёжь со всего СССР.

В 1990-е годы, после распада Советского Союза, начался процесс возвратной миграции русскоязычного населения области.

Сейчас в регионе проживает около 14325 татар (около 2% населения), которые заселяют в основном города Костанай (4789 человек) и Рудный (2414 человек). В сельской местности татары преимущественно сконцентрированы в селе Аулиеколь (до 1997 г. – Семиозерное) – 204 человека¹.

Материалы и методы

Методологической основой изучения этничности татар в Казахстане послужил полипарадигмальный (интегрированный) подход, широко применяемый в современной этносоциологии, в том числе в исследованиях Л.М. Дробижевой (Дробижева, 2002: 215).

Анализ культурных стратегий этнического меньшинства осуществлялся нами при помощи теории аккультурации, разработанной Дж. Берри. По его мнению, существует четыре основных варианта процесса вхождения в новую культуру:

- ассимиляция – полная потеря этнической группой отличительных культурных черт и ее идентификация с новой культурой;
- сепарация – дистанцирование от культуры большинства и полное сохранение своей культурной самобытности;
- этнокультурная маргинализация – потеря представителями этнического меньшинства идентификации как со своей национальной культурой, так и с культурой этнического большинства;

¹ Численность населения Республики Казахстан по этносам, населенным пунктам и возрасту. URL: <https://stat.gov.kz/ru/national/2021/> (дата обращения: 05.09.2025).

– интеграция характеризуется идентификацией как со старой, так и с новой культурами (Berry, 1997).

Источником для написания работы послужили архивные материалы, данные этносоциологического исследования (массовые опросы и глубинные интервью), проведенного в 2010–2019 гг. в городах Костанай, Рудный и в с. Аулиеколь. Было опрошено 114 татар и взято 21 глубинное интервью. Отбор респондентов производился методом «снежного кома» (snowball).

Для изучения межэтнических ориентиров мы использовали модифицированную шкалу Э. Богардуса, которая включает в себя вопросы о готовности принять в качестве соседа, начальника, друга представителей двух групп этнического большинства: казахов и русских.

Результаты исследования

В дореволюционное время татарам удалось создать в регионе мощную духовную инфраструктуру. В местах компактного проживания татар (в г. Костанай, Тургае, в с. Аулиеколь) функционировали мечети и школы (медресе), финансируемые частными пожертвованиями мусульманского населения. В Костанайе была также татарская библиотека, и действовал татарский театр.

Основополагающее обучение в школах велось на татарском языке, но были и уроки русского языка. Занимались преподаванием у мальчиков главным образом муллы, у девочек – *абыстай* (обычно жена муллы).

С приходом к власти большевиков система образования претерпела существенные изменения: от обучения постепенно были отстранены все духовные лица, а мусульманские учебные заведения (в рамках проводившейся в стране политики секуляризации образования) были преобразованы в регионе в светские школы первой ступени. В 1921 г. в Костанайе работало пять новых заведений, в селе Аулиеколь – три (ГАКО. Ф. Р-99. Оп. 1. Д. 30. Л.7). Обучение в школах было рассчитано на четыре года, первые три года все предметы велись на национальном языке, последний год – на русском.

Из воспоминаний Зайнаб Камаловны Залялетдиновой:

В Костанайе на бывшей улице Кирова находилась одноэтажная татарская начальная школа из красного кирпича, в которой я училась. Училась я на своем родном татарском языке, на арабской графике. Хорошо помню своих первых учителей: Карачурина Кави, Самигуллину Умугульсум, Хоршиду и Магмуру апу. Своим вниманием, талантом они оставили глубокий след в моей душе. Они научили меня писать, читать на родном языке, петь, танцевать, а также рукоделию. Я им благодарна за это (Хакимова, 2013: 78).

В середине 1920-х годов костанайские мектебы, за исключением одного, который располагался в Татарской слободе, были объединены в татарскую сначала шестилетнюю, а потом и семилетнюю школу. Численность ее учеников в конце 1920-х годов непрерывно увеличивалась. Если в 1928 г. в образовательном учреждении числилось 112 учащихся, то в 1930 г. – 308. Помимо татар в

ней обучались русские (59 учеников – в 5–7 классах) и казахи (3 ученика в младших классах) дети. Преподавательский состав был также интернациональным. Среди учителей значились Мария Ильинична Минаева, Пераскева Александровна Домничева, Павел Петрович Медведев, София Сергеевна Аксарина (ГАКО. Ф. Р-14. Оп. 1. Д. 37. Л. 52). После окончания татарской школы выпускники поступали в русские школы 2-й ступени или в техникумы.

С 1927 г. начался переход татарского языка с арабской графики на латиницу. Из воспоминаний Зайнаб Камаловны Залялетдиновой:

После окончания начальной школы в 5–6 классах я училась уже на основе новой графики. Директором был Шакиржан, учителя – Гольсем апа, Хосни апа, русскому языку учила Мария Ильинична, арифметике – Павел Петрович. В 7-м классе нас всех распределили по разным школам, и я заканчивала 7 класс уже в русской школе (Хакимова, 2013: 78).

Для агитации и просвещения масс большевики использовали библиотеки и специальные молодежные политические организации. В Костаная действовала татарская библиотека, а также максудовская изба-читальня. В первой из них работали Хабибулла Давлетшин, Сарвара Усманова, Шамсутдинова, Залиха Сагитовна Забирова, во второй – Фахритдин Максудов (ГАКО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 210). В 1920 г. в городе была организована казахско-татарская ячейка Российского коммунистического союза молодёжи (РКСМ), а в 1924 г. – татарская ячейка Российского ленинского коммунистического союза молодёжи (РЛКСМ).

Для того чтобы в Костанайской татарской слободе люди не отмечали мусульманские праздники Ураза-байрам и Курбан-байрам, комсомольцы при поддержке отдела культуры горисполкома Костаная проводили публичные лекции на тему «Наука и религия» (ГАКО. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 714. Л. 7). Задачей казахско-татарской ячейки РКСМ была просветительская деятельность не только в самом городе, но и в уездах. Для этого требовались хорошо образованные люди, владеющие казахским языком. Первоначально таких в комсомоле было лишь три человека: казах, редактор газеты Жумаш Еленов и два татарина, Шакир Шарипов и Муллахасан Мухаметджанович Усманаев. Последний стал ее председателем (Востриков, 1959: 35).

В распоряжение комсомольцев был передан офицерский клуб, который стал называться мусульманским. В нем проходили заседания комсомольской организации. На собраниях рассматривались вопросы, связанные с правами женщин, работой избы-читальни и национальных школ, борьбой с религиозными пережитками и т.д.

При мусульманском клубе был создан коллектив художественной самодеятельности. В татарскую театральную труппу вошли Мухаммет Абдулхаликов, Ахмет Валиев (помощник режиссера, учитель мугалим), Тагира Вахитова, Сарвар Давлетшина, Хаджи Ахмет Даутов (ГАКО. Ф. Р-99. Оп. 1. Д. 30), Абд-расул Зайнигабдинов, Валиулла Зубайдуллин, Хаммадия Ибрагимова, Фатых Исмаилова (Исмаилова), Разия Камалетдинова, Сабир Каримов, Шигабутдин

Курамшин (администратор мусульманского театра), Ахмадий Абдрахманович Мустафин, М. Мухамметджанов (помощник режиссера, приказчик), Фатих Насыров, Анвара Закировна Сайфи (Сайфитдинова), Исламжан Самигуллин (член бюро Костанайского Горкома ВКП(б)), Гиниятулла Сунгатуллин, Муллахмет и Хадия Субханкуловы, Хамды Тазетдинов, Хаким Садыкович Хасанов, Гульсум Хисамутдинова (Хисаметдинова), Мунавара Хусаинова, Гариф Шакиров (Костанай – Костанай: очерки истории..., 2012: 403). Они ставили спектакли антиклерикального характера (ГАКО. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 714. Л. 7).

Татарская театральная группа просуществовала недолго и прекратила свою работу в 1934 г., еще раньше в городе закрылись национальные библиотеки. Вскоре та же участь постигла и татарские школы.

Несмотря на проводимую политику интернационализма, имеются свидетельства о том, что отдельные конфликты на этнической почве случались в Костанайе и в то время. После одного из таких инцидентов, произошедшего в 1931 г., в котором были обвинены учителя образовательных учреждений, татарская школа из семилетней была оптимизирована в пятилетнюю. Постепенно сокращалось число учащихся, с 308 в 1930 г. до 208 человек в 1936 г. (ГАКО. Ф. Р-250. Д. 7. Л. 67). Проверка школы в 1937 г. бригадой Горкома ВКП(б) и Облоно показала, что в учебном заведении крайне не хватало учебных материалов, совсем отсутствовали учебники по грамматике родного языка, по истории, книги для чтения по русскому языку, по географии, выявили и плохое санитарное состояние (ГАКО. Ф. Р-250. Д. 7. Л. 67).

Татарская неполная средняя школа в Костанайе, не имевшая ни специально отведенного здания, ни даже собственной мебели, а также начальная татарская школа в Семиозерном были закрыты в конце 1930-х – начале 1940-х годов. Видимо, особую роль в этом сыграли постановления ЦК КП(б) Казахстана от 8 ноября 1938 г. и от 21 января 1938 г. В первом утверждалось, что национальные школы являются «очагами буржуазно-националистического и антисоветского влияния на детей» (ЦГА РК. Ф. Р-692. Оп. 2. Д. 137. Л. 5), а второе призывало «реорганизовать существующие в Казахской ССР особые национальные школы: немецкие, корейские, татарские, чувашские, армянские и другие в советские школы обычного типа, а также ликвидировать существующие при обычных школах особые национальные отделения» (ЦГА РК. Ф. Р-692. Оп. 2. Д. 137. Л. 7).

Новая система просвещения с национальным компонентом, выстроенная большевиками в крае, просуществовала недолго и была ликвидирована к концу 1930-х – началу 1940-х годов.

Директорами школы в Костанайе в последние годы ее функционирования были Гариф Шакирович Бикматов (преподавал математику у учащихся 5–6 классов), а затем Ибрагим Закирович Ахмедзянов (преподавал географию и ИЗО), учителями начальной школы – Ф.Х. Зайнуллина, З. Рахматуллина, Камилля Каримовна Галимова, родного языка – Гульсум Абдулловна Самигуллина, физики – Фарид Сафеевич Султанаев, русского языка и литературы – М.М. Пилленков, немецкого языка – Кнешева, биологии – М. Исмагилова, Х. Гайнут-

динова, физкультуры – Галиев, истории – Владимиров, ИЗО – Рафхат Ахметгалиевич Зайляев (ГАКО. Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 7. Л. 67).

Из воспоминаний Зайнаб Камаловны Залялетдиновой:

По 1938 г. я работала учителем в Узбекистане, затем вернулась в Костанай и работала в своей родной школе. Директором был Ахмедзянов Ибрагим, завучем – Гольсем Самигуллина. Это были мои лучшие годы. В школе работали различные кружки, в том числе танцевальный, хор. Мы организовывали концерты для родителей, ходили в походы. К сожалению, татарскую школу-семилетку закрыли в 1941–1942 гг. (ГАКО. Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 7 Л. 67)

В Аулеколе начальной татарской школой, насчитывающей два класса, заведовал Каюм Закирович Закиров (ГАКО. Ф. Р-165. Оп. 1. Д. 311. Л. 14).

В 1939 г. снова была изменена графика татарского языка, теперь с латиницы на кириллицу, что создало новые трудности для обучающихся на татарском языке детей. Из воспоминаний Махмута Шагдалиевича Латыпова: «Я обучался пять лет татарскому языку на латинской графике, а потом школу закрыли и меня перевели во второй класс с обучением на русском языке. Конечно, было тяжело, ничего не понимал вначале. Одежды не было, сначала мой брат Мансур сходит в школу, потом я эту же одежду надеваю» (ПМА, 2019: 1).

Татарские просветительские институции начала советского времени, как и предшествующие им медресе в регионе, играли важную роль в сохранении национального языка. Как считают лингвисты Т.Л. Маккарти, Т. Скутнабб-Кангас и О.Н. Магга, «хотя сами по себе школы не могут “спасти” языки, находящиеся под угрозой исчезновения, но трансформация школьной системы может уничтожить его самостоятельно на протяжении короткого времени» (Skutnabb-Kangas, McCarty, 2008).

После закрытия национальных школ, библиотек, театральных трупп, а также мечетей татарский язык постепенно превратился в средство внутрисемейного общения.

Из воспоминаний Закии Гарифовны Мухсиновой: «Когда я росла, в Наримановке в 1940-е говорили в основном уже на русском языке. В четыре года я уже сама его прекрасно знала. Я даже не помню, чтобы кто-нибудь из татар в это время плохо говорил на русском» (ПМА, 2010: 1).

Следует отметить, что в 1920–1930-е годы Наримановка в Костанае перестала быть территорией моноэтнического проживания татарского населения: здесь начали селиться представители других этнических групп. Очевидно, данное обстоятельство оказало влияние на трансформацию татарской языковой среды, которая в указанный период постепенно приобретала русскоязычный характер.

Татарский язык мог бы использоваться в мечетях, но в период антирелигиозной политики все мусульманские храмы начали закрываться друг за другом. В 1931 г. была экспроприрована Белая мечеть в Костанае, на год дольше прослужила верующим Красная мечеть в Наримановке (Костанай – Костанай:

очерки..., 2012: 108). Здание первой было передано театру, второй – под нужды авиашколы. В Аулиеколе в здании молитвенного дома расположилась общеобразовательная школа. Потом некоторое время оно пустовало, пока там не обосновались семьи немцев-спецпереселенцев (ГАКО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 448. Л. 25). В Житикаре в мечети поселили работников аптеки (ГАКО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 448. Л. 25).

Лишившись храмов, татары для коллективных молитв стали собираться на кладбищах, а национальные обряды на дому у верующих начали выполнять так называемые бродячие муллы – духовные лица, не зарегистрированные в государственных органах. В 1930-ые годы ими были Калимулла Валиуллин (позже (Шарипов) в Семиозерном, Мухамметджан Юсупов в Житикаре (ГАКО. Ф. Р-73. Оп. 1. Д. 320), Ахметжан Салимжанов в селе Карасу Вали Мусин – в 1 ауле Мендикаринской волости, Усман Валеев (Валиев) – в 6 ауле Мендикаринской волости, Абдулла Хасангалиев – во 2 ауле Аракарагайской волости, Исхак Ахмедов – в поселке Узынагаш (ГАКО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 448).

Муллы (как и все священнослужители в тот период) подвергались преследованиям и гонениям со стороны советской власти. Так Муэдзин Сайфетдин Хисматуллин был вынужден отречься от своей принадлежности к служителям культа, хотя не отрицал своей религиозности: «Я, старик 75 лет, воспитанный в правилах мусульманской веры, не могу отказаться от выполнения религиозных обрядов, бываю в мечети и иногда подметаю там пол. Но эта работа сторожа, выполняемая мной бесплатно, не имеет обрядового характера и по ней нельзя меня относить к служителям культа...» (ГАКО. Ф. Р-73. Оп. 1. Д. 315. Л. 298). Впоследствии Сайфетдин Хисматуллин бежал из Костаная.

Из воспоминаний внука Сайфетдина Хисматуллина, Руслана Сиразеевича Хисматуллина: «Моего бабая (деда – прим. авт.) – муэдзина Сайфетдина – вместе с другими верующими закрыли в мечети до утра, сказали, что утром комсомольцы их хотят расстрелять. Его спас водитель водовоза, он довез бабая до озера Шахринки и сказал бабая, чтобы он бежал» (ПМА, 2019: 2).

Многие оставшиеся в регионе религиозные лидеры были арестованы, а некоторые из них расстреляны. Как правило, их обвиняли в антисоветской деятельности. Минаутдин Абдуллович Абдрашитов, Абдулхат Абдулгалимович Кадыров, Абдулла Хасанович Утеев, Мифтах Камалутдинович Фахрутдинов вины не признали, однако все участники данного дела, за исключением Мифтаха Камалутдиновича Фахрутдинова, были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу.

Доказательством их вины служили свидетельства Гарифжана Денмухамедова (Денмухамметова, Динмухамметова, Димухамметова) и признательные показания Ризаитдина Зиятдинова, из которых следовало, что «...в 1936 г. под предлогом организации мусульманской духовной общины среди верующих татар Костаная была создана антисоветская организация» (ДВД КО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 0878. Л. 8).

В военное время в СССР антирелигиозная политика была смягчена. Положение «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов» от 19 ноября 1944 г. разрешало ввод в действие новых культовых учреждений, хотя предусматривало достаточно многоступенчатую и длительную процедуру регистрации (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 1. Л. 58–59).

В послевоенные годы на основании указанного Положения мусульмане Костаная, Житикары, Аулеколя попытались открыть молитвенные дома в данных населенных пунктах. В Житикаре для этого свой собственный дом готов был предоставить мулла Мустафа Губайдуллин (улица Кирзавод, дом 22), в Костаная рядом с Красной мечетью в Наримановке был арендован дом у К. Муразапаровой (улица 8 Марта, дом 27). В Житикаре и в Ауликоле прошения верующих были сразу отклонены, а в Костаная первоначально разрешение было получено (ГАКО. Ф. 268. Оп. 11. Д. 13). Некоторые чиновники выказывали готовность вернуть верующим мечеть, пустующую рядом с молитвенным домом. Об этом, например, ходатайствовал уполномоченный по делам религиозных культов по Костанайской области Айтленов перед уполномоченным по делам религиозных культов Казахской ССР Н. Сабитовым. Но городской комитет КПСС счел передачу мечети неприемлемой, а Айтленов получил строгий выговор на партийном собрании Облисполкома. Аналогичная участь постигла и другого чиновника – Бейсембаева, который также пошел навстречу верующим (ГАКО. Ф. 268. Оп. 11. Д. 73. Л. 41). Облисполком отказал в возвращении мечети в Наримановке, а ее здание в октябре 1946 г. было передано кинотеатру «Знамя». Однако энтузиасты продолжали борьбу за нее. Уполномоченные от мусульманской общины Костаная во главе с выбранным муллой Шамсутдином Багаутдиновым написали письмо Председателю Президиума Верховного Совета ССР Н.М. Швернику с просьбой вернуть мечеть (ГАКО. Ф. 268. Оп. 11. Д. 73. Л. 251). В прошении было вновь отказано. В 1967 г. вместо кинотеатра «Знамя» в священном для мусульман здании расположились кинотрест и ремонтно-производственное предприятие «Облкиноремснаб».

В таких условиях для выполнения религиозных обрядов татары Костаная собирались тайком.

Из воспоминаний Сании Муратовны Ивановой (Яфаровой): «Когда я была маленькой, помню, у моего деда, Салиха Яфарова, собирались родственники во время *уразы* (мусульманского поста – прим. авт.) для вечерней молитвы и иф-тара. Это происходило в темное время суток, закрывали ставни, чтобы никто не увидел» (ПМА, 2019: 3). Из воспоминаний Махмута Шагдалиевича Латыпова: «В моей молодости ходить по муллам запрещалось. За этим следили комсомольцы и дружинники. Верующие прятались. Молитвы читали на могилках тайком» (ПМА, 2019: 1).

В Костаная религиозные обряды проводили Габдрахман Ахмадеев (Ахмадиев), Шамсутдин Багаутдинов, Хамидулла Сейфульмулюкова, Сиразетдин Хисматуллин, Абдрахман Гильмутдинов, Магмура Хисматуллина. В Рудном

роль духовных наставников выполнял Адгам Каюмов, в Семиозерном – Закиржан Шарафеев и его сын Исмагилжан.

В советское время татарские муллы продолжали пользоваться большим уважением и авторитетом в интернациональной мусульманской умме. Приведем фрагмент воспоминаний ингуша Султана Магомедгиреевича Халмурзиева:

На протяжении всей жизни в Казахстане нас окружали добрые, сердечные татары. И в Костаное был мулла-татарин, который не только жил по шариату, но и всех учил основам Ислама, как правильно читать намаз, читал никах, совершал обряды погребения. Когда мой отец и его братья остались без кормильца, к этому татарину-мулле ходили за советом, за помощью. Он никогда не отказывал, всем помогал, был очень набожным человеком. Помню слова своего папы: «Лучше всех в мире читать Коран тебя научат только татары или тот, кого учил татарин. Арабы есть арабы – у них красивый голос, язык тонкий, но лучше татарина нет. Только он сможет научить тебя читать правильно, чтобы язык не заплетался².

В 1970 г. уполномоченный Совета по делам религий Костанайской области К. Лузин докладывал в вышестоящие инстанции: «Как уже сообщалось ранее, между служителями религиозного культа в Костаное произошел разрыв. Казахский мулла Джангоскин З. и его помощники инициативы в обрядовой деятельности не проявляют, в результате некоторая часть престарелых верующих казахов присоединилась к татарскому мулле Хамидулле Сейфульмулюкову» (ЦГА РК. Ф. 2079. Оп. 1. Д. 65. Л. 83).

Татары продолжали отмечать мусульманские праздники, главными из которых были *Курбан* и *Ураза гает*.

Из воспоминаний Руслана Сиразеевича Хисматуллина:

Нас, детей, одевали в чистое одеяние, предварительно искупав в бане, и отправляли по городу «*гает котларга*». Мы заходили в дома в Наримановке со словами «*Гаетегез котлы булсын!*» (Пусть гает будет благодатным! – прим. авт.). Нам давали деньги, конфеты, печенья, бурсаки. Это был настоящий праздник для нас. С нами ходили и некоторые русские ребята, а мы с ними потом на родительское и на русскую пасху (ПМА, 2019: 2).

Из воспоминаний Альфии Муратовны Латыповой (Яфаровой):

Детство мое прошло в 1950–1960-е годы в Наримановке. Мы детьми просыпались, а в доме пахло *май кызды* (жареным маслом – прим. авт.), наша мама с утра уже жарила перемячи и пекла блины. Был праздничный завтрак. Потом мы ходили с сестрами по дворам и поздравляли соседей и родственников, те давали нам по двадцать ко-

² Гафиятуллина И. «Казан басмасы». История одного Корана. URL: <https://islam-today.ru/istoria/kazan-basmasy-istoria-odnogo-korana> (дата обращения: 02.08.2025).

пеек. В этот день было принято ходить в гости, за день могли посетить до шести дворов (ПМА, 2019: 4).

Из воспоминаний Фирдаус Мухамеднуровны Гиматдиновой: «Я росла в Аулиеколе. Перед гае́том убрали дом. Мама говорила: «Завтра *гае́т*, прилетят бабушки и дедушки и будут сидеть, смотреть. Вы должны себя хорошо вести». Мама готовила выпечку: блины булочки. Мы, дети, ходили по домам и нам давали печености, булочки, кусочки мяса!» (ПМА, 2019: 5).

Уполномоченный по делам религии Костанайской области Айтленов сообщил, что мусульмане Ауликоля и Костаная проводят в *гае́т* коллективные молитвы, совершают жертвоприношения (ГАКО. Ф. Р-268. Оп 11. Д. 73. Л. 48).

Даже в 1970-е годы совершение мусульманских обрядов было сопряжено с рисками. Из воспоминаний Магинур Махмутовны Латыповой: «В 1975 г. в Костаная у друга моего отца, главного врача детобъединения, умерла дочка. Во время похорон, когда читали *джаназу*, он раздавал *садак*. Об этом кто-то сообщил в соответствующие органы, и он за этот проступок лишился работы и партбилета» (ПМА, 2019: 6).

Из нерелигиозных торжеств особое место занимал обряд *каз өмәсе*. На него поздней осенью собирались девушки для совместного ощипывания гусей. Коллективная работа заканчивалась веселыми молодежными гуляниями.

Из воспоминаний Уркии Мухамедияровны Рыщановой:

Когда мы были маленькими, мои родители проводили *каз өмәсе* – праздник гусяного пера или «гусиные субботники». Наша семья забивала не менее двух десятков гусей. С такой работой одной маме не справиться, и потому приглашались родственники, соседи. Всё делалось сообща, с прибаутками, песнями под гармонь, весёлым смехом – ощипывали и палили гусиные туши с помощью паяльника. После всего все приглашенные собирались за накрытым столом. По застольному ритуалу праздничного гуся мама разрезала на части. Девушки получали по крылышку, бабушка – гузку, мальчишка – шею, самому знатному гостю подают ножку, а наиболее терпеливому – грудку. Отведать гуся во время этого праздника – добрая примета. Гусь дает не только превосходное мясо, но также отличный пух. Подушки и перины мама набивала только гусиным пухом (ПМА, 2019: 7).

Бытовали и коллективные татарские женские посиделки – *аулак өй*, обряд выхода в степь – *далага чыгу*.

Из воспоминаний Танзили Рашитовны Хакимовой: «Помню, когда я была маленькая, в деревне Аулиеколь (это 1950-1960-е годы) тетя часто приглашала подруг. Она сама играла на гармошке, и вместе с подругами пели татарские песни. Песни были такие душевные, что все внутри переворачивалось, плакать хотелось. Обязательно чай был, стол накрывали. Эти посиделки назывались *аулак өй*» (ПМА, 2010: 2).

Из воспоминаний Лилии Елгиной (Забировой): «В Костаная мы с родней выходили на берег Тобола. Пили чай из самовара, брали воду прямо из реки,

разговаривали, пели, конечно, татарские песни. Сестра папы, Зугра апа, играла на гармошке. Это у нас называлось *далага чыгу*» (ПМА, 2019: 8).

Из свадебного комплекса обрядности в памяти татар сохранились сватовство, *никах*, показ невесте путь к роднику.

Из воспоминаний Газиза Гумаровича Сулейманова:

Это был 1974 г., я собрался жениться на татарке и попросил свою бабушку, которую я очень любил и почитал, провести все по татарским обычаям. Она говорит, ты же партийный, коммунист, как бы тебя из-за этого с работы не уволили. Я говорю, что все в порядке будет: сам привезу, увезу – никто не увидит. Приезжаем в дом к невесте: абика заходит в спальню, берет подушку и садится на диван в зале – это же наглость! Мы ничего не можем понять с будущей супругой, переживаем, что это абика делает, вроде такой начитанный человек, песни сочиняет и так ведет себя. А она начинает шутки-прибаутки петь. Это, оказывается, такой обычай сватовства был (ПМА, 2010: 3).

Из воспоминаний Руслана Сиразеевича Хисматуллина: «На *никах* я сам не присутствовал, так как находился на работе, а были жена и близкие родственники. После прочтения молитвы муллы спросил согласие на брак, вместо меня его дала тетя. Когда я вернулся домой, тетушки выскочили и наперебой стали меня поздравлять, а я за то, что они мне сообщили радостную новость, должен был отблагодарить денежкой» (ПМА, 2019: 2).

Из воспоминаний Гульфиры Габделхаковны Мирхайдаровой:

После свадьбы нашей родственницы в селе Буревестник (Наурзумский район Костанайской области) в 1965 г., помню, проводили обряд *су юлы* (путь к роднику – прим. авт.). На другой день после свадьбы кто-то из детей со стороны жениха показывал молодой хозяйке путь до источника воды. Обычно она должна была им дарить белые вышитые платочки. Это – символ чистой любви, опрятности. Путь сопровождался песнями, восхваляющими девушку и её брак. Часто невесты кидали монетку в колодец. Собравшиеся гости смотрели, как девушка набирает воду, как несёт коромысло, много ли воды расплескает из вёдер. По приходе в дом гости пили воду, принесённую невестой (ПМА, 2019: 9).

В 1970-е годы начинается процесс исчезновения многих татарских традиционных обрядов и обычаев как религиозных, так и светских.

Однако уже вторая половина 1980-х годов ознаменовалась религиозно-культурным «ренессансом». В 1989 г. в Рудном появился татарский ансамбль «*Дуслык*» (организатор – редактор газеты «Рудненский рабочий» Галия Низамовна Галиуллина), в 1990 г. в Костанае на областном радио стала выходить двадцатиминутная музыкально-информационная программа «*Якташ*» на татарском языке с периодичностью один раз в месяц. Ее вели Якуб Зеннятович Шакиров, Закия Гарифовна Мухсинова, Маруар Валеевна Нагаева и Марьям Нигматулловна Хафизова. Из воспоминаний Закии Гарифовны Мухсиновой: «В

эфире я рассказывала о людях, праздниках, событиях, использовала музыкальные записи. Каждый раз я садилась за подготовку текста программы со словарем и со временем все реже и реже в него заглядывала» (ПМА, 2019: 1).

В апреле 1991 г. в Костанайском Дворце культуры «Текстильщик» прошли Дни татарской культуры. Они были посвящены 105-летию юбилею поэта Г. Тукая и 70-летию образования Татарской АССР. В празднике приняли участие гости из Татарской АССР (композитор Энвер Шарафиев, солистка Театра оперы и балета им. М. Джалиля Клара Хайрутдинова, артисты Казанской филармонии), самодеятельные коллективы из городов и районов Костанайской области. Почетным гостем стала внучатая племянница Г. Тукая, София Галеевна Забирова-Ансаганова, проживающая в Костанаяе. В июле того же года прошло собрание, на котором было принято решение о создании Центра башкирской и татарской культуры.

29 марта 1990 г. в отделе социальной сферы Облисполкома Костанайской области был образован сектор национальных отношений. Депутаты областного совета стали персонально курировать работу с представителями разных национальностей. С татарами и башкирами ее вел Шамиль Мухамеджанович Капкаев. Началась совместная работа с органами власти (Мухсинова, 2013: 9). Первым делом было приведено в порядок мусульманское кладбище, встал вопрос о возвращении мечети.

15 июля 1991 г. исполком горсовета принял долгожданное решение о безвозмездной передаче здания областной филармонии (бывшей Ак мечети) городскому обществу мусульман, зарегистрированному в 1990 г. В общество входили Абдрахман Гильмутдинов, Мулахмад Сайфутдинович Хисматуллин, Акрам Якупов и другие. В том же году в молитвенном храме впервые за шестьдесят лет был совершен праздничный намаз на праздник *Курбан гает*.

После получения Республикой Казахстан независимости в ней были приняты усилия по созданию условий для культурного возрождения проживающих в стране народов. Повсеместно стали открываться классы для обучения национальным языкам. В 1994 г. возобновилось обучение татарскому языку и в Костанаяе (Мухсинова, 2013: 6). Преподавали его Марьям Нигматулловна Хафизова, Закия Гарифовна Мухсинова, Сария Салиховна Сиит, Фардана Гарипова, Фануза Мустафина, арабской графике обучали Адиба Харрасовна Фахриева и Марьям Ильясовна Халикова.

Из воспоминаний Сарии Салиховны Сиит: «На занятия по татарскому языку приходили не только дети, но взрослые, и даже бабушки. Уровень знаний учеников был разный, кто-то вообще слова не знал на татарском, а кто-то понимал речь, но не мог говорить. Я старалась научить не только говорить, но и писать. Уроки проходили по воскресеньям, шли два часа, собиралось до 15 человек» (ПМА, 2019: 10).

Из воспоминаний Адибы Харрасовны Фахриевой: «Когда в 1991 г. открылась мечеть, нам в ней дали четыре комнаты для преподавания. Мне тогда было 70 лет. Я вела у двух классов, в общей сложности обучала около 50 человек. В

основном это были татары и башкиры. Учила их вначале правописанию на арабице, потом учились на нем читать Коран. Сейчас многие из учениц – абыстай в городе» (ПМА, 2019: 11).

Возник вопрос и об образовании татарского центра. Из интервью с первым председателем Костанайского татаро-башкирского этнокультурного центра «Дуслык» Закией Гарифовной Мухсиновой:

В 1992 г. я побывала на форуме народа Казахстана, где наш Президент (Н.А. Назарбаев – прим. авт.) заявил, что «надо слышать голос каждого народа». Я ощутила свою ответственность в этом деле. Ведь я прошла комсомольскую школу, девизом которой были слова «Кто, если не мы?». Да и актив уже подобрался хороший, появилось желание зарегистрировать свой национальный центр³.

25 февраля 1995 г. решением собрания представителей татаро-башкирской национальности был создан Костанайский татаро-башкирский этнокультурный центр «Дуслык», который был зарегистрирован в Управлении юстиции Костанайской области 3 апреля того же года. Основной целью его деятельности стали активное содействие укреплению мира и межнационального согласия в стране, всестороннее взаимное обогащение культур народа Казахстана, возрождение, сохранение, развитие и пропаганда национальных традиций, обычаев и культуры татар и башкир, патриотическое воспитание молодежи. Первым председателем Костанайского татаро-башкирского этнокультурного центра стала директор областного архива, общественный деятель, член Ассамблеи народа Казахстана Закия Гарифовна Мухсинова.

Из интервью с первым председателем Костанайского татаро-башкирского этнокультурного центра «Дуслык» Закией Гарифовной Мухсиновой:

Было немало волнений и тревог. Придут ли люди на учредительное собрание, поддержат ли? Ведь немало было и скептиков, которые говорили: «Зачем это нужно? Кому интересно?». И надо было определиться с местом проведения. Мне было предложено возглавить центр. Во-первых, неофициально уже 5 лет занималась этой работой. А во-вторых (может, это даже во-первых), я была как бы своя. Ведь я родилась в Костанайе, жила около 20 лет в Наримановке, знала многих людей, меня хорошо знали. И место для собрания мы выбрали в Наримановке, в здании средней школы №15, где я училась и около трех лет работала, а позже была комсомольская и партийная работа. Она ведь тоже каким-то образом публичная⁴.

На собрании татарских активистов был принят Устав центра, избрано правление, утверждена ревизионная комиссия.

³ Мухсинова З. Коль суждено дышать нам воздухом одним, давайте мы на век объединимся // Наш Костанай. 8 апреля 2010. С. 6.

⁴ Там же.

В 2014 г. Костанайский татаро-башкирский этнокультурный центр «Дуслык» возглавила главный специалист аппарата акима Костанайской области Танзиля Рашитовна Хакимова, в 2015 г. – Ринад Вальтаевич Бектемиров.

Татаро-башкирский этнокультурный центр «Дуслык» со дня своего основания организовал множество мероприятий, посвященных Габдулле Тукаю, Мусе Джалилю, Каюму Насыри, Юнусу Ахметзянову, Салавату Юлаеву, праздники чая, гусяного пера, выставки блюд национальной кухни, спектакли «Аулак өй», «Заветный бабушкин сундук».

Из интервью с первым председателем Костанайского татаро-башкирского этнокультурного центра «Дуслык» Закией Гарифовной Мухсиновой:

На первые посиделки (*аулак өй*) мы собирали старинные полотенца, салфетки, предметы рукоделия. На празднике гусяного пера *каз өмәсе* мы обрабатывали туши уток. Старинные праздники возрождали по рассказам наших бабушек, книг. Наурузу мы посвящаем праздник чая, в день рождения известного повара Юнуса Ахметзянова мы проводим выставку блюд национальной кухни, в дни рождения центра собираемся у «бабушкиного сундука». На представление красочного бабушкиного сундука молодежи, собравшейся на посиделки с вязанием и вышивкой, предоставляется возможность познакомиться с его содержанием. А он хранит много интересного: большое красное тканое полотенце ручной работы (таких полотенец в старину удастаивались прежде всего батыры праздника «Сабантуй»), *кукрякча* – нагрудное убранство платья, которое оберегало девушек, молодых матерей от посторонних взглядов, фартук и платье с многочисленными оборками (чем их было больше, чем наряднее было платье), искусно расшитый калфак (женское головное убранство) и тюбетейка, наволочки, яркая вышивка, которая отводила от хозяев недобрые, завистливые взгляды, скатерть, *намазлык* (молитвенный коврик) и многое другое.

Все эти праздники получалось организовать благодаря усилиям членов правления, активистов: «Хорошо было бы открыть в городе Татарский дом, вернуть и восстановить мечеть в Наримановке, но пока нет в городе такого человека, как Габделвали Яушев, который пожертвовал средства на строительство мусульманского храма в городе»⁵.

Вместе татарские активисты стали отмечать праздник *Курбан-гает*.

Из интервью с Сарией Салиховной Сиит:

С 1990-х годов сложилась традиция отмечать этот праздник в моем большом доме. В первые годы принимала гостей в три смены: к 12 часам приходили муллы и семейные пары, к 15 часам – бабушки из татарского центра, вечером – дети и люди, кто в этот день работал. В общей сложности приходило до ста пятидесяти человек. Во дворе ре-

⁵ Мухсинова З. Коль суждено дышать нам воздухом одним, давайте мы на век объединимся // Наш Костанай. 8 апреля 2010. С. 6.

зали барана и дружно готовили татарский бишбармак с картошкой (ПМА, 2019: 10).

С 1995 г. татаро-башкирский этнокультурный центр «Дуслык» начал проводить праздник Сабантуй в Костанайе ежегодно. Из интервью с первым председателем Костанайского татаро-башкирского этнокультурного центра «Дуслык» Закией Гарифовной Мухсиновой:

Первый Сабантуй в Костанайе прошел в 1995 г. Проводили его на площади у памятника Ахмету Байтурсинову. Начинаем, народу мало, переживаешь. А потом народ начал подтягиваться. Праздник этот стал интернациональным. В играх, конкурсах принимают участие представители разных национальностей. Ширится круг участников концертной программы. Как и в древности, гвоздь праздника – *көрәш*, борьба на полотенцах, и главный приз батыру – живой баран. Сабантуй сейчас – это наш татарский «бренд» в Республике. Слышишь порой, даже когда люди другой национальности здесь разговаривают, сабантуем называют веселое празднование какого-нибудь события. Сейчас каждому центру Ассамблея народов Республики Казахстан одно мероприятие финансирует. Татарскому центру финансируют Сабантуй (ПМА, 2010: 1).

В 2017 г. центр был организатором республиканского праздника Сабантуй («Костанай – Казань – Сабантуй – 2017»), который прошел с участием делегации Республики Татарстан во главе с президентом Рустамом Нургалиевичем Миннихановым. Президент Татарстана вручил благодарственные письма костанайским татарам, которые вносят большой вклад в развитие костанайского региона и при этом сохраняют свою культуру. Среди них – предприниматель Рафаил Нурахметович Файзулин, заслуженный деятель искусств Республики Казахстан Шамиль Абдрахманович Фахрутдинов.

Аким Костанайской области Архимед Мухамбетов оценил важность праздника в продвижении этнической толерантности и отметил тесную связь между двумя народами, заявив: «Казахи и татары близки по истории, культуре, языку и по обычаям. Сегодняшний праздник является ярким примером дружбы и добрых отношений между нашими народами»⁶.

Праздник получился масштабным: специально установили татарскую этнодеревню и юрточный городок казахов, где гостям демонстрировали национальные традиции.

В 2018 г. татарскими активистами Костаная впервые был проведен конкурс «*Татар кызы*», в котором конкурсантки соревновались в кулинарных навыках, в пении и чтении стихов, умении держаться перед камерой на фотосессии, в знании татарского языка, истории Татарстана, культуры, традиций и

⁶ Рустам Минниханов: В Казахстане созданы все условия для сохранения самобытности татарского народа. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/rustam-minnihanov-v-kazahstane-sozdany-vse-usloviya-dlya-sohраниeniya-samobytnosti-tatarskogo-naroda-561888> (дата обращения: 02.08.2025).

обычаев. Победительницей конкурса стала Дина Абдрахманова, которая в дальнейшем завоевала право представлять Казахстан на международном этапе, куда вошли 12 финалисток со всего мира.

В настоящее время в Костанайе при татаро-башкирском этнокультурном центре продолжается обучение желающих изучить татарский язык (преподают Ринад Вальтаевич Бектемиров). В городе несколько раз проводили татарский диктант, организованный Всемирным конгрессом татар, Министерством молодежи Республики Татарстан, Всемирным форумом татарской молодежи, Институтом филологии и межкультурной коммуникации имени Льва Толстого и научно-образовательным центром «Институт Каюма Насыри» Казанского (Приволжского) федерального университета. В 2018 г. Костанай отличился тем, что в этом диктанте приняли участие самый взрослый и самый молодой участник. Это были 95-летняя Адиба Фахриева и десятилетний Талгат Латыпов⁷.

В Костанайе с первых лет основания татаро-башкирского центра при нем появилась вокальная группа «Дуслык», чуть позже башкирско-татарский ансамбль «Ляйсан». В Рудном Азии Габбасовной Фаизовой был организован татаро-башкирский клуб «Бэйрэм», который пропагандировал народное песенное творчество.

Из воспоминаний Азии Габбасовны Фаизовой:

Первоначально, я участвовала в татарском ансамбле «Дуслык», но потом мне захотелось не только петь, но и показывать обряды и традиции. Так мне пришла идея устроить татарский клуб. После мероприятий стали устраивать чаепитие. Первоначально приходило по 70–75 человек, потом все меньше и меньше, сейчас ходят приблизительно по 40 человек. Со временем клуб трансформировался в ансамбль. Проходит мероприятие в здании центра досуга «Орбита». На гастроли мы ездим в Костанай два-три раза в год. Раньше ездили в Тарановку, Майский. Там татары собирались. Мы заработали Гран-при в Набережных Челнах на Всероссийском конкурсе-фестивале народного творчества «Умырзая». Активными членами были Руфина Гилязутдинова, Гульшат Гуляканова, Альфия Калимуллина. Потом присоединились Рахилия Фахрутдинова, Марьям Гумерова, Фагия Гиндуллина, Лариса Шауберт, Фарида Гвоздева, Гульсум Хакимова, Нагима Ильбактина, Лидия Серегина. Музыкальным руководителем ансамбля является Владимир Луц (ПМА, 2019: 12).

Согласно проведенному в 2010 г. опросу, около 64% татар Костанайской области знает свои национальные песни. К числу наиболее популярных можно отнести народные хиты «Сарман», «Кубаләгем» (Моя бабочка), «Тала-тала», «Кара урман» (Темный лес).

⁷ Девять городов Казахстана присоединились к акции «Татарча диктант». URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/devyat-gorodov-kazahstana-prisoedinilis-k-aktsii-tatarcha-diktant> (дата обращения: 02.08.2025).

Более 35% респондентов заявили о том, что полностью соблюдают родильные обряды, 29% – свадебные, 78% – похоронные. Слабая приверженность свадебным обрядам объясняется высокой долей межэтнических браков. Так, в 2014 г. в Костанайской области 94,5% татар зарегистрировали новые семьи с представителями другой национальности. Это значительно выше, чем у казахов (8,7%), русских (40,8%), украинцев (81,3%), немцев (89,9%)⁸. Почти каждый третий из числа татар региона считает, что он свободно владеет национальным языком, 11% респондентов признались, что могут говорить, но уже не пишут и не читают на нем.

Несмотря на достаточно высокий уровень этнокультурной компетенции, мы наблюдаем выраженное нарушение этнокультурной трансмиссии: татарская молодежь гораздо реже, чем старшее поколение, соблюдает национальные обряды, чаще затрудняется с ответом на вопрос о любимой национальной песне и уже практически не знает национального языка. В то же время практически все молодые прекрасно владеют русским языком и более половины считают его своим родным.

Тенденции к ассимиляции с русским населением проявляются и в области межэтнического взаимодействия (табл.).

Таблица

Ориентации татар Костанайской области на межэтническое общение с группами этнического большинства (негативные установки), 2010 г., %

Не принимаю человека другой национальности в качестве:	Русского / русскую	Казаха / казашку
соседа	0	1
непосредственного начальника	4	20
друга (подруги)	0	0
близкого родственника	8	13
Средний коэффициент	3	8,5

Как видим из представленных выше данных, татары в большей степени ориентированы на взаимодействие с русскими, особенно в профессиональной и в семейной сферах.

О высоком уровне этнической толерантности свидетельствует и то, что практически все опрошенные нами респонденты готовы принять и казаха/казашку, и русского/русскую в качестве соседа и близкого друга. В то же время около 20% татар приходилось сталкиваться с ущемлением своих прав или возможностей из-за национальной принадлежности. В основном это проявлялось в бытовой сфере и при устройстве на работу. О проблеме коренизации кадров в Казахстане писали многие исследователи. Они считают ее главным

⁸ Естественное движение населения Костанайской области. Костанай, 2015. С. 8.

дестабилизирующим фактором национальных отношений в стране (Курганская, Дунаев, 2002; Эшмент, 1999).

* * *

Этнокультурную стратегию татарского населения Костанайской области можно определить как ассимиляционную, характеризующуюся постепенной потерей этнической группой отличительных культурных черт. Она стала проявляться в советское время, чему способствовало закрытие национальных школ, мечетей, библиотек, театра.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов активные члены татарского сообщества региона предприняли попытку возродить национальные традиции. С этого времени при поддержке государства здесь функционирует национально-культурный центр, преподается татарский язык, ежегодно отмечается праздник Сабантуй. Данные мероприятия, безусловно, содействуют не только поддержанию этнокультурной компетенции татарского населения, но и росту межэтнической толерантности.

О высоком уровне толерантности в Костанайской области свидетельствует значительная степень готовности татар к межэтническому взаимодействию с группами этнического большинства. Наиболее закрытыми сферами являются профессиональная и родственная.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАКО – Государственный архив Костанайской области (Костанай)
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации (Москва)
ДВД КО – Департамент внутренних дел Костанайской области (Костанай)
ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан (Алматы)

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

ГАКО. Ф. 268. Оп. 11. Д. 13.
ГАКО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 210.
ГАКО. Ф. Р-14. Оп. 1. Д. 37. Л. 52
ГАКО. Ф. Р-165. Оп. 1. Д. 311. Л. 14.
ГАКО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 448.
ГАКО. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 714. Л. 7.
ГАКО. Ф. Р-250. Д. 7. Л. 67.
ГАКО. Ф. Р-73. Оп. 1. Д. 320.
ГАКО. Ф. Р-99. Оп. 1. Д. 30.
ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 1. Л. 58-59.

ДВД КО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 0878. Л. 8.

ПМА, 2010 – Полевые материалы автора, собранные в Костанайской области, 2010 г. (1 – Закия Гарифовна Мухсинова; 2 – Танзиля Рашитовна Хакимова; 3 – Газиз Гумарович Сулейманов).

ПМА, 2019 – Полевые материалы автора, собранные в Костанайской области, 2019 г. (1 – Махмут Шагдалиевич Латыпов; 2 – Руслан Сиразеевич Хисматуллин; 3 – Сания Муратовна Иванова; 4 – Альфия Муратовна Латыпова; 5 – Фирдаус Мухамеднуровна Гиматдинова; 6 – Магинур Махмутовна Латыпова; 7 – Уркия Мухамедияровна Рыщанова; 8 – Лилия Искандеровна Елгина (Забинова); 9 – Гульфира Габделхаковна Мирхайдарова; 10 – Сария Салиховна Сиит; 11 – Адиба Харрасовна Фахриева; 12 – Асия Габбасовна Фаизова).

ЦГА РК. Ф. 2079. Оп. 1. Д. 65. Л. 83.

ЦГА РК. Ф. Р-692. Оп. 2. Д. 137. Л. 5–7.

ЛИТЕРАТУРА

Востриков Я.В. Некоторые вопросы комсомольской работы в период 1920–1922 годов // Первые шаги кустанайских комсомольцев. Кустанай, 1959. С. 35–40.

Дробижеева Л.М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся / под ред. *Л.М. Дробижеевой*. М.: Academia, 2002. С. 214–227.

Кустанай – Кустанай: очерки истории. С древнейших времен до 1936 года / под ред. *И.К. Тернового*. Кустанай, 2012.

Кустанай – Кустанай: очерки истории (1936–2013) / под ред. *И.К. Тернового*. Кустанай, 2012.

Курганская В.Д., Дунаев В.Ю. Казахстанская модель межэтнической интеграции. Алматы: Центр гуманитар. исслед., 2002.

Махмутов З.А. История татар Костаная и Костанайской области. Воронеж: ООО «Чемпион», 2022.

Мухсинова З.Г. Из истории татарской диаспоры в Костанайской области // Татары и башкиры Костанайской области: национальное единство Казахстана – в многообразии. Кустанай, 2013. С. 3–17.

Панарин С.А. Русскоязычные у внешних границ России: вызовы и ответы (на примере Казахстана) // Диаспоры. 1999. № 2–3. С. 136–168.

Хакимова Т.Р. Народная педагогика и татарская школа // Татары и башкиры Костанайской области: национальное единство Казахстана – в многообразии. Кустанай, 2013. С. 72–88.

Эшмент Б. Проблемы русских Казахстана – этничность или политика? // Диаспоры. 1999. № 2–3. С. 169–186.

Berry J.W. Acculturation and adaptation // Handbook of Cross-Cultural Psychology. Boston: Allyn & Bacon, 1997. P. 291–306.

Skutnabb-Kangas T., McCarty T.L. Key concepts in bilingual education: ideological, historical, epistemological, and empirical foundations // Encyclopedia of Language and Education. New York: Springer, 2008. P. 3–17.

REFERENCES

- Berry J.W. (1997) Acculturation and adaptation. In: *Handbook of Cross-Cultural Psychology*. Boston: Allyn & Bacon: 291–306.
- Drobizheva L.M. (2002) Russian and ethnic identity: confrontation or compatibility. In: Drobizheva L.M. (ed.) *Reforming Russia*. Moscow: Academia Publ.: 214–227. (In Russ.)
- Eshment B. (1999) Problems of Russians in Kazakhstan: ethnicity or politics? *Diaspory* [Diasporas]. No. 2–3: 169–186. (In Russ.)
- Khakimova T.R. (2013) Folk pedagogy and the Tatar school. In: *Tatars and Bashkirs of the Kostanay Region: National Unity of Kazakhstan in Diversity*. Kostanay: 72–88. (In Russ.)
- Kostanay – Kostanay: Essays on History from Ancient Times to 1936* (2012). Ternovoy I.K. (ed.) Kostanay. (In Russ.)
- Kostanay – Kostanay: Essays on History (1936–2013)* (2012). Ternovoy I.K. (ed.) Kostanay. (In Russ.)
- Kurganskaya V.D., Dunaev V.Yu. (2002) *Kazakhstan Model of Interethnic Integration*. Almaty. (In Russ.)
- Makhmutov Z.A. (2022) *History of the Tatars of Kostanay and the Kostanay Region*. Voronezh: Champion LLC Publ. (In Russ.)
- Mukhsinova Z.G. (2013) From the history of the Tatar diaspora in the Kostanay region. In: *Tatars and Bashkirs of the Kostanay Region: National Unity of Kazakhstan in Diversity*. Kostanay: 3–17. (In Russ.)
- Panarin S.A. (1999) Russian-speaking populations beyond Russia's borders: challenges and responses (the case of Kazakhstan). *Diaspory* [Diasporas]. No. 2–3: 136–168. (In Russ.)
- Skutnabb-Kangas T., McCarty T.L. (2008) Key concepts in bilingual education: ideological, historical, epistemological, and empirical foundations. In: *Encyclopedia of Language and Education*. New York: Springer: 3–17.
- Vostrikov Ya.V. (1959) Some issues of Komsomol activity in the period 1920–1922. In: *The First Steps of Kostanay Komsomol Members*. Kostanay: 35–40. (In Russ.)

Сведения об авторе: Махмутов Zufar Александрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Казанского филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований» (420039, ул. Исаева, 12, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-1063-4061>; e-mail: zufar@inbox.ru

About the author: Zufar A. Makhmutov, Doctor Sc. (History), Leading Researcher, Kazan Branch of the Federal State Budgetary Scientific Institution “Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research” (12 Isaev St., Kazan 420039, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-1063-4061>; e-mail: zufar@inbox.ru

Поступила в редакцию / Received 03.10.2025

Доработана после рецензирования / Revised 17.11.2025

Принята к публикации / Accepted 03.12.2025

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2026-11-1.152-163>

EDN: NLFNWS

Модели межэтнических семей в трансляции культуры, языка и воспитании детей

Г.И. Галиева

*Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан
Казанский государственный энергетический университет
Казань, Российская Федерация
guzaka@mail.ru*

А.А. Ибрагимова

*Центр исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан
Казанский государственный энергетический университет
Казань, Российская Федерация
alisa.garifullin@mail.ru*

Резюме. В статье рассматриваются особенности межэтнических семей в Республике Татарстан в условиях модернизации российского общества. Цель исследования – выявить факторы, влияющие на формирование этнической идентичности, сохранение и трансляцию языка и традиций в межэтнических семьях, а также определить новые модели семейной идентичности. В работе использованы качественные (глубинные интервью, проективные методики) и количественные (анкетирование) методы исследования. Анализ глубинных интервью с супругами и их совершеннолетними детьми показал, что ключевое влияние на стратегии сохранения этнокультурного наследия оказывают среда проживания, социальное окружение, роль старшего поколения и личная мотивация членов семьи. Выделены различные модели межэтнических семей: ассимилятивная, синкретическая, материнская доминантная, смешанная сбалансированная, этнически индифферентная, межкультурная творческая и конфликтная. Установлено, что в молодых семьях преобладает гибкость и ориентация на интеграцию, тогда как в семьях с длительным стажем чаще закрепляется доминирование одной культуры и традиций. Особое значение имеет воздействие советского прошлого, сформировавшего группу респондентов, ориентированных на дистанцирование от этноконфессиональных практик. Полученные результаты расширяют существующие типологии межэтнических семей и позволяют глубже понять процессы интеграции, сохранения культурного многообразия и формирования идентичности в современном российском обществе.

Ключевые слова: межэтническая семья; модель семьи; типология межэтнических семей; идентичность

Для цитирования: Галиева Г.И., Ибрагимова А.А. Модели межэтнических семей в трансляции культуры, языка и воспитании детей. *Историческая этнология*. 2026. Т. 11. № 1. С. 152–163. <https://doi.org/10.22378/he.2026-11-1.152-163> EDN: NLFNWS

Финансирование. Работа выполнена за счет предоставленного в 2024 г. Академией наук Республики Татарстан гранта на осуществление фундаментальных и прикладных научных работ в научных и образовательных организациях, предприятиях и организациях реального

сектора экономики Республики Татарстан, проект «Трансляция и сохранение этноконфессиональных традиций в современных межэтнических семьях».

Models of interethnic families in the transmission of culture, language and child-rearing

G.I. Galieva

*Center for Family and Demography of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan State Power Engineering University
Kazan, Russian Federation
guzaka@mail.ru*

A.A. Ibragimova

*Center for Islamic Studies of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan State Power Engineering University
Kazan, Russian Federation
alisa.garifullin@mail.ru*

Abstract. The article explores the characteristics of interethnic families in the Republic of Tatarstan in the context of modernization in Russian society. The aim of this study is to identify the factors that influence the formation of ethnic identity, language maintenance, and transmission of traditions within interethnic families, as well as to determine new models of family identity. Qualitative methods (in-depth interviews, projective techniques) and quantitative approaches (questionnaires) were employed in the research process. Analysis of in-depth interviews conducted with spouses and their adult children has revealed that the key influence factors shaping the strategies of ethno-cultural heritage preservation include the following: the living environment, social surroundings, the role of older generations, and individual motivation of family members. Different types of interethnic families have been identified: assimilative, syncretic, maternal-dominant, balanced mixed, creative multicultural, and conflictual. The findings indicate that younger couples tend towards flexibility and integration, whereas long-term established families more frequently solidify the dominance of one culture or set of traditions. Additionally, the influence of Soviet legacy shaped a group of respondents who reject ethnoreligious practices. These results expand the existing typologies of interethnic families and provide deeper insights into the processes of integration, cultural diversity retention, and identity formation in contemporary Russian society.

Keywords: interethnic family; family model; typology of interethnic families; identity

For citation: Galieva G.I., Ibragimova A.A. (2026) Models of interethnic families in the transmission of culture, language and child-rearing. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 11. No. 1: 152–163. <https://doi.org/10.22378/he.2026-11-1.152-163> (In Russ.)

Financial support. This work was supported by a grant awarded in 2024 by the Tatarstan Academy of Sciences for the implementation of fundamental and applied research in scientific and educational organizations, enterprises, and organizations in the real sector of the economy of the Republic of Tatarstan, for the project “Transmission and Preservation of Ethno-Confessional Traditions in Modern Interethnic Families”.

В условиях модернизации российского общества наблюдаются этнокультурные преобразования, протекающие с учетом региональных особенностей. Республика Татарстан, как один из полиэтничных регионов России, представляет собой уникальное пространство для изучения процессов интеграции, сохранения и трансляции этнокультурных традиций в межэтнических семьях. В последние десятилетия наблюдается рост числа межэтнических браков, что обусловлено как историческими особенностями региона, так и современными тенденциями глобализации, урбанизации и культурного обмена.

Несмотря на значительный интерес к проблеме межэтнических семей со стороны представителей различных научных дисциплин, до сих пор недостаточно изучены механизмы формирования в них этнической идентичности, сохранения языка и традиций, а также влияние длительности брака и социально-политических факторов на трансляцию этнокультурного наследия. Особое значение приобретает анализ влияния советского прошлого, когда в условиях государственной политики интернационализма и атеизма происходила трансформация этноконфессиональных практик и формировались новые модели семейных отношений.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа факторов, влияющих на стратегии сохранения и передачи этнокультурных традиций в межэтнических семьях, а также определения новых моделей семейной идентичности, возникающих в результате взаимодействия различных культурных, языковых и религиозных практик. Особое внимание уделяется выявлению тенденций, связанных с длительностью брака, ролью старшего поколения, а также с формированием групп, ориентированных на отказ от этноконфессиональных традиций под влиянием советской идеологии.

Таким образом, исследование особенностей функционирования межэтнических семей в Татарстане позволяет не только расширить существующие типологии, но и выявить новые тенденции в трансляции этнокультурных ценностей, что имеет важное значение для понимания процессов интеграции, сохранения культурного многообразия и формирования идентичности в современном России.

В советское время межэтнические семьи рассматривались как некий инструмент укрепления дружеских отношений между народами (Лурье, 2018: 122–148). Это также в некоторой мере способствовало тому, что в данный период наблюдался рост числа таких семей. Речь велась о модели межэтнического сближения народов СССР (Сусоколова, 1987). При этом ученые понимали такого рода семьи как локомотив ассимиляции, формирования единой культуры, а именно советской. Национальное самоопределение было тогда в большей степени формальным (Лурье, 2019: 141–159). В современных же условиях межэтнические семьи исследуются в контексте не межэтнических связей, а межличностных отношений, иногда этнически индифферентной социальной структуры. Наиболее популярным подходом к изучению межэтнических семей становится теория Дж. Берри, согласно которой интеграция определяется в качестве одной из стратегий аккультурации. В данном аспекте можно говорить о том,

что каждая их взаимодействующих групп и их представители сохраняет свою культуру, но одновременно между ними устанавливаются тесные контакты.

Л.А. Хачатрян и А.А. Чадова проанализировали результаты интервью с представителями межнациональных семей, в которых приняли участие татарско-русские, русско-армянские, русско-эстонские и русско-сербские семьи (Хачатрян, Чадова, 2016: 126–135). Ученые выделили четыре вида таких семей на основе определения основных стратегий, используемых их членами в процессе семейного взаимодействия:

1. Отказ от обеих идентичностей. В таких семьях особенности национальностей, обеих культур не имеют никакого значения.

2. Мирное сосуществование идентичностей. Члены семей принимают особенности и своей национальности, и своего супруга (и).

3. Стремление переделать друг друга. Каждый член семьи отстаивает нормы, ценности своей этнической группы, что часто провоцирует возникновение конфликтной ситуации.

4. Подавление одной идентичности другой. В такой семье учитываются этническая специфика только одного из супругов. Дети порой не знают особенности другой национальности.

Практически аналогичная типология была использована Ф.Б. Бурхановой и Э.В. Садретдиновой при анализе данных интервью, проведенных среди русско-татарской, русско-башкирской, татаро-белорусской, русско-чувашской, башкиро-узбекской, русско-казахской и башкиро-чеченской семей (Бурханова, Садретдинова, 2022: 128–151). Авторы выявили, что в большинстве межэтнических семей складывается эгалитарная модель, характеризующаяся процессом интеграции, то есть принятием отдельных ценностей обеих культур. Также в некоторых семьях наблюдается модель отказа от акцентуации межэтнических различий. Модели насаждения культуры одного из супругов при игнорировании паттернов культуры второго супруга и модель полного отказа от своей культуры в ходе исследования зафиксированы не были.

Анализ научной литературы позволил выявить типологию идентичности детей из межэтнических семей (Безрукова, Самойлова, 2019: 113–140): моноэтническая идентичность (обычно в пользу матери), биетническая идентичность (при участии и отца), этническая индифферентность (при перекладывании родительских обязанностей на других, отсутствии активной передачи этнической культуры). Здесь мы можем говорить о появлении роли «значимого другого» в жизни ребенка из межэтнической семьи при определении этнической идентичности.

Материалы и методы

Мы исходили из предположения, что представленные выше типологии межэтнических семей возможно расширить. В связи с этим сотрудниками Академии наук Республики Татарстан при участии авторов данной статьи в первом полугодии 2025 г. было осуществлено комплексное исследование таких семей, интегрирующее социологические и психологические методы. В нем использо-

вались как качественные методы – глубинные интервью и проективные методики, так и количественные – анкетный опрос. В городах и сельских районах Татарстана (г. Казань, г. Набережные Челны, г. Альметьевск, г. Лаишево, Зеленодольский, Сабинский, Балтасинский, Аксубаевский, Арский муниципальные районы) были проведены глубинные интервью с супругами, состоящими в межэтнических браках, а также с их совершеннолетними детьми (n=37). Участники были разделены на три группы: первая группа – супруги с длительностью совместной жизни до 20 лет (n=12), вторая – супруги с длительностью совместной жизни более 20 лет (n=12), третья – дети (старше 18 лет), воспитанные в межэтнических семьях (n=13). Респонденты были представителями народов Поволжья (русские, татары, чуваша, марийцы, удмурты, башкиры).

В дополнение к основному инструментарию исследования была проведена процедура психосемантического анализа с применением метода семантического дифференциала. Данная методика для выявления ассоциативных связей между объектами в сознании испытуемых, позволяла фиксировать как осознанные, так и бессознательные установки. Основанием метода является феномен синестезии, связанный с возникновением ассоциаций между различными сенсорными впечатлениями. Участники исследования заполняли бланки проективных тестов, предназначенных для диагностики уровня этнической самоидентификации, осознания собственной этнокультурной принадлежности, восприятия супруга в этнокультурном контексте, образа родительской семьи и конструкторов будущего.

Помимо качественных методик было проведено количественное исследование методом анкетирования молодежи Республики Татарстан (возраст до 35 лет), основной целью которого стало выявление аттитюдов и готовности молодого поколения к вступлению в межэтнические отношения и образованию семей (n=1010).

Результаты исследования

Анализ показал, что на этническую идентичность супругов оказывает воздействие совокупность факторов, среди которых ключевое значение имеют среда проживания и социальное окружение. Как правило, этническая идентичность складывается в пользу доминирующей в окружении культуры, что подтверждается эмпирическими данными: «... до этого христианка. Ну, как я попала в татарскую сферу после замужества, всё-таки я уже начала приобщаться к татарам» (ПМА, 2025: 1).

Важной детерминантой формирования идентичности выступает влияние старшего поколения. Этническая самоидентификация конструируется в процессе взаимодействия с ближайшим социальным окружением, в первую очередь, с бабушками, дедушками, родителями и иными родственниками, которые транслируют этноконфессиональные ценности и практикуют их в повседневной жизни: «Больше бабушка, потому что дедушек мы не помним, не знаем, больше бабушка. На каникулах у нее, всё время у нее были. Она, как религиозная женщина, больше с намазом, религии тоже больше дала» (ПМА, 2025: 2).

Не менее значимым фактором является субъективное восприятие и оценка этнокультурного наследия, а также эволюция жизненных ориентиров и накопленного опыта, что усиливает интерес к самоидентификации: «С возрастом, я знаю, что у него это приходит. То есть, если, к примеру, три года назад его ни за что невозможно было уговорить зайти в церковь, то есть он не мог там физически находиться, то в том году он сам пришел к тому выводу, что ему нужно сходить в церковь» (ПМА, 2025: 3).

Сохранение родного языка в межэтнических семьях зависит от ряда обстоятельств. Важную роль играет повседневная коммуникация, поскольку регулярное употребление языка в обыденной жизни (дома, образовательных учреждениях, на работе) формирует устойчивую привычку его использования.

Существенное значение имеет позиция родителей, поскольку степень использования языка в повседневной жизни напрямую влияет на его сохранение: «Я как бы считаю себя русской, потому что языка матери, к сожалению, чувашского я не знаю. У нас в семье всегда был только русский язык» (ПМА, 2025: 4). Кроме того, важным аспектом выступает личная мотивация к изучению языка супруга или родителей:

Я пыталась, я изначально говорила мужу, давай сразу разговаривать. Он пока маленький, я на своем языке, ты на своем языке. Он ни да, ни нет, всегда молчал. Потом я как-то взяла разговорник и стала читать фразы (на татарском языке – прим. авт.), а там не было ударений. Он надо мной долго хохотал, муж. Мол, типа, я понять не могла. Он говорит, мало того, что ты произносишь неправильно, еще и ударение не туда ставишь (ПМА, 2025: 5).

В случае отсутствия указанных условий наблюдается утрата языка: «У меня муж, когда мы только познакомились, еще думал по-чувашски, чтобы что-то сказать. Сейчас он абсолютно как русский, он думает по-русски» (ПМА, 2025: 6).

Таким образом, сохранение языка и соблюдение традиций способствуют воспроизводству этнокультурных ценностей. В одних семьях наблюдается поддержание традиций обеих культур: «Мы придерживаемся и наших традиций, и обрядов и их тоже. В доме мы и Великий пост соблюдаем, и Священный месяц Рамадан» (ПМА, 2025: 4). В других случаях происходит доминирование одной культуры, когда этноконфессиональные практики реализуются преимущественно по линии одного из супругов: «Надо все равно выбрать одну главную культуру. Все дети вышли замуж за татар» (ПМА, 2025: 7).

Взаимоотношения в межэтнических семьях могут складываться по различным сценариям. В одних случаях основой гармонии становится взаимное уважение и договоренности, позволяющие успешно сосуществовать нескольким культурам и религиям: «Самый основной принцип – это взаимопонимание и уважение. Вот если этот принцип будет основным, во главе угла, то все будет хорошо» (ПМА, 2025: 4). В других семьях отмечается давление со стороны родственников, что может приводить к конфликтам: «... война, когда родственники мужа и мои родственники, в частности, мамы, папы, узнают, что каких-то детей мы будем крестить, война будет у моих» (ПМА, 2025: 3).

Особое значение приобретают вопросы, связанные с выбором формы брака и проведением религиозных обрядов. Современные молодожёны зачастую стремятся к компромиссам, заранее договариваясь о нейтральных вариантах: «На берегу договорились, чтобы было не обидно ни моим родственникам, ни его родственникам, что мы не будем делать ни венчания, ни *никах*» (ПМА, 2025: 3). Однако в ряде случаев родственники настаивают на проведении религиозного обряда, что отражает значимость традиций для старшего поколения: «Абика моя с родной мамой настояли, чтобы был *никах* проведен. И мы провели *никах*, прежде чем я уехала» (ПМА, 2025: 8).

После заключения брака перед супругами встаёт вопрос о религиозной социализации детей. На практике чаще всего доминирует одна религия, что обусловлено как окружением, так и влиянием старших членов семьи. Кроме того, супруги часто заранее принимают решение относительно религиозной принадлежности будущих детей, стремясь избежать сложностей самоопределения: «Всё-таки нужно, наверное, какой-то одной религии придерживаться. Знать и чтить свою, но нужно выбрать, чтобы в семье была одна религия. Потому что это и для детей сложно потом будет выбирать» (ПМА, 2025: 1). Вместе с тем, некоторые родители предпочитают предоставить детям самостоятельный выбор: «Мы детей не крестили и не нарекали, то есть этот вопрос мы оставили детям» (ПМА, 2025: 9). В отдельных случаях религиозные обряды проводятся одним из супругов без ведома другого, что свидетельствует о сложности согласования этноконфессиональных практик: «Родственники мужа не знают о проведении обряда *никах*. ... Мы вообще не говорим о том, что мы это сделали, потому что это было важно для меня и моей семьи больше» (ПМА, 2025: 10).

По мере взросления смешанная идентичность детей из межэтнических семей может смещаться в сторону более выраженной в семье культуры.

Таким образом, анализ факторов, влияющих на идентичность, сохранение языка, преемственность традиций, внутрисемейную коммуникацию и религиозные практики, позволяет раскрыть сложный характер отношений в межэтнических семьях, где индивидуальные стратегии, семейные договорённости, культурная среда и влияние старшего поколения находятся в тесном взаимодействии.

Анализ особенностей сохранения традиций в межэтнических семьях с учетом длительности брака позволяет выделить ряд тенденций. В семьях с семейным стажем до 20 лет отмечается высокая степень гибкости: супруги чаще обсуждают вопросы, связанные с языком, традициями и религией, стремятся к поиску компромиссов и индивидуальных решений. Воспитание детей в таких семьях зачастую строится на принципах предоставления выбора относительно религиозной и культурной идентичности. При этом традиции и обряды нередко соблюдаются формально, без глубокого осмысления, а язык используется преимущественно на бытовом уровне и не всегда передается следующим поколениям. Праздничные практики также могут носить символический характер. Семьи с небольшим стажем более подвержены влиянию внешней среды (урбани-

зация, этнический состав региона), что способствует ускоренной ассимиляции и переходу на русский язык.

Вмешательство родителей и родственников в молодежных семьях может выступать как фактором поддержки, так и источником конфликтов; давление с стороны ближайшего окружения способно вызывать как протестные реакции, так и принятие традиций супруга. Для таких семей характерна ориентация на культурную интеграцию, что проявляется в совместном праздновании традиций обеих этнических групп, кулинарных практиках и интересе к культуре партнера.

В семьях, где супруги совместно проживают более 20 лет, усиливается тенденция к стабилизации семейных моделей: чаще закрепляется доминирование одной культуры, а традиции и язык сохраняются лишь в случае их устойчивого воспроизводства с момента заключения брака. Значимую роль в таких семьях играет старшее поколение, однако после его ухода наблюдается тенденция к утрате традиций. Длительный семейный стаж способствует формированию устойчивых стратегий существования, снижению конфликтности по вопросам религии, традиций и воспитания детей. В таких семьях чаще наблюдается стремление к передаче этнокультурного наследия следующим поколениям, а также проявляется ностальгия по утраченным элементам культуры и желание их возродить.

Итак, опираясь на существующие классификации, представляется возможным дополнить типологию межэтнических семей моделями, основанными на степени сохранения и трансляции этнокультурных традиций, формирования идентичности в семье.

Модель «Ассимилятивная семья», где представитель одного из этносов подавляет представителя другой этнической группы, стремясь интегрировать членов семьи в свою культуру и добиться отказа от наследия другой национальности. «Я говорю, что у меня есть смешанная кровь, но больше идет как татарка, потому что больше вкладывалось именно татарское воспитание бабушки и родителей. Так как отец вырос в татарской деревне, учился в татарской деревне. ... Мы с детства разговариваем по-татарски. В семье по-татарски все» (ПМА, 2025: 2). Можно выявить тенденцию, согласно которой среда обитания, происхождение родителей и регулярное общение на языке соответствующей национальности способствуют процессу ассимиляции.

Модель «Синкретическая семья», в которой сохраняются и развиваются традиции и языки обеих национальностей, формируя уникальный синкретический образ жизни. «Папин папа был татарин, он исполнял обязанности мульты, а мама была крещеной женщиной. Я всегда чувствовала себя между двумя культурами, праздновала и мусульманские, и православные праздники» (ПМА, 2025: 11). Данной модели семьи свойственно проявление в одновременном принятии и праздновании традиций обеих национальностей отсутствия четкого приоритета одной из них.

Модель «Материнская доминантная семья», в которой ведущую роль в формировании идентичности и культурных предпочтений ребенка играет мать,

вне зависимости от национальной принадлежности отца. «Вклад именно татарской культуры идет больше, потому что не ездим, не получается, не живем в Марийке (Республика Марий-Эл – прим. авт.). Нет вклада культуры марийской. Мы в Казани, в Татарстане среди татар и больше татар» (ПМА, 2025: 2). В рамках данной модели семьи материнская доминантность определяется активным участием матери в воспитании и передаче культурных элементов собственной национальности, что формирует у ребенка сильную ассоциацию с ее национальностью.

Модель «Смешанная сбалансированная семья», где признается важность обеих национальностей, но доминирование одной из них минимально, дети получают свободу выбирать собственную идентичность. «Хотя бабушка, конечно, вводила строгие ограничения на употребление некоторых продуктов, но моя мама всегда позволяла мне попробовать что-то из русской кухни, и я чувствовала себя комфортно в обеих культурах» (ПМА, 2025: 3). Баланс в данной модели семей достигается признанием особенностей обеих национальностей и отсутствием чрезмерного давления на принятие одной из них.

Итак, продолжительность брака оказывает влияние на устойчивость моделей сохранения традиций и языка: молодые семьи характеризуются большей гибкостью и экспериментированием, тогда как семьи с большим стажем – устойчивостью, закреплённостью одной культурной модели, значимостью старшего поколения и выраженной межпоколенной трансляцией традиций.

Модель «Межкультурная творческая семья», где «рождается» новая идентичность, сочетающая элементы обеих культур, создаются уникальные ритуалы и традиции, не характерные традиционным семьям. «Наш дом наполнен смесью традиций. На Новый год мы готовим национальные блюда обеих национальностей, на Пасху печем куличи, а на Курбан-байрам готовим традиционные татарские блюда» (ПМА, 2025: 11). Творческое сочетание традиций в данной модели семей позволяет создать уникальное пространство, свободное от строгих ограничений традиционной идентичности.

Модель «Конфликтная семья», где различия в происхождении вызывают постоянные споры и разногласия, способные повлиять на стабильность внутрисемейных отношений. «Иногда разговоры о религии приводят к ссорам, потому что каждый отстаивает свою позицию, и примирить их непросто» (ПМА, 2025: 3). В семьях с данной моделью этнический и культурный конфликт выражается в столкновении взглядов на традиции, язык и вероисповедание, что осложняет формирование гармоничной семейной идентичности.

Модель «Этнически индифферентная семья», в которой отсутствует акцент на этническую принадлежность. Основной отличительной чертой таких семей является минимизация или игнорирование этнокультурных различий между супругами и членами семьи, вследствие чего этническая идентификация отходит на задний план. Во время исследования выделилась небольшая группа респондентов, идентифицирующих себя как «атеисты», «агностики», «люди мира»: «Я, наверное, не считаю себя представителем какой-либо религии. Я агно-

стик по своему мировоззрению» (ПМА, 2025: 12). Представители данной группы родились и выросли в советский период, восприняв социалистическую, коммунистическую идеологию, которой провозглашалось равенство всех национальностей, и на государственном уровне отрицалась религия: «Прародители, потому что я же росла в советское время, то бишь родители – мама как-то еще лояльно относилась, а папа у нас был партийный, и это – какие яйца собирать?! Как бы негласно этого нельзя было делать» (ПМА, 2025: 13). В результате воздействия указанных социально-политических процессов у данной группы респондентов сформировались представления о необязательности сохранения традиций. В таких семьях супруги не практикуют этноконфессиональные обряды, не воспроизводят и не передают последующим поколениям национальные и религиозные традиции своего народа.

Обозначенные модели демонстрируют разнообразие путей, которыми межэтнические семьи формируют свою идентичность и подходы к взаимодействию культур. Каждая модель отражает специфические условия и стратегии адаптации, определяемые как внутренними факторами (роль родителей, индивидуальные предпочтения), так и внешним воздействием (окружение, общественные установки).

* * *

Анализ интервью, проведенных в межэтнических семьях из Республики Татарстан, показал, что процессы формирования у их представителей этнической идентичности, поддержания языка и традиций представляют собой сложное, многоуровневое явление, зависящее от множества факторов социальной среды. Установлено, что основными составляющими, определяющими стратегию сохранения этнокультурного наследия, являются пространство обитания, роль социального окружения и старшего поколения, а также внутренняя мотивация членов семьи. Особое значение приобретает влияние советской эпохи, породившей значительную когорту респондентов, чьи семейные практики ведут к утрате или формализации этнической и/или религиозной идентичности.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

ПМА, 2025 – Полевые материалы авторов: интервью в Республике Татарстан, 2025 г. (1 – 41 год, удмуртка, муж – татарин, семейный стаж до 20 лет, Сабинский район; 2 – 33 года, татарка, отец – татарин, мать – марийка, г. Казань; 3 – 29 лет, татарка, муж – русский, семейный стаж до 20 лет, г. Казань; 4 – 57 лет, русская, муж – татарин, семейный стаж более 20 лет, пгт Аксубаево; 5 – 61 год, русская, муж – татарин, семейный стаж более 20 лет, г. Казань; 6 – 34 года, русская, муж – чуваш, семейный стаж до 20 лет, г. Казань; 7 – 63 года, марийка, муж – татарин, семейный стаж более 20 лет, г. Казань; 8 – 38 лет, татарка, муж – рус-

ский, семейный стаж менее 20 лет, г. Лаишево; 9 – 42 года, русская, муж – татарин, семейный стаж до 20 лет, г. Казань; 10 – 30 лет, татарка, муж – русский, семейный стаж до 20 лет, г. Казань; 11 – 42 лет, татарка, муж – русский, семейный стаж до 20 лет, г. Казань; 12 – 50 лет, русская, отец – украинец, мама русская, муж – татарин, семейный стаж более 20 лет, г. Набережные Челны; 13 – 52 года, русская, отец – крещенный татарин, мама – русская, муж – татарин, семейный стаж до 20 лет, г. Казань).

ЛИТЕРАТУРА

Безрукова О.Н., Самойлова В.А. Этническая идентичность детей в межэтнических семьях в контексте культуры родительства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. № 22 (3). С. 113–140. <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.3.5>

Бурханова Ф.Б., Садретдинова Э.В. Этнокультурная адаптация супругов в межэтническом браке: модели и факторы-детерминанты // Уфимский гуманитарный научный форум. 2022. № 4. С. 128–151. https://doi.org/10.47309/2713-2358_2022_4_128_151

Лурье С.В. Межэтнические браки в современном российском национальном сценарии // Петербургская социология сегодня. 2018. № 10. С. 122–148.

Лурье С.В. От советского народа к российскому: проблема ассимиляции в СССР и Российской Федерации через призму межэтнической брачности // Идеи и идеалы. 2019. № 4 (11). С. 141–159.

Сусоколов А.А. Межнациональные браки в СССР. М.: Мысль, 1987.

Хачатрян Л.А., Чадова А.А. Межнациональная семья в современном российском обществе // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. № 1. С. 127–135.

REFERENCES

Bezrukova O.N., Samoylova V.A. (2019) Ethnic identity of children in interethnic families in the context of parenting culture. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. No. 22 (3): 113–140. <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.3.5> (In Russ.)

Burkhanova F.B., Sadretdinova E.V. (2022) Ethnocultural adaptation of spouses in interethnic marriage: models and determinants. *Ufimskiy gumanitarnyy nauchnyy forum* [Ufa Humanities Scientific Forum]. No. 4: 128–151. https://doi.org/10.47309/2713-2358_2022_4_128_151 (In Russ.)

Khachatryan L.A., Chadova A.A. (2016) The interethnic family in modern Russian society. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology]. No.1: 127–135. (In Russ.)

Lur'e S.V. (2018) Interethnic marriages in the modern Russian national scenario. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya* [St. Petersburg Sociology Today]. No.10: 122–148. (In Russ.)

Lur'e S.V. (2019) From the Soviet people to the Russian people: the problem of assimilation in the USSR and the Russian Federation through the prism of interethnic marriage. *Idey i idealy* [Ideas and Ideals]. No. 4 (11): 141–159. (In Russ.)

Susokolov A.A. (1987) Interethnic marriages in the USSR. Moscow: Mysl' Publ. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Галиева Гузель Илгизовна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Лево-Булачная, 36а, Казань, Российская Федерация); доцент кафедры «Социология, политология, право», Казанский государственный энергетический университет (420066, ул. Красносельская, 51, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0003-0645-0013>; e-mail: guzaka@mail.ru

Ибрагимова Алиса Ахтямовна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Центр исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Лево-Булачная, 36а, Казань, Российская Федерация); доцент кафедры менеджмента, Казанский государственный энергетический университет (420066, ул. Красносельская, 51, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-3970-545X>; e-mail: alisa.garifullin@mail.ru

About the authors:

Guzel I. Galieva, Cand. Sc. (Sociology), Leading Researcher at the Family and Demography Center of the Tatarstan Academy of Sciences (36a Levo-Bulachnaya St., Kazan 420111, Russian Federation); Associate Professor at the Department Sociology, Political Science, Law, Kazan State Power Engineering University (51 Krasnoselskaya St., Kazan 420066, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0003-0645-0013>; e-mail: guzaka@mail.ru

Alisa A. Ibragimova, Cand. Sc. (Sociology), Senior Researcher at the Islamic Studies Research Center of the Tatarstan Academy of Sciences (36a Levo-Bulachnaya St., Kazan 420111, Russian Federation); Associate Professor at the Management Department, Kazan State Power Engineering University (51 Krasnoselskaya St., Kazan 420066, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-3970-545X>; e-mail: alisa.garifullin@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 08.10.2025

Доработана после рецензирования / Revised 24.11.2025

Принята к публикации / Accepted 08.12.2025

Научный дебют

Scientific debut

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2026-11-1.164-179>

EDN: MEBDPX

От городского ритма к личной тишине: эволюция эмоциональной архитектуры на примере проектов в Казани

К.Р. Давлетьянова

*Архитектурное бюро «ZARF»
Казань, Российская Федерация
karina.davletyanova@gmail.com*

Г.Н. Давлетшин

*Архитектурное бюро «ZARF»
Казань, Российская Федерация
zarf.arch@gmail.com*

Резюме. Современная архитектурная практика всё чаще обращается к тем аспектам среды, которые определяют не столько её форму, сколько переживание – телесное восприятие, звуковую структуру, ритмы света и ландшафта. В многонациональных городах необходимость работать с локальной идентичностью делает особенно важным поиск инструментов, позволяющих культуре проявляться не через прямую визуальную цитату, а через атмосферу и эмоциональную память места. В статье рассматривается эволюция авторского проектного подхода – от пространственного события и символического образа к методике, в которой фокус смещён с формы на восприятие среды и опыт присутствия.

Цель исследования – описать становление феноменологически ориентированного метода и показать его реализацию в благоустройстве жилого комплекса «Фриссон». Методы включают обобщённый анализ проектной практики архитектурного бюро «ZARF», семантический разбор архитектурных образов, пространственный и ландшафтный анализ, а также моделирование пользовательских сценариев и сенсорных переходов с учётом акустических контекстов. Ранние проекты – бульвар «Фестивальный» и конкурсная концепция Театра им. Г. Камала – рассматриваются как этапы формирования методики и уточнения её инструментов.

Результаты показывают, что переход от работы с визуальными кодами к созданию атмосферы позволяет формировать инклюзивные пространства, где идентичность ощущается через ритм, свет, звук, материал и сезонную динамику среды. В проекте «Фриссон» этот подход раскрывается через эмоциональную последовательность, градации приватности и интеграцию акустических и ландшафтных элементов. Сделан вывод о практической значимости метода для проектирования жилых и общественных пространств и для исследований в области архитектурной этнологии и урбанистики.

Ключевые слова: архитектура среды; культурная идентичность; локальная идентичность; архитектура эмоций; ландшафт; восприятие; современный двор

Для цитирования: Давлетьянова К.Р., Давлетшин Г.Н. От городского ритма к личной тишине: эволюция эмоциональной архитектуры на примере проектов в Казани. *Историческая этнология*. 2026. Т. 11. № 1. С. 164–179. <https://doi.org/10.22378/he.2026-11-1.164-179>
EDN: MEBDPX

From urban rhythm to personal silence: the evolution of emotional architecture (the case of projects in Kazan)

K.R. Davletyanova

ZARF Architectural Bureau

Kazan, Russian Federation

karina.davletyanova@gmail.com

G.N. Davletshin

ZARF Architectural Bureau

Kazan, Russian Federation

zarf.arch@gmail.com

Abstract. Contemporary architectural practice increasingly turns to the aspects of the environment that define not so much its form as it defines the experience it produces – bodily perception, acoustic structure, and the rhythms of light and landscape. In multicultural cities, the need to work with local identity makes it essential to employ tools that allow culture to manifest not through direct visual citation but through the atmosphere and emotional memory of the place. The article examines the evolution of the authors’ design approach – from spatial event and symbolic form toward a methodology in which the focus shifts from formal expression to sensory perception and the experience of presence.

The aim of the study is to describe the formation of a phenomenologically oriented method and to demonstrate its application in the landscape design of the residential complex Frisson. The methods include a generalised analysis of the design practice of the architectural bureau ZARF, semantic interpretation of architectural imagery, spatial and landscape analysis, as well as the modelling of user scenarios and sensory transitions with attention to acoustic contexts. Earlier projects – the Festivalnyy Boulevard and the competition concept for the G. Kamal Theatre – are interpreted as stages in the development of the method and refinement of its tools.

The results show that shifting from visual codes to atmospheric design enables the creation of inclusive environments where identity is perceived through rhythm, light, sound, materiality, and the seasonal dynamics of the landscape. In the Frisson project, this approach is articulated through emotional sequencing, gradations of privacy, and the integration of acoustic and landscape elements.

The study concludes that this method has practical relevance for the design of residential and public spaces, as well as for further research in architectural ethnology and urban studies.

Keywords: architecture of environment; cultural identity; local identity; architecture of emotions; landscape; perception; contemporary courtyard

For citation: Davletyanova K.R., Davletshin G.N. (2026) From urban rhythm to personal silence: the evolution of emotional architecture (the case of projects in Kazan). *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 11. No. 1: 164–179. <https://doi.org/10.22378/he.2026-11-1.164-179> (In Russ.)

Современная архитектура всё чаще обращается к нематериальным аспектам среды – восприятию, атмосфере, эмоциональной памяти. Этот сдвиг связан с переосмыслением роли формы и возвращением внимания к человеку как носителю чувственного опыта. Архитектура перестаёт быть исключительно визуальным искусством и становится способом проживания – пространственной практикой, включающей время, движение, тактильность и звук.

Эта линия восходит к феноменологической традиции архитектурной мысли. П. Цумтор в книге «Атмосферы: архитектурная среда. Окружающие объекты» описывает архитектуру как искусство создания настроений, в которых человек «слышит себя через пространство» (Zumthor, 2006). Ю. Палласмаа в работе «Зрение через кожу: архитектура и восприятие» противопоставляет «зрительный» и «телесный» опыт, подчеркивая, что истинная архитектура воздействует не образом, а атмосферой (Pallasmaa, 1996). Идея «гения места» «*genius loci*», сформулированная К. Норберг-Шульцем, акцентирует присутствие человеческого духа в месте, а не только его визуальную узнаваемость (Norberg-Schulz, 1980). Эти идеи получили развитие у С. Холла, исследовавшего взаимодействие света, звука и движения как выразительных инструментов архитектурного языка (Holl, 1994).

В отечественной гуманитарной традиции параллельное осмысление пространства развивали Ю.М. Лотман и М.М. Бахтин. Для Лотмана пространство культуры – это сеть знаков, взаимодействующих в пределах семиосферы (Лотман, 1984), а Бахтин показал, что пространство и время образуют единый хронотоп, в котором человек становится соучастником повествования (Бахтин, 1975). Эти идеи позволяют рассматривать архитектуру не как объект, а как живой текст, где человек – не зритель, а читатель и соавтор. Архитектурная среда в этом смысле может пониматься как часть семиосферы – пространства смыслов, где каждый предмет и форма несут след культурного взаимодействия.

Современные исследования локальности (Relph, 1976; Augé, 1992; Ingold, 2000) углубили понимание места как категории опыта. Они показали, что утрата подлинности среды ведёт к ощущению «не-места», а значит, к разрыву культурной непрерывности. Для многонационального Татарстана этот вопрос особенно актуален: архитектура здесь должна быть не только отражением идентичности, но и способом её соразмерного проживания.

В мировой практике последних лет – от проектов Кэнго Кумы и Дзюнья Ишигами до работ бюро «Snøhetta» – заметен поворот к «архитектуре тишины» и поиску эмоциональной эмпатии пространства. Это направление можно определить как *постцифровую архитектуру чувств*, где форма отступает перед атмосферой, а локальная культура проявляется через ритм, материал и свет.

Творческий путь нашего архитектурного бюро «ZARF» развивался в этом контексте. Работая с городскими и культурными пространствами Казани, мы постепенно смещали внимание от внешней репрезентации идентичности к её внутреннему переживанию. Если в бульваре «Фестивальный» нас интересовала энергия события, а в концепции Театра Камала – символическое тело культуры, то в проекте двора и кровель жилого комплекса «Фриссон» исследование сосредоточилось на человеке, его эмоциональной реакции и телесном восприятии среды. Архитектура здесь становится не выражением идентичности, а процессом трансформации культуры в чувственный опыт и атмосферу.

От события к состоянию.

Бульвар «Фестивальный»: пространство после праздника

Проект бульвара «Фестивальный», реализованный в 2018 г. коллективом архитекторов Казани, стал нашим первым опытом осмысления архитектуры как процесса адаптации и продолжения городского события. Первоначально территория создавалась во время подготовки к Чемпионату мира по футболу 2018 г., но основная задача заключалась в том, чтобы пространство не утратило смысл после окончания мегасобытия.

Бульвар «Фестивальный». 2018 г.

Источник: https://park.tatar/fest_blvd (дата обращения: 16.08.2025).

В основе концепции лежали принципы системности и динамичности (Давлетьянова и др., 2024: 193). Пространство проектировалось как сценарная структура, способная к изменениям и адаптации. Важную роль сыграла система навигации, выполненная на трёх языках – татарском, русском и английском, что позволило подчеркнуть культурное многообразие города и задать новую форму визуального взаимодействия между жителями.

Со временем стало ясно, что устойчивость этого пространства определяется не столько архитектурными приёмами, сколько его эмоциональной стойкостью – способностью сохранять атмосферу праздника и при этом стать частью повседневного городского ритма (Давлетьянова, 2023). Данный опыт впервые показал, что архитектура может работать не только как система форм, но и как носитель памяти, где энергия события трансформируется в повседневность.

*Театр Камала:
архитектура как форма культурной памяти*

В рамках конкурсной концепции нового здания Театра имени Галиасгара Камала в Казани, разработанной консорциумом бюро «Megabudka», «ZARF» и «FORM», мы занимались поиском архитектурного языка, способного выразить культурную многослойность столицы Татарстана. В отличие от бульвара, здесь речь шла не о событии, а о культурной идентичности, о попытке выразить её средствами архитектуры.

Участок театра расположен на берегу озера Кабан, где исторически пересекались татарская и русская культурные традиции. Эта топография стала главным источником образов и смыслов. Концепция проекта опиралась на принцип многослойности: природный ландшафт – как первый слой, связывающий архитектуру с рельефом и водой; орнамент – как второй слой, выражающий пласт национальной памяти; и современная пластика формы – как третий, объединяющий прошлое и настоящее.

Образ театра рассматривался не как здание, а как топос – место, где культура становится видимой и осязаемой. Объемы залов напоминали образы драгоценных камней-вставок в женском татарском украшении *хаситэ* и собирали смыслы в единую композицию. Ландшафтная террасная структура интегрировалась в береговую линию озера Кабан, создавая естественный переход от воды к архитектуре. Орнаментальная лента становилась не декоративным элементом, а «шалю», отсылающей к известной татарской постановке «Голубая шаль», тем самым связывая здание с историей театра и культурным наследием города. Водный контекст и мифологический образ ханского золота создавали дополнительные семантические слои, превращая пространство в палимпсест культурных значений.

Архитектурная концепция театра Камала. Консорциум бюро Megabudka, ZARF и FORM. 2022 г. Изображение авторов.

Однако в процессе осмысления мы всё яснее чувствовали, что любая попытка напрямую «показать» культуру через символ обедняет её глубину. Театр функционировал как культурный объект и топос идентичности, соединяющий разные эпохи и символические пласты, но этот опыт помог сформулировать более широкое понимание архитектуры – как способа говорить о культуре языком формы и света, а не декора.

Критическое осознание: границы репрезентации

Опыт работы над проектом театра показал, что при обращении к культурным кодам происходит неизбежное столкновение с риском буквальности. При избыточной репрезентации идентичность теряет многозначность и превращается в декоративный знак. В условиях, когда национальные мотивы активно тиражируются в общественных пространствах, архитектура может легко оказаться заложницей визуальных цитат – узнаваемых, но поверхностных.

А.В. Иконников отмечает, что в массовом обществе архитектура часто становится внешним символом, воспроизводимым в виде кича и лишённым культурной глубины: «В массовом обществе XX века... кич и «архитектура без архитектора» могут воспроизводить некие формы или знаки..., но лишь в контексте значений и ценностей, специфичных для своей субкультуры» (Иконников, 2001: 9).

Такая практика создаёт эффект дистанции: зритель «считывает» знак, но не проживает его. В результате культура становится не частью среды, а её иллю-

страцией. Этот момент стал для нас принципиальным – важно не демонстрировать идентичность, а позволять ей проявляться через атмосферу, материал, ритм и свет.

Антропологический поворот

Отказ от буквальных цитат и символов привёл к смещению внимания с формы на человека. Мы стали рассматривать архитектуру как полевое пространство, где культура проявляется через телесное присутствие, движение, жест, повседневное использование. Этот взгляд сближает архитектурную практику с антропологией: проектирование становится формой наблюдения, а пространство – инструментом фиксации того, как культура переживается в обыденности. Как отмечает Е.Н. Устюгова, «архитектурное мышление должно быть не столько визуально, сколько осязательно», поскольку осязательность «подчеркивает роль руки в мироощущении» и стимулирует ассоциативные связи при формировании чувственного образа пространства (Устюгова, 2018: 203).

Таким образом, архитектура начинает функционировать как средство антропологического описания, позволяя исследовать не то, как человек «видит» культуру, а как он чувствует её. Именно эта позиция легла в основу следующего этапа – проекта благоустройства двора и кровель жилого комплекса «Фриссон», где архитектура становится медиумом эмоциональной среды.

«Фриссон»: архитектура эмоциональной среды.

Исходные установки

Проект благоустройства жилого комплекса «Фриссон» (2024), созданный в соавторстве с архитектором Г.Н. Давлетшиным и бюро «ZARF», стал практическим воплощением перехода от архитектуры-знака к архитектуре-состоянию¹. Здесь мы впервые работали не с городским или символическим пространством, а с повседневной жилой средой – территорией, где человек проводит наибольшую часть своего времени, и где его телесное восприятие наиболее обострено.

Основная задача заключалась в формировании среды, которая поддерживает различные сценарии повседневной активности, но при этом создаёт ощущение покоя и внутренней сопричастности. В отличие от театрального или городского контекста, где внимание сосредоточено на зрелищности и коллективных сценариях, в жилом комплексе важен баланс между открытым и частным, между социальной коммуникацией и тишиной. Мы рассматривали двор как среду состояний, где человек движется от внешнего к внутреннему, от публичного к личному, от ритма к покою. Кроме того, важно было сохранить культурную укоренённость проекта в казанском контексте.

Концепция строилась на трёх взаимосвязанных принципах:

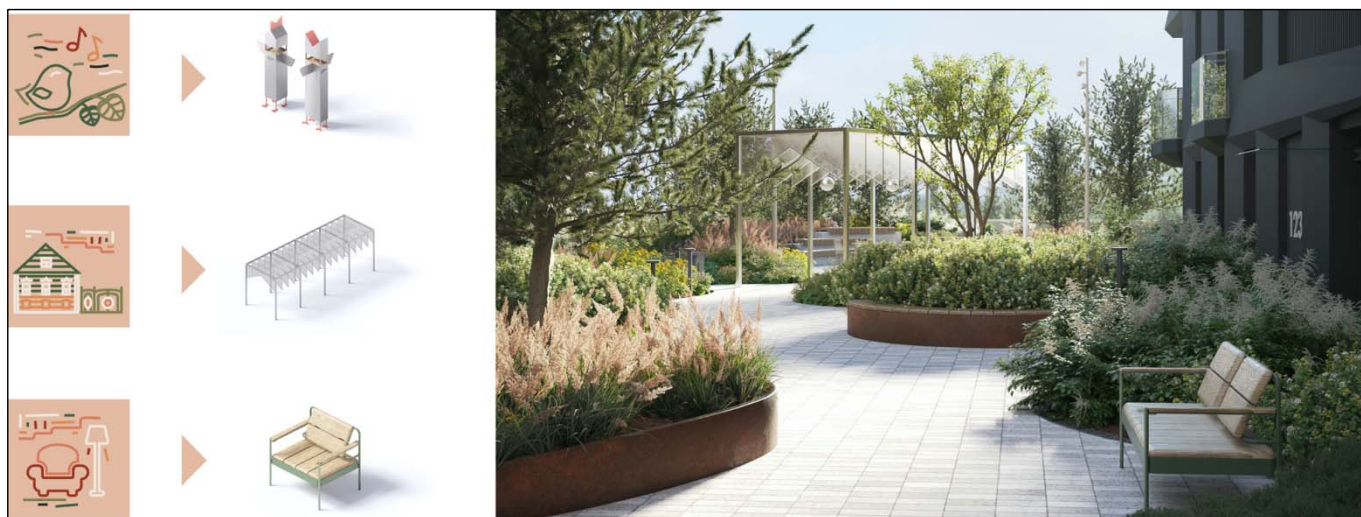
¹ Концепция благоустройства двора и кровель в ЖК «Фриссон». URL: <https://ecourbanist.ru/innovative-solutions/konceptczija-blagoustrojstva-dvora-i-krovel-v-zhk-frisson> (дата обращения 15.10.2025).

- функциональная адаптивность – создание плавных переходов между активными и тихими зонами с использованием естественного рельефа и буферного озеленения;
- целостность восприятия – интеграция малых архитектурных форм и ландшафта в единую визуально-тактильную систему без декоративной перегруженности;
- эмоциональная выразительность – создание атмосферы, в которой ощущение принадлежности возникает не из декора, а из телесного и тактильного опыта.

Пространственная структура и ритм

Композиция двора организована по принципу плавных переходов. Центральная зона, открытая и солнечная, постепенно переходит в камерные участки с мягким рельефом и плотным озеленением. Эта градация формирует пространственный «ритм дыхания» – от движения к паузе.

Центральным элементом стала площадь с навесом, представляющая современную трактовку силуэта татарского дома. Важно подчеркнуть: это не этнографическая реконструкция, а эмоциональный символ – жест гостеприимства, укрытия, соразмерности человеческому масштабу. Следуя концепции *genius loci* («гения места») К. Норберг-Шульца, архитектура здесь работает не через точное воспроизведение форм, а через формирование пространства, в котором опыт места становится основой для чувства принадлежности и безопасности (Norberg-Schulz, 1980).

Площадь с навесом. Концепция благоустройства двора и кровель ЖК «Frisson». ZARF. 2025 г. Изображение авторов.

Навес работает как смысловой якорь пространства, вокруг которого разворачиваются другие сценарии: комьюнити-стол для совместных активностей, амфитеатр для неформальных встреч, детские площадки для игры, кресла-

«капсулы» для работы под открытым небом. Линии мощения интерпретируют звуковые волны, создавая визуальный ритм, который считывается не рационально, а телесно – через изменение темпа движения.

Среда функционирует через смену акустических и тактильных характеристик: от активности и открытости – к тишине и укрытости, от жёсткого мощения – к мягким поверхностям, от яркого света – к рассеянной тени. Такая организация формирует психологическую последовательность переходов, создавая ощущение «звучащей» архитектуры (Zumthor, 2006).

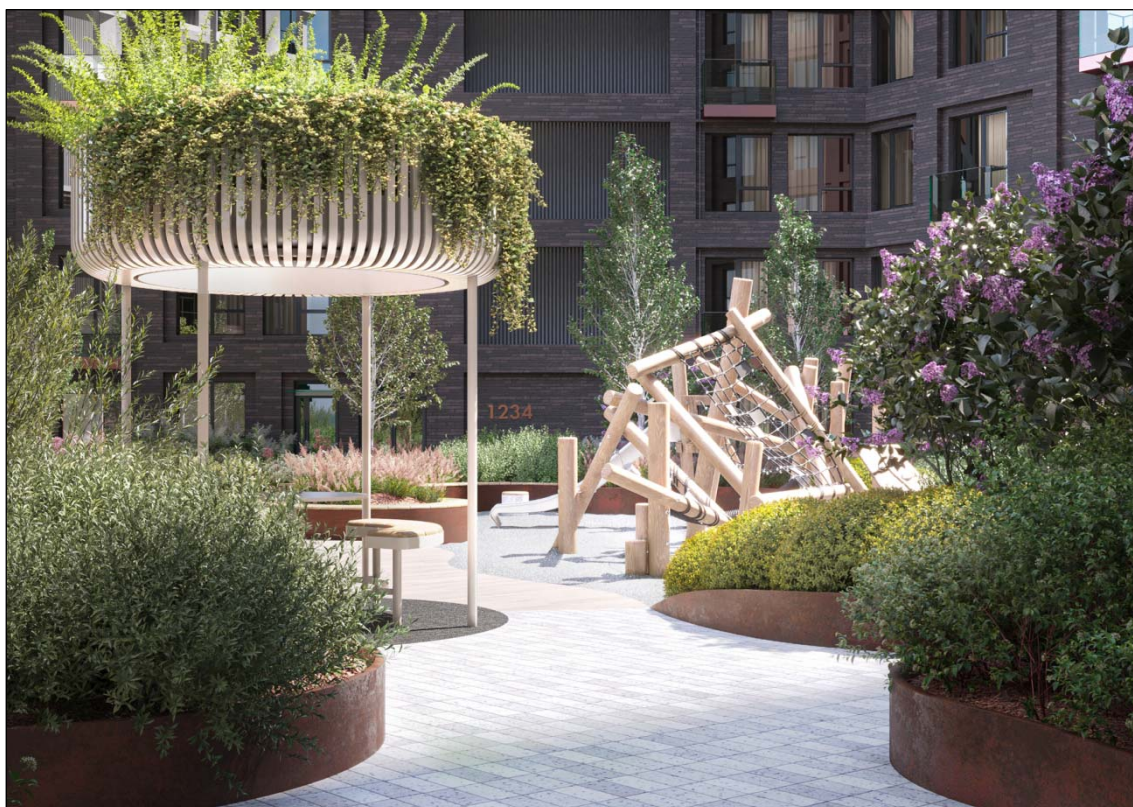
Вид на навес. Образы и их прочтение через архитектурную форму. Концепция благоустройства двора и кровель ЖК «Frison». ZARF. 2025 г. Изображение авторов.

Ландшафт как выразительная система

Ландшафтная концепция реализована как многоуровневая экосистема, где растения выполняют не только декоративную и климатическую функцию, но модулируют чувственное восприятие в каждой зоне. Озеленение выстроено по принципу постепенного погружения – от открытых активных пространств к уединенным уголкам отдыха.

В центральной части двора высажены берёзы и сосны. Вместе с луговыми травами и многолетними цветами они создают мотив «родных просторов», вызывая чувство узнавания и связи с природой Среднего Поволжья. Эти деревья упоминаются также и в татарском фольклоре, и работают на уровне культурной памяти, но без прямой этнографической отсылки.

По мере продвижения вглубь двора палитра становится более камерной: серо-голубые и изумрудные тона хвойных, матовая листва декоративных кустарников, лёгкий шум воды. Здесь расположен дзен-сад – пространство тишины и самонаблюдения. Акустика меняется: звуки становятся мягче, линии – плавнее, краски – сдержаннее; архитектура постепенно растворяется в растительности. Такое постепенное погружение создаёт сенсорный коридор, где человек проходит путь от городской активности к внутренней концентрации.

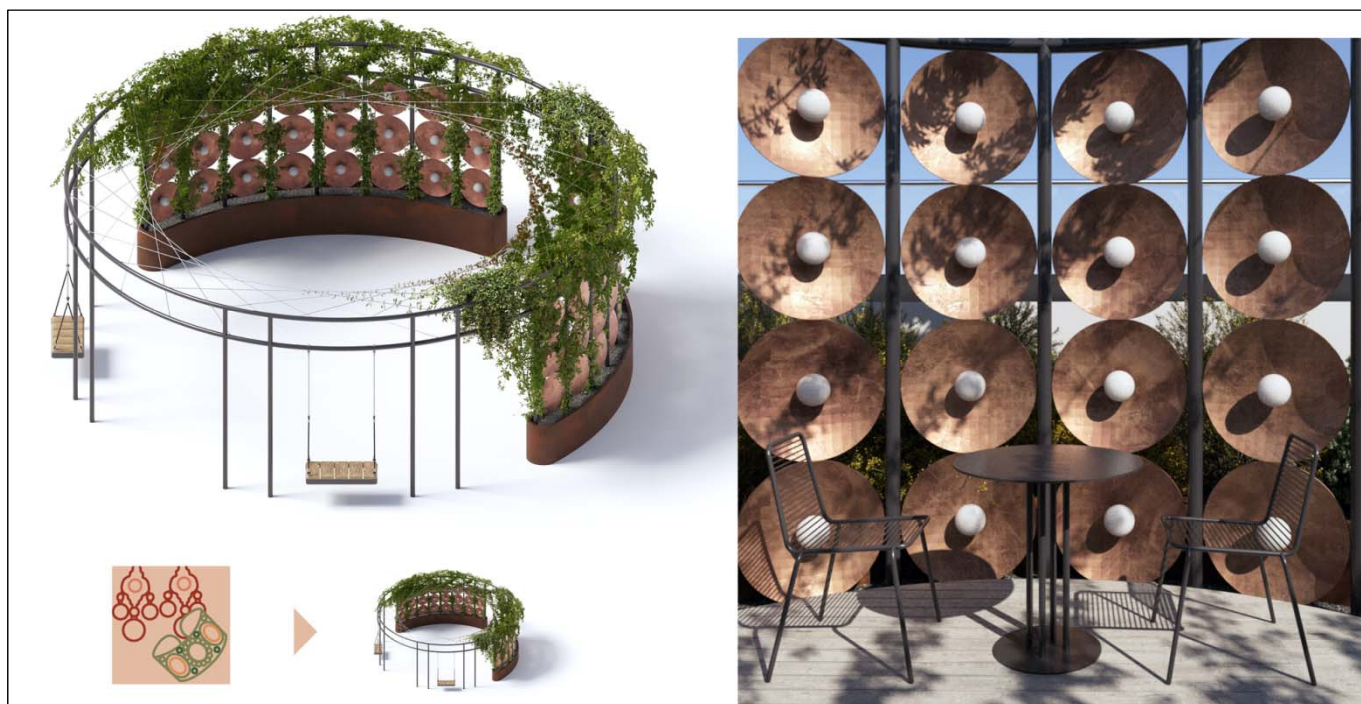

Вид на детскую площадку и навес с вьющимися растениями. Дзен-сад. Концепция благоустройства двора и кровель ЖК «Frisson». ZARF. 2025 г. Изображение авторов.

Растения здесь подобраны не только по визуальным характеристикам, но и по сезонной динамике – они вступают в диалог, как инструменты в оркестре, звучащие поочередно на протяжении года.

Озеленённые кровли продолжают эту идею на вертикальном уровне, формируя дополнительный слой восприятия. Они улучшают микроклимат, фильтруют воздух и создают качественные видовые точки, превращая крышу не в техническую поверхность, а в ещё один этаж жизни – пространство, которое можно не только видеть, но и проживать.

Важно и то, что в социальном плане кровли становятся пространством для неформальных встреч и совместного присутствия, благотворно влияя на формирование горизонтальных связей. А способствует этому такие решения, как ветрозащитный экран, который одновременно многофункционален, и также является культурной отсылкой к женским татарским украшениям.

Ветрозащитный экран с вьющимися растениями на кровле. Концепция благоустройства двора и кровель ЖК «Frisson». ZARF. 2025 г. Изображение авторов.

Культурные и звуковые коды

Название комплекса «Фриссон» заимствовано из французского языка, в котором слово *frisson* означает «телесную дрожь», возникающую при эмоциональном отклике на искусство или музыку. Эта метафора стала смысловой основой проекта.

Работа с культурной идентичностью строится в проекте на принципе, который можно определить как археологию эмоций – метод, при котором традиция проявляется не через визуальную цитату, а через чувственный опыт и ассоциативные связи. Проще говоря, изучение традиций и культурного наследия происходит посредством исследования глубинных эмоциональных переживаний, ассоциаций и телесных реакций, которые эти традиции вызывают у современного человека. Это позволяет оживить культурную память и сделать её доступной в форме пережитого опыта.

Ключевым концептом стало татарское слово *моң* – понятие, не имеющее точного перевода, но обозначающее душевное звучание, внутреннюю мелодию переживания. Этот концепт реализован на нескольких уровнях одновременно.

Материальный уровень: кормушки для птиц выполнены в виде птицы *сандугач* (соловья) – центрального образа татарской поэзии, символизирующего красоту и тоску по родине. Принципиально, что это не декоративный элемент, существующий для визуального считывания, а функциональный объект, активируемый через практику: человек насыпает корм, слышит пение, наблюдает за поведением птиц. Культурный код здесь проявляется не через созерцание фор-

мы, а через действие и взаимодействие с живой природой – через то, что Т. Ингольд называет «обитанием» (dwelling) в противовес простому использованию пространства (Ingold, 2000). Кормушка становится посредником между человеком и средой, а не знаком, адресованным взгляду.

Пространственный уровень: в музыкально-игровом лабиринте для детей размещаются акустические игровые инструменты. Здесь игра становится формой знакомства с ритмом и интонацией, близкими татарской музыкальной традиции. Пространство работает как инструмент – оно не демонстрирует культуру напрямую, а «озвучивается» действиями ребёнка, его шагами и жестами. Такой подход созвучен исследованиям звукового ландшафта (soundscape), где акустическая среда рассматривается как культурный текст и средство формирования опыта взаимодействия с пространством (Schafer, 1994; Thompson, 2004). Эти исследования подчёркивают важность активного участия и погружения в акустическую среду как способа проявления культурной идентичности.

Цифровой уровень: в пространстве двора на валунах размещены QR-коды, ведущие к подборкам татарских мелодий различных жанров: от народных напевов и джазовых импровизаций до современной татарской инди-музыки. Этот слой предоставляет возможность индивидуального погружения – человек может выбрать, насколько глубоко он хочет войти в культурный контекст, не навязывая этот опыт всем присутствующим. Цифровая среда здесь не противопоставлена физической, а усиливает её, создавая дополнительное измерение восприятия.

Такая стратегия позволяет избежать визуального доминирования этнографических знаков и создаёт пространство свободного культурного выбора. Идентичность здесь не декларируется, а предлагается как возможность – через тактильный контакт, звук, движение, сезонные изменения (Pallasmaa, 1996; Ingold, 2000). Культура активизируется не взглядом, а телесной практикой, что принципиально отличает этот подход от репрезентативной архитектуры, где форма предшествует опыту.

Важно отметить, что все эти элементы работают независимо друг от друга: человек может воспринимать двор как современное благоустроенное пространство, не считывая культурных кодов, – и это не обедняет его опыт. Но для тех, кто чувствителен к этим слоям, среда раскрывается глубже, становясь пространством узнавания и эмоционального отклика. Архитектура здесь функционирует как открытая система интерпретаций, где смысл не задан изначально, а формируется в процессе проживания (Robinson, Pallasmaa, 2015).

От репрезентации к атмосфере:

траектория метода и его практическая значимость

Сравнительный анализ реализованных и конкурсных проектов показывает не просто хронологическую эволюцию дизайнерских приёмов, а принципиальный методологический сдвиг – от архитектуры как репрезентации культуры к архитектуре как средству её переживания. Этот сдвиг можно формулировать

кратко: от текста к интонации, от видимой знаковой системы к качествам восприятия (свет, материал, ритм, звук), которые продуцируют телесный отклик.

Ключевой аналитический вывод здесь не в том, что одна стратегия «лучше» другой, а в том, что они решают разные задачи. Репрезентативные приёмы (орнамент, мифологические отсылки, семантические метафоры) служат идентификационной видимости и брендингу места; они важны в создании культурных маркеров и символических опор. В то же время такой язык легко редуцируется до декоративной поверхности, особенно в мультикультурной городской среде: знаковая доминанта нередко рождает иерархии и исключения вместо инклюзии. Это наблюдение – эмпирически подтверждённый предел «символического» метода, к которому приходится относиться критически.

Альтернативой и дополнением выступает подход, где архитектура проектируется как атмосфера – совокупность качеств, воздействующих на тело и внимательность: ритм перемещений, акустическая ткань, тактильность материалов, сезонная динамика растительности, световые интонации. Такой подход не нивелирует культурные коды; он переводит их в режим «воплощённого» переживания, где культура проявляется в привычках, паузах поведения и эмоциональных откликах, а не только в визуальном декоре. В многонациональном контексте это имеет практическое значение: архитектура атмосферы уменьшает риск культурной монополии, оставляя поле для личной интерпретации и множественного прочтения памяти места.

Методологически это означает, что архитектор выступает одновременно творцом среды и полевым наблюдателем. Практическая импликация – проектирование должно включать средства обратной связи (наблюдение, антропологические сборы данных, акустические и микроклиматические измерения) уже на этапах концепции и эксплуатации. Таким образом архитектура становится не только продуктом проектирования, но и инструментом исследования социального поведения и культурной динамики.

Практическая значимость и применение метода

Предложенный сдвиг имеет конкретную прикладную ценность:

– в проектировании общественных и жилых пространств – приоритет атмосферы и сценариев использования снижает риск поверхностной репрезентации и повышает долговечность места;

– в городской политике и стратегиях благоустройства – инструментарий «атмосферного» проектирования помогает формировать инклюзивные пространства для многонациональной аудитории;

– в архитектурной педагогике – метод может быть включён в учебные курсы как практический модуль (полевое наблюдение + дизайн-интервенция);

– в междисциплинарных исследованиях – как методическая основа для архитектурной этнологии и урбанистики, связывая проектную практику с эмпирической социокультурной аналитикой.

Направления дальнейшего развития метода

Дальнейшее развитие и валидация подхода требуют систематической полевой работы. В практическом и теоретическом плане целесообразно реализовать следующие направления:

1) систематическое изучение телесных практик пользователей в созданных пространствах через методы включённого наблюдения (participant observation), видеонаблюдение и дневниковые методики;

2) исследование сезонной динамики восприятия среды и роли временных изменений (фенология, акустика, микроклимат) в формировании эмоциональной памяти места;

3) разработка инструментов для фиксации и анализа звуковых ландшафтов (soundscape mapping, спектральный анализ) как носителей культуры и факторов «атмосферного восприятия» (atmospheric perception);

4) сравнительный анализ стратегий работы с локальной идентичностью в многонациональных городах – оценка эффектов репрезентации и атмосферы на показатели использования, включённости и долговечности общественных пространств.

* * *

Сформулированный подход не отменяет существующих архитектурных стратегий, но переводит акцент: от представления культуры как образа к проблематизации того, как культура переживается и воспроизводится в практике обитания. Это смещение делает архитектуру одновременно инструментом проектирования и объектом эмпирического исследования – базисом для дисциплины, которую можно назвать архитектурной этнологией. Реализация и верификация метода потребуют междисциплинарных усилий, но уже на текущем этапе он даёт рабочую модель для создания пространств, где идентичность не навязывается, а проявляется в непосредственном опыте людей.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики / под ред. *С.Л. Лейбович*. М.: Художественная литература, 1975. С. 234–407.

Давлетьянова Г.Р., Давлетьянова К.Р., Троепольская Н.Е., Валиуллин А.А., Нугаев Т.Р. От спортивного праздника к городскому наследию: бульвар «Фестивальный» в городе Казань // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. 2024. № 2 (68). С. 193–204. <https://doi.org/10.48612/NewsKSUAE/68.17>

Давлетьянова Г.Р. «Фестивальный» бульвар: инновационный проект и урбанистическое преобразование общественного пространства в Казани // Актуальные проблемы регио-

новедения и науковедения: сборник материалов конференции. Казань: ИТЭР АН РТ, 2023. С. 42–48.

Иконников А.В. Архитектура XX века. Утопии и реальность. М.: Прогресс-Традиция, 2001. Т. 1.

Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 1984.

Устюгова Е.Н. Антропологический поворот в современной урбанистике // *Terra Aestheticae*. 2018. № 1 (1). С. 199–215.

Augé M. *Non-Places: Introduction to an Anthropology of Supermodernity*. London: Verso, 1992.

Holl S., Pallasmaa J., Pérez-Gómez A. *Questions of Perception: Phenomenology of Architecture*. San Francisco: William Stout Publishers, 1994.

Ingold T. *The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill*. London: Routledge, 2000.

Norberg-Schulz C. *Genius Loci: Towards a Phenomenology of Architecture*. New York: Rizzoli, 1980.

Pallasmaa J. *The Eyes of the Skin: Architecture and the Senses*. London: Academy Editions, 1996.

Relph E. *Place and Placelessness*. London: Pion Limited, 1976.

Robinson S., Pallasmaa J. (eds.) *Mind in Architecture: Neuroscience, Embodiment, and the Future of Design*. Cambridge, MA: MIT Press, 2015.

Schafer R.M. *The Soundscape: Our Sonic Environment and the Tuning of the World*. Rochester, VT: Destiny Books, 1994.

Thompson E. *The Soundscape of Modernity: Architectural Acoustics and the Culture of Listening in America, 1900–1933*. Cambridge, MA: MIT Press, 2004.

Zumthor P. *Atmospheres: Architectural Environments, Surrounding Objects*. Basel: Birkhäuser, 2006.

REFERENCES

Augé M. (1992) *Non-Places: Introduction to an Anthropology of Supermodernity*. London: Verso Publ.

Bakhtin M.M. (1975) Forms of time and the chronotope in the novel: Essays on historical poetics. In: Leybovich S.L. (ed.) *Questions of Literature and Aesthetics*. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ.: 234–407. (In Russ.)

Davletyanova G.R. (2023) “Festival Boulevard”: An innovative project and urban transformation of public space in Kazan. In: *Actual Problems of Regional and Scientific Studies: conference proceedings*. Kazan, April 14, 2023. Kazan: ITER AN RT Publ.: 42–48. (In Russ.)

Davletyanova G.R., Davletyanova K.R., Troepolskaya N.E., Valiullin A.A., Nugaev T.R. (2024) From sports festival to urban heritage: “Festivalny” Boulevard in Kazan. *Izvestiya Kazanskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta* [Bulletin of Kazan State University of Architecture and Engineering]. No. 2 (68): 193–204. <https://doi.org/10.48612/NewsKSUAE/68.17> (In Russ.).

Holl S., Pallasmaa J., Pérez-Gómez A. (1994) *Questions of Perception: Phenomenology of Architecture*. San Francisco: William Stout Publishers.

Ikonnikov A.V. (2001) *Architecture of the 20th Century: Utopias and Reality*. Moscow: Progress-Tradition. Vol. 1: 9. (In Russ.)

Ingold T. (2000) *The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill*. London: Routledge.

Lotman Yu.M. (1984) *Semiosphere*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB. (In Russ.)

- Norberg-Schulz C. (1980) *Genius Loci: Towards a Phenomenology of Architecture*. New York: Rizzoli.
- Pallasmaa J. (1996) *The Eyes of the Skin: Architecture and the Senses*. London: Academy Editions.
- Relph E. (1976) *Place and Placelessness*. London: Pion Limited.
- Robinson S., Pallasmaa J. (eds.) (2015) *Mind in Architecture: Neuroscience, Embodiment, and the Future of Design*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Schafer R.M. (1994) *The Soundscape: Our Sonic Environment and the Tuning of the World*. Rochester, VT: Destiny Books.
- Thompson E. (2004) *The Soundscape of Modernity: Architectural Acoustics and the Culture of Listening in America, 1900–1933*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Ustyugova E.N. (2018) An anthropological turn in contemporary urban studies. *Terra Aestheticae*. [Terra Aestheticae]. No. 1 (1): 199–215. (In Russ.)
- Zumthor P. (2006) *Atmospheres: Architectural Environments. Surrounding Objects*. Basel: Birkhäuser.

Сведения об авторах:

Давлетьянова Карина Радиковна, архитектор, сооснователь архитектурного бюро «ZARF» (Казань, Российская Федерация), автор и соавтор проектов в области общественных пространств и благоустройства; <https://orcid.org/0009-0008-1444-4426>; e-mail: karina.davletyanova@gmail.com

Давлетшин Григорий Николаевич, архитектор, сооснователь архитектурного бюро «ZARF» (Казань, Российская Федерация), автор и соавтор проектов в области общественных пространств и благоустройства; <https://orsid.org/0009-0002-2259-0059>; e-mail: zarf.arch@gmail.com

About the authors:

Karina R. Davletyanova, architect, co-founder of the architectural bureau ZARF (Kazan, Russian Federation), author and co-author of projects in the field of public spaces and landscape design; <https://orcid.org/0009-0008-1444-4426>; e-mail: karina.davletyanova@gmail.com

Grigoriy N. Davletshin, architect, co-founder of the architectural bureau ZARF (Kazan, Russian Federation), author and co-author of projects in the field of public spaces and landscape design; <https://orsid.org/0009-0002-2259-0059>; e-mail: zarf.arch@gmail.com

Поступила в редакцию / Received 02.09.2025

Доработана после рецензирования / Revised 17.10.2025

Принята к публикации / Accepted 31.10.2025

Хроника научной жизни

Chronicle of scientific life

Краткое сообщение / Brief message
<https://doi.org/10.22378/he.2026-11-1.180-190>

EDN: DWTHGI

II Дробижевские чтения, или как отечественные этносоциологи включаются в изучение новой повестки этнического поля России

Г.Ф. Габдрахманова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
medi54375@mail.ru*

Г.И. Макарова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
makarova_guzel@mail.ru*

Резюме. В данной статье авторы размышляют о путях дальнейшего развития российской этносоциологии, отталкиваясь от анализа тематики секций, круглых столов и содержания докладов конференции «II Дробижевские чтения: этническое и социальное измерения». Посвященный одной из основателей данной отрасли отечественной социологической науки – Л.М. Дробижевой – форум показал, в какой мере изменения, связанные с глубинной трансформацией миропорядка и становлением новой политической реальности в стране и на глобальном уровне, находят отражение в исследованиях современных этносоциологов из разных регионов РФ. Концептуальные основания осмысления этносоциального поля России связывались авторами пленарных докладов и выступлений, прежде всего, с идеями государства-цивилизации и новыми методическими подходами к изучению российской идентичности. Именно эта идентичность стала для отечественных этносоциологов центральным исследовательским объектом, причем на конференции активно представлялись данные о ее современном состоянии. В то же время форум показал заметное снижение внимания ученых к иным типам идентичностей этнических общностей.

Актуальной для нынешней политической повестки стала тематика государственно-гражданской интеграции российского общества. Она была акцентирована в ходе анализа этносоциальной ситуации на Юге и Юго-Западе России, в новых регионах страны, а также в связи с состоянием межнациональных отношений. Участники обсудили миграционные процессы в контексте серьезной перестройки миграционной политики РФ.

Обобщение проблематики секций и докладов показало значимость дальнейшего совершенствования понятийного аппарата изучения сложных этносоциальных феноменов. Оно выявило необходимость углубления российских ученых в теоретические основания познания стремительно меняющейся социально-политической реальности. Оно призвано обеспечить получение адекватных, синхронизированных данных о воздействии этой реальности на консолидацию российского общества, об адаптации к ней этнических общностей, о смыслах и проявлениях современных разнообразных идентичностей, о ее влиянии на межэтнические отношения, миграцию, этнокультурные запросы. Авторы статьи обратили внимание на артикулируемое Л.М. Дробижевой положение о том, что в переходные периоды развития общества границы социальной дифференциации становятся более рельефными. Тема социальных изменений в этнических группах и взаимоотношений их представителей в условиях новой политической повестки приобретает в России не только научное, но и практическое значение.

Ключевые слова: Дробижевские чтения; Л.М. Дробижева; этносоциология; новый мировой порядок; теории этничности; российская идентичность

Для цитирования: Габдрахманова Г.Ф., Макарова Г.И. II Дробижевские чтения, или как отечественные этносоциологи включаются в изучение новой повестки этнического поля России. *Историческая этнология*. 2026. Т. 11. № 1. С. 180–190. <https://doi.org/10.22378/he.2026-11-1.180-190> EDN: DWTHGI

2nd Drobizheva Readings, or Russian ethnosociologists' involvement in the study of the new agenda of Russia's ethnic field

G.F. Gabdrakhmanova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
medi54375@mail.ru*

G.I. Makarova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
makarova_guzel@mail.ru*

Abstract. In the article, the authors reflect on the ways of further development of Russian ethnosociology, based on the analysis of the topics range at the sections and roundtable discussions, as well as the content of the reports presented at the conference “2nd Drobizheva Readings: Ethnic and Social Dimensions.” The event was dedicated to one of the founders of this branch of the Russian sociological science, L.M. Drobizheva. The forum demonstrated to what extent the research of contemporary ethnosociologists from different regions of the Russian Federation reflects the changes associated with the profound transformation of the world order and the emergence of a new political reality both in the country and at the global level.

The authors of the plenary reports and speeches associated the conceptual foundations of understanding the ethnosocial field of Russia primarily with the ideas of the state-civilization and new methodological approaches to the study of Russian identity. That identity was the central research object for Russian ethnosociologists, who presented comprehensive data on its current state at the

conference. At the same time, the forum revealed a noticeable decrease in scholars' attention to other types of identities and ethnic communities.

The subject matter of state-civil integration of Russian society has gained relevance for the current political agenda. The topic was highlighted as part of the analysis of the ethnosocial situation in the South and Southwest of Russia, in the new regions of the country, as well as in connection with the state of interethnic relations. The participants discussed migration processes in the context of serious restructuring of the Russian Federation migration policy.

Summary of the issues of the sections and reports indicated the importance of further improving the conceptual framework for studying complex ethnosocial phenomena. It revealed the need for Russian scholars to deepen their understanding of the rapidly changing socio-political reality. Such a deeper and more extended approach is designed to provide adequate, synchronized data regarding the impact of this reality on the consolidation of Russian society, the adaptation of ethnic communities to it, the meanings and manifestations of modern diverse identities, as well as its impact on interethnic relations, migration, and ethnocultural demands. The authors of the article drew attention to the statement articulated by L.M. Drobizheva that during transitional periods of society's development, the boundaries of social differentiation become more prominent. The topic of social changes in ethnic groups and the relationships of their representatives in the context of the new political agenda is gaining not only academic, but also practical significance in Russia.

Keywords: Drobizheva Readings; L.M. Drobizheva; ethnosociology; new world order; theories of ethnicity; Russian identity

For citation: Gabdrakhmanova G.F., Makarova G.I. (2026) 2nd Drobizheva Readings, or Russian ethnosociologists's involvement in the study of the new agenda of Russia's ethnic field. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 11. No. 1: 180–190. <https://doi.org/10.22378/he.2026-11-1.180-190> (In Russ.)

В России одним из самых заметных научных мероприятий, объединяющих исследователей этнического поля, стала Всероссийская конференция «Дробижевские чтения: этническое и социальное измерения». Инициированная и организуемая Федеральным научно-исследовательским социологическим центром Российской академии наук и Научным советом Российской академии наук по проблемам этничности и межнациональных отношений в память об одном из основателей этносоциологической науки в стране – Леокадии Михайловне Дробижевой, она объединяет ученых, занимающихся исследованием этнических аспектов различных областей жизни общества с помощью широко понимаемой социологической методологии.

Вторая конференция состоялась 5–6 июня 2025 г. Основным местом ее проведения, как и предыдущей, стал Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИС ФНИСЦ РАН), а главным и бессменным координатором – Центр исследования межнациональных отношений ИС ФНИСЦ РАН. Благодаря слаженной работе сотрудников этого подразделения ученые из разных уголков России получили возможность обсудить актуальную для страны этносоциальную проблематику в контексте текущей социально-политической, социально-экономической и этнокультурной ситуации. Она, как известно, кардинально изменилась

в последние годы в связи с началом специальной военной операции, с глубинной перестройкой миропорядка, с формированием нового политического ландшафта в России и в мире. Сегодня очевидно, что для современной российской социологии, и этносоциологии в частности, центральными становятся два вопроса: в каком направлении мы движемся и как изучать стремительно меняющуюся социальность и ее этносоциальный сегмент.

Проанализировав программы секций и доклады отдельных участников конференции, попытаемся обозначить некоторые ключевые тенденции в современном развитии российской этносоциологии. Особо выделим при этом те выступления, которые были посвящены осмыслению этносоциальных процессов в нынешнем российском обществе, и назовем некоторые важные, на наш взгляд, идеи обновления данной отрасли социологической науки, значимые для формирования адекватного ответа на актуальную этническую повестку.

Развитие тематики изучения нынешних реалий в этнической сфере России невозможно представить без формирования адекватных теоретических оснований. Выступивший на пленарном заседании с приветственным словом научный руководитель ФНИСЦ РАН, директор Института социологии **М.К. Горшков** решение этой проблемы увидел в идеях Л.М. Дробижевой, заложившей основные подходы к исследованию этносоциальных процессов в нашей стране. В то же время, по его мнению, в условиях кардинальных изменений в мировом порядке они требуют некоторой корректировки. Докладчик не раскрыл суть необходимых обновлений, но подчеркнул, что выделенное Леокадией Михайловной рассмотрение российской идентичности в соотношении с региональной и этнической и в аспекте позитивного потенциала этих идентичностей для российского единства остается актуальным и весьма востребованным исследовательским направлением. Добавим, что Л.М. Дробижева, вслед за Э.Дюркгеймом, при проведении масштабных этносоциологических исследований акцентировала внимание на «коллективных представлениях», раскрывая содержательные основы указанных идентичностей, рассматриваемых ею как факты индивидуального сознания и как результат идеологической работы (Дробижева, 2003: 336-337). Представляется, этот теоретический посыл не теряет своей актуальности и сегодня.

На идеологических основах формирования современной российской государственности сконцентрировал внимание директор ФНИСЦ РАН **М.Ф. Черныш**, увязывая их с идеей «государства-цивилизации». Начав свое выступление с рассмотрения понимания цивилизации в работах Н. Элиаса, Дж. Александера, Ж. Дерриды, Ю. Хабермаса, О.И. Шкаратана, докладчик подчеркнул, что это всегда продукт конструирования, базирующегося на культуре. Одним из ведущих положений его выступления стал тезис о том, что применение данного термина оправдано в том случае, если речь идет о государстве «с сильной цивилизационной спецификой» (например, о Китае, Индии). В связи с этим исследователь подчеркнул важность определения культурных основ, на которых может быть выстроено нынешнее российское государство-цивилизация. Пред-

ставляется, что некоторым диссонансом «прозвучал» в обозначенном контексте доклад **В.А. Тишкова** (ИЭА РАН, Москва). Рассуждая о новых категориях глобальных практик в условиях современного мира, он остановился на вопросах гомогенизации, сглаживания этнокультурных различий. Отвечая на вопрос о сути понятия «этничность», докладчик отметил, что единой ее формулы нет, и что «этничность может быть и вне группы».

Подчеркнем, что цивилизационная парадигма, которая явилась предметом доклада М.Ф. Черныша, становится сегодня значимой основой идеологического уровня этнонациональной идентификации в современной России. Это просматривается в доктринальных документах РФ последних лет – в «*Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей*»¹ и в «*Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года*»²: Поэтому можно предположить дальнейшую трансформацию научных понятий «этнос», «этничность», «идентичность» в связи с усиливающейся ролью государства, наполнение их новыми смыслами. Не случайно проблематике этничности и идентичности были посвящены две секции Дробижевских чтений – «Исследования этничности: методологические подходы» (руководитель Э.А. Паин) и «Концептуальный ландшафт предметного поля этносоциологии» (руководители Ю.В. Попков и В.И. Мукомель). Близкой к ним оказалась и тематика секции «Национализмы и нациестроительство: конструирование идеологий и практики», возглавляемой Э.А. Паиным.

Ключевым для участников «теоретических секций» стал вопрос «Как формируется этническая группа?». Два докладчика обратили внимание на значение опыта организации этничности в стране – преемнице СССР. По мнению **Л.В. Сагитовой** (ИИ АН РТ, Казань), данный опыт выражается в том, что в советской национальной политике было заложено реифицированное восприятие этничности, причем государство использовало институты социализации для формирования идентичности. **Э.А. Паин** (ФНИСЦ РАН, Москва), раскрыв генезис национализма в СССР – в эпоху хрущевской оттепели (1954–1964 гг.) и в брежневский период (1965–1982 гг.), доказал, что и этот термин невозможен в России без этнической составляющей.

Зонтичным выглядело теоретическое выступление **О.В. Васильевой** (ИГИиПМНС СО РАН, Якутск), призвавшей вернуться к разбору понятийного аппарата исследований этнического феномена. Своеобразным «ответом» на этот призыв стало четыре доклада: **Е.А. Василькова** (НОЦ «Циркумпольная Чукот-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 12.11.2025).

² Указ Президента Российской Федерации от 25 ноября 2025 г. № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52615> (дата обращения: 26.11.2025).

ка» Чукотского филиала СВФУ, Анадырь), для которого сама категоризация в поле этничности – самокатегоризация, репрезентация себя другим и категоризация другими – стала основанием анализа этнической идентичности, **Ю.В. Попкова** (ИФПР СО РАН, Новосибирск) и **Е.А. Ерохиной** (НГУЭУ, Новосибирск), видящих большой исследовательский потенциал в понятии «этносоциальные процессы», **О.А. Персидской** (ИФПР СО РАН, Новосибирск), обратившей внимание на категорию «этническая деятельность», трактуемую ею с позиции культурно-исторического подхода Л.С. Выготского. Авторы всех перечисленных докладов избегали идей чрезмерного, радикального конструктивизма. Он подвергся критике и в докладах **Б.Е. Винера** (СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург), показавшего уязвимость идей Роджерса Брубейкера из-за отрицания им этнических групп в качестве реальных социетальных сообществ, и Э.А. Паина, настаивавшего на целесообразности плюралистической научной методологии из-за высокой пластичности массового сознания.

В работе двух «теоретических секций» приняли участие лишь восемь человек. Вынуждены констатировать, что отмечавшееся еще Л.М. Дробижевой слабое внимание российских этносоциологов к теоретическим вопросам (Дробижева, 2018) сохраняется до сих пор. Несомненно, теоретико-методологические изыскания предполагают глубокое погружение исследователей в суть концепций, способность выявлять значимые связи и формулировать общие принципы. Допускаем, что на указанную ситуацию влияют сложности в применении существующих социологических теорий (Винер, Дивисенко, 2015: 185) к пониманию происходящих в стране и в мире социальных процессов. То есть новые реалии требуют нового теоретического осмысления, на которое, соответственно, нужно определенное время. Так или иначе, современные российские этносоциологи пока еще не проблематизировали в должной мере вопрос адекватных теоретических инструментов познания текущей, стремительно меняющейся социальной реальности.

В то же время новая этносоциальная повестка в России оказалась широко представленной в выступлениях, построенных на результатах эмпирических исследований. Их ключевой темой стала идентичность, которой было посвящено два пленарных доклада конференции – **И.М. Кузнецова** (ФНИСЦ РАН, Москва) и **Р.А. Старченко** (ИЭА РАН, Москва).

И.М. Кузнецов обратил внимание на нынешнюю недостаточную сформированность на сегодняшний день понимания россиян как общности, в отличие от более четкого понятия «русский», и подчеркнул значение этнической, региональной и локальной идентичностей как составляющих идентичности российской. Тем самым докладчик обозначил ее многоуровневость, многосоставность и отсутствие внутренней гомогенности. Он предположил, что для решения проблемы актуализации гражданской идентичности «надо делать угрозы внешними». При этом в разных ситуациях могут актуализироваться разные основания идентификации. И.М. Кузнецов сформулировал задачу уточнения методики измерения общероссийской идентичности, призванной определить зна-

чимость для жителей России ассоциированности с ней и показать возможные основы построения российского государства-нации.

Р.А. Старченко поделился результатами социологического исследования по вопросам этнической и региональной идентичности населения Крыма и Донбасса. Ссылаясь на методологию изучения данных видов социальной идентичности, разработанную Л.М. Дробижевой, выступающий отметил: во-первых, что в разных этнических группах в Крыму идут разные процессы (в частности, сложнее всего интеграция происходит у крымских татар); во-вторых, что регионализм не входит в конфронтацию с общероссийской идентичностью, а особая крымская идентичность стала основой для перехода Крыма в состав РФ. Что касается Луганской области, автор определил сложности ее изучения ввиду отсутствия статистики, а также различия между восприятием населением «украинства» и украинской культуры. Он подчеркнул, что меры по признанию этнокультурного многообразия изучаемых регионов (в том числе придание трем языкам Крыма статуса государственного) способствуют их интеграции в российское социокультурное пространство.

Тематика идентичности была продолжена на специальных заседаниях и, как свидетельствует программа конференции, оказалась ее ведущим направлением: для обсуждения темы было организовано восемь секций и два Круглых стола, на которые в общей сложности заявилось 58 докладчиков из 147 участников мероприятия. Соответственно можно предположить, что «идентичность» стала чуть ли не доминирующей категорией научных изысканий российских этносоциологов, и они, судя по проблематике площадок Дробижевских чтений, сосредотачиваются на изучении, прежде всего, двух ее типов – общероссийской и этнической, а именно концептов, нарративов, смыслов и политико-психологического аспекта первой и политического измерения или присутствия в отдельных группах второй. Иные типы идентичностей – региональная, локальная, религиозная и разнообразные социальные у этнических групп (семейная, гендерная, профессиональная и т.п.) – оказались на периферии интересов отечественных исследователей этнического поля России, хотя они, по нашему мнению, играют весьма значимую роль в проживании нынешней ситуации турбулентности представителями разных этнических сообществ и связаны с современным межэтническим фоном в стране в целом и на ее отдельных территориях.

Состояние межнациональных отношений в современной России по-прежнему остается в качестве самостоятельного направления современного научного дискурса российской этносоциологии. Отечественные исследователи держат на пульсе вопросы взаимоотношений этнических групп в условиях нового политического ландшафта. Так, обратившись к их анализу на пленарном заседании, **В.И. Мукомель** (ФНИСЦ РАН, Москва) отметил, что они сегодня не входят в число главных, волнующих россиян проблем. В 2024 г. их значимость была оценена респондентами ниже, чем в 2020 г. В свою очередь, размышляя над вопросами идентичности, докладчик поднял ряд весьма важных и интересных тем: взаимосвязи и согласованности всех ее видов, изучения смыслов и чувств,

вкладываемых россиянами в свои ответы об отношении к стране, причин более низкой идентификации с жителями России (по сравнению с аналогичными – с жителями региона, города/села, с людьми той же национальности, веры). Угрозы, связанные с антироссийской сепаратистской риторикой, для укрепления идентичности россиян рассмотрела в своем пленарном докладе **Е.А. Арутюнова** (ФНИСЦ РАН, Москва). Она показала, как анализируемые ею отдельные сообщества в социальных сетях продвигают идеи неизбежного распада России, используя язык вражды, приемы дегуманизации противника и апеллируя к известным западным концепциям. Обсуждение проблематики межэтнических отношений было продолжено на двух секциях, которые, к сожалению, оказались немногочисленными (9 докладчиков).

Связанной с указанной темой и столь же значимой для понимания этнического поля современного российского общества стала секция под названием «Государственно-гражданская интеграция российского общества в условиях социокультурных вызовов». В ней приняло участие 14 исследователей, работающих на юге России (в Республике Адыгея, Дагестане, Кабардино-Балкарии, в городе Ростов-на-Дону). Их доклады были посвящены анализу современной этносоциальной ситуации в Ростовской области, Крыму, на Северном Кавказе и в новых регионах РФ. География исследовательского поля подчеркивает высокую актуальность проблематики интеграции и адаптации населения к новой социально-политической реальности в юго-западной части России, хотя данная тема остается важной и для других территорий страны, особенно полиэтничных. Напомним, что Леокадия Михайловна особо подчеркивала: «...на характер межэтнических отношений оказывают влияние как общие факторы макросреды – общая политическая ситуация в стране..., так и конкретная ситуация в регионе» (Дробижева, 2003: 264), а в условиях разнохарактерных трудностей увеличиваются «группы этнически акцентированных людей, для которых характерна гиперэтничность» (Дробижева, 2003: 274). Поэтому на современном этапе развития российского общества роль этносоциологов в мониторинге межнациональных отношений оказывается как никогда важной.

Значимой на Дробижевских чтениях предстала миграционная тема. В свете серьезных изменений последних лет в миграционной политике РФ она видится чрезвычайно необходимой, и российские этносоциологи активно вовлекаются в ее изучение. Проблематика обсуждалась на пяти секциях и одной подиумной сессии «Этапы, модели миграционной политики России». В их работе участвовал 31 исследователь. Ключевыми стали вопросы ксенофобии и мигрантофобии, российской миграционной политики и миграционных настроений жителей страны, значения миграции для социально-экономического развития территорий, социокультурной адаптации и интеграция мигрантов в российском социуме, влияния иностранцев на науку, здравоохранение и медицинское образование в принимающем российском сообществе.

Наряду с масштабными секциями, на конференции были организованы площадки, на которые заявилось небольшое число исследователей. Среди них:

«Этничность в социальных процессах: общее и особенное» (6 участников), «Этносоциальные контексты современного общества (молодежная линейка)» (4) и «Этнические языки: ситуация в регионах» (5). Говоря о языковой ситуации, докладчики отметили сохраняющуюся связь языков с этнической идентичностью и рассмотрели особенности их функционирования в субъектах РФ. Так в докладе *Г.И. Макаровой* (ИИ АН РТ, Казань), основанном на результатах исследования 2024-2025 гг., внимание было сконцентрировано на использовании татарского языка (являющегося, наряду с русским, государственным языком Республики Татарстан) в разного рода учреждениях и городских публичных средах промышленных городов РТ. Был сделан вывод о том, что на степени интенсивности и характере его применения в каждом городе и в сравнении со столицей республики – Казанью – сказывается национальный состав населения, а также история возникновения и развития поселений, складывающаяся в каждом из них специфика взаимодействия народов и их культур. *И.А. Данилов* (ИГИиПМНС СО РАН, Якутск), обратившись к проблеме языковой ассимиляции эвенков, отметил, что в их случае передача эвенкийского языка между поколениями практически прекратилась на всей территории их проживания за исключением некоторых населённых пунктов. Данные переписей показывают увеличение числа эвенков, говорящих на русском языке, а часть из них (в основном проживающих в южных районах Якутии) использует якутский. Тем не менее многие, даже не владеющие эвенкийским языком, продолжают определять его родным. Для изучения данной ситуации Институтом языкознания РАН было проведено исследование, выявившее уровень его жизнеспособности в эвенкийских поселениях, который варьировался от угрозы полного исчезновения языка до потенциального нового языкового сдвига.

Как уже было отмечено выше, предложенная организаторами научного форума проблематика социальных изменений в этнических группах в контексте новой политической реальности практически не получила отклик у участников Дробижевских чтений. Между тем именно она может стать магистральной для российской этносоциологии последующих десятилетий. Не случайно Леокадия Михайловна, обладая высочайшим научно-исследовательским чутьем, писала о том, что в переходном обществе принципы и границы социальной дифференциации «становятся более рельефными, обращающими на себя внимание» (Дробижева, 2002: 5). Изучение темы проживания представителями разных этнических общностей России происходящих глубинных изменений, адаптации к ним и влияния происходящих событий на многоаспектную социальную стратификацию в этническом поле необходимо для сохранения межнационального согласия в современном российском обществе. Важно понять, насколько ощущение себя частью своей этнической группы может стать реальным ресурсом построения новой формулы многонациональной России.

В заключении представленного анализа отметим следующее. II Дробижевские чтения проходили в условиях серьезных социально-политических перемен – реформирования глобального порядка и складывания обновленного по-

литического ландшафта внутри страны и на международной арене. Эти процессы не могли не затронуть различные аспекты общественного сознания и этносоциальной жизни, включая идеологические основы формирования российской нации и отнесение социальными субъектами себя к государственно-гражданской, региональной, этническим, религиозным общностям, взаимодействие представителей различных этнических, этноконфессиональных групп и отношения между ними, а также к мигрантам из других стран. Изменившаяся социальная действительность требует поиска новых, адекватных концептуальных подходов для ее рассмотрения. Примером в этом плане могут служить научно-исследовательские принципы и сама деятельность Леокадии Михайловны Дробижевой, всегда внимательно всматривавшейся в реальность и, именно отталкиваясь от нее, выстраивавшей теоретические основания анализа происходящих в обществе процессов и событий.

Рассмотрение тематики секций, круглых столов и содержания самих докладов «Дробижевских чтений» показало, что работа в этом направлении начата. Но она требует определенной временной дистанции для глубокого теоретического осмысления. Сегодняшний же этап характеризуется, на наш взгляд, некоторой неопределенностью в развитии теоретико-методологических подходов в современной отечественной этносоциологии, как и социологии в целом. Хотя многие важные вопросы поставлены, и исследования ведутся, в том числе в направлении такой актуальной темы, как интеграция новых регионов страны в единое социокультурное пространство России, адаптация населения приграничных территорий к нынешним сложным обстоятельствам.

Так или иначе, поменявшаяся реальность требует фокусированного изучения. И оно не может осуществляться вне опоры на традиции отечественной науки и этносоциологии в частности, с одной стороны, и поиска новых теоретических, методологических подходов и управленческих решений, с другой.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

ЛИТЕРАТУРА

Винер Б.Е., Дивисенко К.С. Российская этносоциология: границы, исследовательские области и исследовательские группирования // Социология науки и технологий. 2015. Т. 6. № 4. С. 177–196.

Дробижева Л.М. Этносоциология: от пограничной области исследований к отрасли социологии // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 17–29. <https://doi.org/10.7868/S013216251806-001X>

Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003.

Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробизева. М.: Academia, 2002.

REFERENCES

Drobizheva L.M. (2003) *Social Problems of the Interethnic Relations in Post-Soviet Russia*. Moscow: Center for Universal Human Values Publ. (In Russ.)

Drobizheva L.M. (2018) Ethnosociology: from the frontier research field to a branch of sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No 6: 17–29. (In Russ.)

Social inequality of ethnic groups: representations and reality (2002). Eds. L.M. Drobizheva. Moscow: Academia Publ. (In Russ.)

Wiener B.E., Divisenko K.S. (2015) Russian sociology of ethnic relations: boundaries, research areas, and research groupings. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii* [Sociology of Science and Technology]. No.4 (6): 177–196. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Габдрахманова Гульнара Фаатовна, доктор социологических наук, заведующая отделом этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-1796-5234>; e-mail: medi54375@mail.ru

Макарова Гузель Ильясовна, доктор социологических наук, главный научный сотрудник отдела этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-3912-0961>; e-mail: makarova_guzel@mail.ru

About the authors:

Gulnara F. Gabdrakhmanova, Doctor Sc. (Sociology), Head of the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-1796-5234>; e-mail: medi54375@mail.ru

Guzel I. Makarova, Doctor Sc. (Sociology), Chief Researcher at the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-3912-0961>; e-mail: makarova_guzel@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 13.10.2025

Доработана после рецензирования / Revised 27.11.2025

Принята к публикации / Accepted 11.12.2025

Подготовка и издание сетевого научного журнала осуществлены в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа»

The preparation and publication of the online scientific journal were carried out within the framework of the State program of the Republic of Tatarstan “Preservation of the National Identity of the Tatar People”

Академия наук Республики Татарстан является правообладателем исключительных имущественных прав на свои издания. Любое использование материала данного издания (размещение в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

The Tatarstan Academy of Sciences is a holder of exclusive property rights of its own publications. Any use of the material of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole or in part, without permission of the rights holder is prohibited.

<https://historicaethnology.org>

E-mail: his.ethnology@gmail.com

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ. 2026. Том 11. № 1
Сетевое издание

HISTORICAL ETHNOLOGY. 2026. Vol. 11. No. 1
Online media

Компьютерная верстка – *Л.М. Зигангареева, А.Р. Тухватуллина*

Оригинал-макет подготовлен

в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ

420111, ул. Батурина, 7, Казань,

Республика Татарстан, Российская Федерация

Дата выхода в свет 2.03.2026 г.

Формат 60×84 ¹/₈

Свободная цена